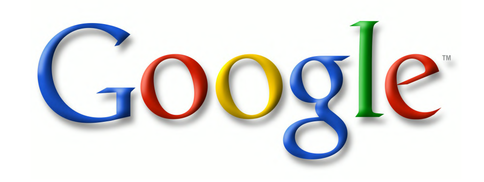
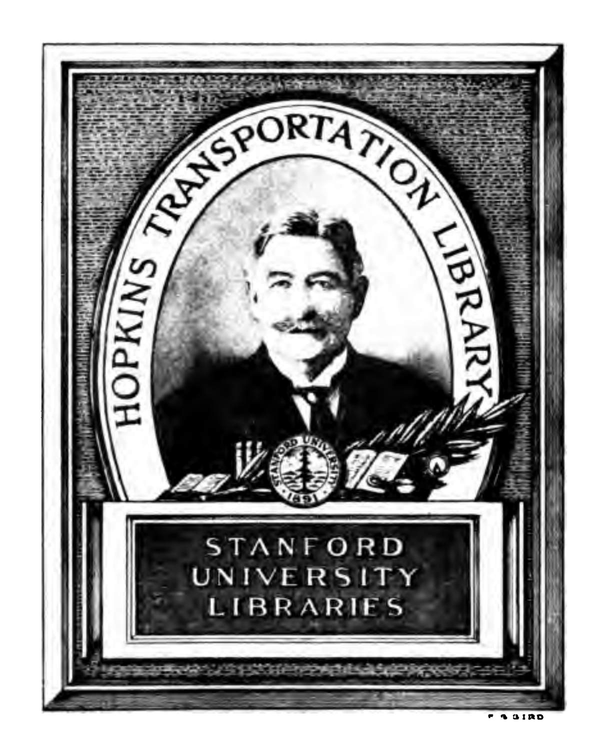

HOPKINS TRANSPORTATION LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY 1891
STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О произведеніяхъ

А. С. ПУШКИНА.

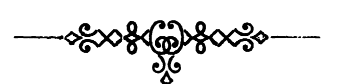
ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

СОСТАВИЛЪ

В. Зелинскій.

II

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Арбатъ, д. Платонова.
1887.

РУССІЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕЂ

А. С. ПУШИНА.

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОСТАВИЛЪ
В. Зелинскій.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Арбатъ, д. Платонова.
1887.

КРИТИКА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

182 г.

*) Поблагодаривъ Васъ, Милостивый Государь, за помѣщеніе моей *Критики* въ прекрасномъ Вашемъ журналѣ, я обращаюсь къ Вамъ съ смиреннымъ и краткимъ моимъ отвѣтомъ на сдѣланныя къ оной Вами *замѣчанія*. Чувствую, какъ опасно и страшно вступить въ состязательный подвигъ съ человѣкомъ, слѣдующимъ *новой тактикѣ* или *стратегической ереси;* однако, какъ бы то ни было, хочу *рискнуть* и — послѣ *закаяться*. Я миролюбивъ отъ природы и страшусь канонадъ полемическихъ. И такъ я начну съ оправданія самого себя, потому что благодѣтельная Природа глубоко врѣзала въ сердце каждаго существа сильное желаніе собственнаго сохраненія, личной безопасности и — любви къ самому себѣ.

Вы говорите, Милостивый Государь, что хотя я и не возстаю противъ Поэзіи Романтической, но, кажется, слишкомъ строго требую отъ Сочинителя *Бахчисарайскаго Фонтана* плана и полнаго очертанія характеровъ. Сказавъ, что я не возстаю противъ Романтической Поэзіи, Вы сказали совершенную истину, ибо Поэзія Романтическая имѣетъ для меня столько прелестей, что я всегда съ новымъ удовольствіемъ перечитываю *Аріоста, Бейрона* и *Вальтера Скотта*. Говоря, во-вторыхъ, что я слишкомъ строго требую плана, Вы также сказали почти правду. Но изъяснясь, почтенный Ѳ. В., что я съ такою же строгостью требую отъ Сочинителя *Бахчисарайскаго фонтана* полнаго очертанія характеровъ, Вы говорите о томъ, о чемъ я никогда не говорилъ и говорить не

---

*) „Русскій Инвалидъ" 1825 г., № 52 (статья Олина, подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Г-ну Булгарину на сдѣланныя имъ замѣчанія къ статьѣ: *Критическій взглядъ на Бахчисарайскій Фонтанъ,* помѣщенной въ 1-мъ нумерѣ *Литтературныхъ Листковъ,* минувшаго 1824 года").

думалъ. Кладу руку на совѣсть и ссылаюсь въ этомъ на Вашихъ и моихъ Читателей.

Вы извѣщаете насъ, что не признаете никакого рода Поэзіи, а слѣдуете буквальному смыслу извѣстнаго стиха *Вольтерова: Tous les genres sont bons, horse genre ennuyeux,* т.-е. *всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго.* Прекрасно! Но если Вы, Милостивый Государь, слѣдуете буквальному смыслу стиха сего, то безъ сомнѣнія допускаете и *роды* Поэзіи; если же Вы допускаете *оные,* то зачѣмъ же говорите, и говорите *смѣло,* что не признаете никакого рода Поэзіи? Можетъ быть, Вы скажете, что я поймалъ Васъ на словѣ; пусть такъ; но слова — суть *идеи;* онѣ — зеркало нашего соображенія, нашей Логики.

Далѣе. Вы изъясняетесь, что тотъ, кто *вѣрно описываетъ образы природы,* изображаетъ предметъ живыми красками, изъясняется сладкозвучно, и возбуждаетъ въ душѣ читателя желаемое ощущеніе — тотъ истинный Поэтъ; что Романтическій Поэтъ, такъ сказать, *уловляетъ, подслушиваетъ природу въ ея дѣйствіи,* но не вовлекаетъ ее въ сѣти искуства. Согласенъ; и Вы, опровергая меня, меня же оправдываете, и сами на себя, наточивъ, подаете мнѣ оружіе. Развѣ я не говорилъ въ моей критикѣ, что Хану *Гирею* не должно было бы ходить въ Гаремъ; Хану, который сдѣлался равнодушнымъ даже къ прелестямъ *Заремы,* сей *звѣзды любви,* и который — по словамъ Поэта — проводилъ мрачный и одинокій хладные часы ночи; ибо этотъ поступокъ совершенно противенъ мрачному состоянію души *Гиреевой.* Слѣдовательно, прелестный Стихотворецъ — въ этомъ случаѣ — *не вѣрно списалъ, не ловилъ, не подслушалъ природу въ ея дѣйствіи.* Согласитесь, Милостивый Государь, что изображать *природу* въ произведеніяхъ искуства — есть верхъ искуства, и одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ, какъ всѣхъ Изящныхъ Художествъ, такъ и Поэзіи. И въ самомъ дѣлѣ, что бы Вы подумали о *Бейронѣ,* если бы онъ вдругъ вздумалъ посадить своего *Корсера* за роскошную трапезу, и заставилъ бы его осушать кубки, виномъ кипящіе? Не сказали ли бы вы, что Поэтъ не выдержалъ характера, даннаго имъ своему Герою, не выдержалъ страсти? Не показалось ли бы странно, если бы человѣкъ, погруженный въ глубокую меланхолію, и которому постылы, опротивѣли всѣ удовольствія, вдругъ и, такъ сказать, скоропостижно поѣхалъ на балъ и сталъ танцовать кадрили, тампеты, вальсы и экоссесы? Хотя Вы и гово-

рите, Милостивый Государь, что сердце человѣка неизмѣримо, и внезапныя движенія его непредвидимы, какъ порывъ бури въ Океанѣ; однако подобный поступокъ ясно обнаружилъ бы *бурю Логическую,* свирѣпствующую въ веществѣ, называемомъ *мозгомъ,* между *окципутомъ* и *синципутомъ.* Что жъ касается до мнѣнія Вашего, что Романтическій Поэтъ *не вовлекаетъ природу въ сѣти искуства*; то я рѣшительно скажу Вамъ, что правила искуства (я не разумѣю здѣсь формы и механизмъ) извлекаются непосредственно изъ самой Природы; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, *искуство* есть копія Природы; или, говоря иначе, искуство и Природа суть значенія синонимныя.

Въ Поэзіи, называемой нынѣ Романтическою (которую я назову природною), — продолжаете Вы — *должно искать, по моему мнѣнію, не плана, но общей гармоніи или согласія въ цѣломъ.* — Скользя по Вашей *общей гармоніи* или по Вашему *согласію въ цѣломъ* (ибо здѣсь эта фраза одинъ только звукъ, однѣ идеи темныя, неопредѣлительныя, въ отношеніи къ предмету), я спрошу Васъ только о томъ, почему именно въ Поэзіи Романтической не должно искать *плана?* Гдѣ Ваши доказательства? А на слово, въ подобномъ случаѣ, читатель вѣрить не обязанъ. Во всемъ, Милостивый Государь, долженъ быть планъ, относительный къ предмету. Взгляните внимательно на Поэмы *Бейрона* и *Вальтера Скотта:* въ каждой изъ нихъ Вы найдете планъ выдержанный, особенно въ Поэмахъ перваго. Мнѣ кажется, что, въ слѣдствіе заключенія Вашего, Вы бы гораздо вѣрнѣе опредѣлили Поэзію Романтическую, назвавъ оную не *природною,* но *безпланною.* Благословенный и для многихъ писателей спасительный родъ Поэзіи, освобождаемый самимъ журналистомъ отъ плана и правилъ! За что, скажите, Вы такъ *ультра-либерально* думаете о Поэзіи Романтической?

Въ примѣчаніи Вашемъ Вы говорите, что полагаете неизлишнимъ при семъ случаѣ изложить Вашъ образъ мыслей на счетъ Романтической Поэзіи, о которой нынѣ многіе спорятъ, желая оную опровергнуть; — обѣщали, и — ничего не сказали, кромѣ того, что назвали Романтическую Поэзію: Поэзіею *природною.* Но что такое Поэзія *природная?* Если Вы, подъ симъ выраженіемъ, разумѣли ту Поэзію, которая описываетъ природу страстей, природу нравственную, — въ такомъ случаѣ это обстоятельство отнюдь не можетъ

назваться исключительною принадлежностію одной только Поэзіи Романтической. Такія опредѣленія не суть опредѣленія; оныя должны быть ясны, удовлетворительны.

Въ заключеніе позвольте и мнѣ, Милостивый Государь, сдѣлать краткое опредѣленіе Поэзіи Романтической, не излагая однако, съ доказательствами, моего образа мыслей на счетъ оной; ибо *я* нахожу, просто, сей родъ Поэзіи самымъ прекраснымъ, интереснымъ, чрезвычайно способнымъ къ патетическому, очаровательнымъ. И такъ Поэзію Романтическую можно иначе назвать *Романическою,* потому что всѣ обстоятельства, всѣ положенія, приличествующія *роману,* приличны также и Поэмѣ Романтической. Замѣтьте, мимоходомъ, что слово *romantique,* взятое изъ Англійскаго языка *(romantic),* вступило очень недавно въ гражданство словъ языка Французскаго; и еслибы этотъ родъ Поэзіи усилился въ Европѣ въ 18 столѣтіи, то, безъ сомнѣнія, Французская Академія назвала бы оный: *le genre romanesque,* и Поэзія Романтическая называлась бы: *la poésie romanesque,* а не romantique. Посмотрите, изъ любопытства, во Французской Энциклопедіи второе значеніе слова *romanesque. Бойеръ,* извѣстный Сочинитель прекраснаго Англійскаго Словаря, прилагательное *romantic* переводитъ такимъ образомъ: *romanesque, de roman, qui sent le roman;* слѣдовательно слова *romanesque* и romantique суть идеи синонимныя. И такъ Поэма Романтическая есть романъ въ стихахъ, или, говоря иначе, Романъ Поэтическій. И если планъ долженъ находиться въ романѣ, то безъ сомнѣнія долженъ находиться также и въ Поэмѣ Романтической; если Романистъ обязанъ также выдерживать страсти и рисовать характеры, то само собою разумѣется, что и Поэтъ Романтическій не увольняется отъ сей обязанности. Переложите въ стихи, съ нѣкоторыми перемѣнами, *Пустынника дикой горы, Инси-Боэ* и *Ренегата д'Арленкура,* или нѣкоторыя изъ Поэмъ *Вальтера Скотта,* напримѣръ: *Ивангоэ, Невѣсту Ламермоорскую,* и проч., — и Вы будете имѣть прекрасныя Поэмы Романтическія; и, *vice versa,* обратите въ прозу *Корсера, Осаду Коринѳа, Паризину, Невѣсту Абидосскую, Госпожу озера, Рокеби, Гарольда храбраго, Сговоръ Трирмена, Марміона* и проч., — и Вы получите прекрасные и блестящіе романы Поэтическіе, или, по крайней мѣрѣ, прелестныя Повѣсти Романтическія. Замѣтьте, что славный Французскій Переводчикъ Поэмъ *Вальтера Скотта, Пишо*

(онъ же перевелъ и сочиненія Лорда *Бейрона),* назвалъ ихъ не Поэмами, а *Стихотворными* или *Поэтическими романами (romans poétiques);* и чтобы убѣдить Васъ болѣе, скажу, что и самъ Томасъ *Муръ,* Авторъ двухъ прекрасныхъ Поэмъ: *Любовь Ангеловъ* и *Лалла-Рукъ,* назвалъ послѣднюю не Поэмою, но *Ро́маномъ Восточнымъ (an Oriental Romance).* И такъ, Милостивый Государь, вотъ какъ я опредѣляю этотъ родъ сочиненія; вотъ, что я думаю о Поэзіи Романтической.

Окончу отвѣтъ мой увѣреніемъ Васъ, Милостивый Государь, въ нелицемѣрномъ моемъ уваженіи отличныхъ талантовъ *Г. Пушкина.* Этотъ Поэтъ есть одна изъ самыхъ блистательныхъ звѣздъ на Литтературномъ нашемъ горизонтѣ: такъ я о немъ думаю; и если благоразуміе не всегда велитъ порицать худое, то, по крайней мѣрѣ, смѣло будемъ хвалить хорошее.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, и проч.

* * *

*) Спѣшимъ, хотя немножко и опоздали, извѣстить любителей отечественной Поэзіи, что новая Поэма А. С. Пушкина, или, какъ сказано въ заглавіи книжки, *Романъ въ стихахъ,* или первая глава Романа: *Евгеній Онѣгинъ,* отпечатана и продается въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина, у Казанскаго моста, по 5 р., а съ пересылкою по 6 р. О цѣломъ романѣ, особливо о планѣ его и о характерахъ, изображаемыхъ въ немъ лицъ, судить по одной главѣ не возможно. И такъ скажемъ только о слогѣ. Разсказъ превосходенъ: вездѣ видна непринужденность, веселость, чувство и картинная Поэзія. *Описывать мое же дѣло* — говоритъ Сочинитель на 21 стран. И правда: онъ мастеръ и большой мастеръ этого дѣла. Картины его отличаются не только нѣжностію кисти и свѣжестію красокъ, но не рѣдко сильными, смѣлыми, рѣзкими и характерными, такъ сказать, чертами, что показываетъ необыкновенное дарованіе, т.-е. счастливое воображеніе и наблюдательный духъ. Стихосложеніе (Versification) превосходно: молодой Пушкинъ давно уже занимаетъ почетное мѣсто между лучшими нашими версификаторами, число которыхъ и теперь еще, къ сожалѣнію и къ удивленію, не такъ велико.

---

*) „Благонамѣренный" 1825 г., ч. 29, № 9 („Книжныя Извѣстія". Статья И.).

Пользуясь *съ умѣренностію* правомъ Журналиста-Библіографа, представимъ здѣсь небольшой (впрочемъ не самый еще лучшій) образчикъ слога, или разсказа изъ *Евгенія Онѣгина.*

Служилъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва Madame за нимъ ходила,
Потомъ Monsieur ее смѣнилъ,
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

—

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ Dandy Лондонскій одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно;
Чего жь вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

—

Мы всѣ учились понемногу
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ,
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ)
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,

Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграмъ.

Каковъ же этотъ портретъ воспитаннаго по модѣ Русскаго дворянина? Въ каждомъ почти стихѣ разительная, характерная черта. Какъ кстати упомянуто здѣсь о *Madame, Monsieur!... А убогой* — нельзя было удачнѣе прибрать эпитета важному наставнику Французу, который училъ *шутя всему рѣзваго* и *милаго* малютку, даже въ *Лѣтнемъ саду.* — Но увы! *пришла пора* и *прогнали со двора Monsieur l'Abbé.* О неблагодарность! А не онъ ли выучилъ Евгенія *всему,* т.-е. *совершенно изъясняться* пофранцузски и... *писать!* — Но у Евгенія былъ другой еще наставникъ и *вѣрно ужъ Французъ,* который научилъ его кланяться непринужденно и легко танцовать мазурку, такъ же легко и ловко, какъ танцуютъ ее въ Польшѣ... *Чего жъ вамъ больше?* — *Строгіе, рѣшительные судьи* признали Евгенія не только ученымъ, но даже... *педантомъ.* Вотъ что значитъ:

Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего *слегка,*
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ.

Довольно въ этой книжкѣ картинныхъ описаній; но самое полное и самое блестящее изъ нихъ есть безъ сомнѣнія описаніе театра. Прекрасна также похвала прекраснымъ женскимъ ножкамъ. Не соглашаемся однако съ любезнымъ Сочинителемъ, будто врядъ ли можн найти *въ Россіи цѣлой три пары стройныхъ женскихъ ногъ*

Ну какъ сказать онъ это могъ?
Какъ стройны ножки, не велики
У Евфрозины, Милолики,
У Лидіи, у Ангелики!

Вотъ я насчиталъ четыре пары.

А можетъ быть во всей Россіи есть
По крайней мѣрѣ паръ пять, шесть!

Въ *Предувѣдомленіи* къ *Евгенію Онѣгину* замѣчательны слѣдующія слова: «да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ; отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ». — Въ самомъ дѣлѣ эти два достоинства всегда были рѣдки въ сатирическихъ писателяхъ, особенно рѣдки въ нынѣшнее время. За *Предувѣдомленіемъ* слѣдуетъ *Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ*. Желательно, чтобы всегда говорили у насъ такъ умно, какъ здѣсь, не только книгопродавцы, но и Поэты, даже въ преклонныя лѣты.

* * *

*) Талантъ Автора всѣмъ извѣстенъ, всѣми оцѣненъ по достоинству; и между тѣмъ, какъ мы пишемъ статью о новомъ произведеніи любимца Музъ, оно уже въ рукахъ у каждаго образованнаго читателя, каждаго свѣтскаго человѣка и на письменномъ столикѣ каждаго литтератора, друга и недруга музы Пушкиной, и слѣдовательно всѣ уже судятъ и рядятъ о *Евгеніи Онѣгинѣ;* и слѣдовательно ничего уже не остается сказать журналисту, котораго, впрочемъ, мнѣніе — не законъ. Но Поэтъ говоритъ:

«И я средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель имъ не принесетъ...»

И мы, какъ издатели *Дамскаго Журнала,* имѣемъ долгъ и право вступиться за *красоту* и обличить Поэта... въ неблагодарности противъ *прелестныхъ глазъ,* которые не устаютъ, не перестаютъ устремляться съ *улыбкою любви...* къ таланту Автора, на прелестные стихи его, дышащіе любовію вопреки піитической филиппикѣ противъ... *волшебныхъ устъ,* неумолкающихъ въ по-

*) «Дамскій Журналъ» 1825 г., ч. 9, № 6 («Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Пушкина»).

хвалѣ *сладкимъ звукамъ* очаровательнаго Поэта! Нѣтъ! женщинамъ *не чуждо вдохновеніе,* и онѣ никогда не судятъ о произведеніяхъ его такъ *смѣшно,* какъ нѣкоторые мущины, съ *восхищеніемъ* повторяющіе о *щеткахъ тридцати родовъ,* тогда какъ ни слова не скажутъ о стихахъ, читаемыхъ и перечитываемыхъ съ восторгомъ женщинами — каковы слѣдующіе:

«Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой»!

Такое познаніе сердца человѣческаго и такая вѣрная картина любовной тактики важнѣе, кажется, нежели описаніе *туалета.* Но туалетъ знакомѣе... обезьянамъ женщинъ.

И можно ли Поэту *Грацій* не довѣрять *душѣ* женщины, хотя даже *вѣтреной,* и думать, чтобы когда-нибудь могъ не *коснуться* души ея — *стонъ лиры вѣрной?* И должно ли болѣе ожидать, въ отношеніи къ твореніямъ *Рускаго* генія отъ нашихъ Зефировъ, особливо въ Марсовой одеждѣ, которые говорятъ: «Я видѣлъ (такого-то) *много* въ Парижѣ?» Дамы наши, переводя въ разговорахъ Французскія фразы на Рускія слова, по крайней мѣрѣ *чувствуютъ* свойственнымъ ихъ полу образомъ; и вообще скорѣе къ мущинамъ, большею частію холоднымъ, завистливымъ, педантамъ, нежели къ женщинамъ, касательно Литтературы, вовсе не знающимъ сихъ пороковъ, можно и должно отнести сіе піитическое раскаяніе, плѣнительное въ самой несправедливости своей:

«Когда-жь на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими (женщинами) стихъ,
Я содрогаюсь; сердцу больно;
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.

Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?»

Но негодованіе Поэта на женщинъ есть негодованіе *страстнаго любовника,* который въ самой ссорѣ съ *боготворимымъ* предметомъ *невольно* льститъ его сердцу — и вотъ доказательство:

«Ахъ! мысль о *ней* души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви» *и проч.*

Таковы были *истинные* поэты во всѣ времена! Ибо что есть женскій полъ, какъ не *піитическая* половина рода человѣческаго? Самые недостатки ихъ *стихотворнѣе* лицемѣрной добродѣтели, подъ личиною которой нерѣдко мущина скрываетъ честолюбіе, корыстолюбіе, суемудіе и проч. и проч.

Пусть же любезный Поэтъ накажетъ *невѣрную* отказомъ въ своихъ сочиненіяхъ и пишетъ ихъ для подругъ ея, вѣрныхъ его таланту!

«Блаженъ, *про женщинъ* кто таилъ
Души высокія созданья,
И отъ *мущинъ,* какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!»

Обращаясь къ таланту Автора, скажемъ смѣло, что мы узнаемъ болѣе и болѣе, къ чему способенъ языкъ нашъ; это Протей подъ перомъ Пушкина: принимаетъ всѣ формы, всѣ краски, всѣ цвѣты; а гибкость, а легкость, а гармонія стиховъ удивительны: это мелодія Олимпа, плѣнявшая боговъ! — Инаго вообразить невозможно!

Замѣтить нѣкоторыя погрѣшности противъ Грамматики обыкновенной не оставятъ, какъ надѣемся, другіе; мы, для нашихъ Читательницъ занялись единственно Грамматикою поэзіи и чувства. Первая изъ сихъ двухъ, столь противоположныхъ между собою Грамматикъ, принадлежитъ — мущинамъ, послѣдняя женщинамъ.

Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона!» *)

* * *

**) Свободная, пламенная Муза, вдохновительница Пушкина, приводитъ въ отчаяніе диктаторовъ нашего Парнасса и осѣдлыхъ Критиковъ нашей Словесности. Бѣдные! Только что успѣютъ они увѣрить своихъ кліентовъ, что въ силу такого-то или такого параграфа Піитики, изданной въ такомъ-то году, Поэма Пушкина не Поэма, и что можно доказать это по всѣмъ правиламъ полемики, новыми рукоплесканіями заглушается охриплый шопотъ ихъ и всеобщій восторгъ заботитъ ихъ снова пріискивать доказательствъ на истертыхъ листочкахъ реченной Піитики!

Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже? Довольно, что Англійскіе Критики не знали, что̀ дѣлать съ Бейрономъ: не уже-ли и Русскимъ придетъ такая-же горькая участь отъ Пушкина? Уже и хвалить его они не смѣютъ: кто боится попасть въ кривотолки, кто говоритъ, что ничего сказать не можетъ, кто просто отмалчивается.— Но пока готовятся безмолвные громы ихъ, поспѣшимъ раздѣлить съ нашими читателями ра̀дость о новомъ, счастливомъ событіи на Парнассѣ нашемъ — о появленіи новаго поэтическаго произведенія любимца всѣхъ Русскихъ читателей.

Давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала Публика *Онѣгина;* теперь отчасти и вполнѣ удовлетворилось желаніе читателей: *отчасти,* ибо издана только первая глава этого Поэтическаго романа; *вполнѣ,* потому что изданіе Онѣгина положительно доказываетъ право Пушкина уже не просто на талантъ, но на что-то выше.

«Но что такое *Онѣгинъ?*» спросятъ критики, — «что за Поэма, въ которой есть главы, какъ въ книгѣ? По какимъ правиламъ она составлена? Къ какому роду принадлежитъ?»

---

*) Въ 10-й ч., № 8-мъ «Дамскаго Журнала» за 1825 г. помѣщено стихотвореніе К. Ш. (князя Шаликова?) «Къ Александру Сергѣевичу Пушкину. *(На его отреченіе пѣть женщинъ»).*

**) «Московскій Телеграфъ» 1825 г., ч. 2, № 5 («Современная Русская Литтература. *Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Александра Пушкина»*. Статья Полевого).

Примѣч. В. Зелинскаго.

Онѣгинъ, Мм. Гг., *романъ въ стихахъ,* слѣдовательно въ романѣ позволяется употребить раздѣленіе на главы; правила, руководствовавшія Поэта, заключаются въ его творческомъ воображеніи; родъ, къ которому принадлежитъ романъ его, есть тотъ самый, къ которому принадлежатъ Поэмы Бейрона и Гёте.

Донъ-Жуанъ почитается однимъ изъ лучшихъ, и едва-ли не лучшимъ произведеніемъ Бейрона. *Difficile est proprìè communia dicere,* сказалъ великій сей Поэтъ, издавая Донъ-Жуана. Онъ чувствовалъ, какъ тяжело было ему бороться съ своимъ предметомъ, и тѣмъ славнѣе былъ его подвигъ, тѣмъ громче торжество.

Въ угодность привязчивымъ Аристархамъ, согласимся, что, по существу своему, Поэму, подобную Донъ-Жуану и Беппо, Поэму, гдѣ нѣтъ постоянной завязки, хода дѣйствій, съ начала ведомыхъ къ одной главной, ясной цѣли, гдѣ нѣтъ эпизодовъ гладко вклеенныхъ, нельзя назвать ни эпическою, ни дидактическою Поэмою; но это уже дѣло холоднаго разсудка пріискивать на-досугѣ, почему написанное не по извѣстнымъ правиламъ — хорошо, и на всякій новый опытъ Поэзіи прибирать ладъ и мѣру; не Поэту же спрашивать у Піитиковъ: можно ли дѣлать то или то! Его воображеніе летаетъ, не спрашиваясь Піитикъ: падаетъ онъ, тогда торжествуйте побѣду школьныхъ правилъ; если-же полетъ его изумляетъ, очарорываетъ сердца и души, дайте намъ насладиться *новымъ* торжествомъ ума человѣческаго: всякое новое пріобрѣтеніе Бейроновъ или Пушкиныхъ дѣлаетъ и намъ честь, ибо дѣлаетъ честь странѣ, которой онъ принадлежитъ, и вѣку, въ которомъ живетъ.

То самое высокое наслажденіе, въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать самому себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: все *ограниченное,* въ наслажденіяхъ эстетическихъ, отвращаетъ человѣка — и въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой романтической Поэзіи.

Пушкинъ обѣщаетъ своимъ критикамъ написать Поэму въ 25 пѣсенъ, въ которой будутъ выполнены всѣ условія, предписанныя покойнымъ Баттё. Тогда и мы обѣщаемся написать рецензію, которую начнемъ полнымъ и обстоятельнымъ разборомъ всѣхъ эпическихъ поэмъ, изслѣдуемъ всѣ подробности, какъ-то: правильно-ли превращеніе кораблей Энеевыхъ въ Нимфъ; сколько разъ долженъ былъ оббѣжать Гекторъ Трою, чтобы утомить сына Пелеева; а

кончимъ вѣрными доказательствами, что никто изъ новыхъ не сравнится даже и съ Аполлоніемъ Родосскимъ. Разумѣется, что въ такомъ случаѣ не должно забывать избитыхъ эпиграфовъ: vos exemplaria Graeca и проч. и проч.

Между тѣмъ, вѣрно никто изъ самыхъ задорныхъ критиковъ Пушкина, прочитавши новую Поэму его, не откажетъ ему въ истинномъ, неподложномъ талантѣ. Зачѣмъ не пишетъ онъ Поэмъ въ силу правилъ Эпопеи? Та бѣда, что и Поэтъ воленъ въ направленіи своего восторга; что ему поется, то онъ поетъ...

Въ очеркахъ Рафаэля видѣнъ художникъ, способный къ великому: его воля приняться за кисть — и великое изумитъ наши взоры; не хочетъ онъ — и никакія угрозы критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе.

Въ музыкѣ есть особый родъ произведеній, называемыхъ *capriccio* — и въ Поэзіи есть они: таковы Донъ-Жуанъ и Беппо, Бейрона, таковъ и *Онѣгинъ,* Пушкина. Вы слышите очаровательныя звуки: они льются, измѣняются, говорятъ воображенію и заставляютъ удивляться силѣ и искуству Поэта. Соглашаемся, что по отрывку нельзя судить о цѣломъ; но кто въ произведеніяхъ Пушкина не находитъ Поэзіи, съ тѣмъ не будемъ ничего говорить о Поэзіи.

Содержаніе первой главы Онѣгина составляетъ рядъ картинъ чудной красоты, разнообразныхъ, всегда прелестныхъ, живыхъ. Герой романа есть только связь описаній.

Съ самаго начала Онѣгинъ скачетъ на почтовыхъ въ деревню своего дяди, богача, умирающаго, который оставляетъ племяннику все свое имѣніе. Тутъ Поэтъ сказываетъ, кто такой Онѣгинъ, описываетъ его воспитаніе, знанія, свойства, день прежней Петербургской его жизни, обѣдъ у Талона, пріѣздъ въ театръ, туалетъ Онѣгина, мимоходомъ балъ, грусть, необходимое послѣдствіе разсѣянной жизни, и свое знакомство съ недовольнымъ жизнію Онѣгинымъ, который получаетъ письмо о болѣзни дяди, ѣдетъ къ нему въ деревню, не застаетъ его въ живыхъ, и получивъ богатство, не перестаетъ скучать. — Поэтъ кончаетъ шуткою.

Читатели видятъ, что Онѣгинъ принадлежитъ къ тому роду стихотвореній, въ которомъ донынѣ у насъ не было ничего сколько нибудь сноснаго. Шуточныя Поэмы нашихъ стихотворцевъ сбивались въ плоскости, шутки ихъ оскорбляли благопристойность, улыбка

походила на хохотъ тѣхъ героевъ, которыхъ они описывали, какъ то: трактирщиковъ, карточныхъ игроковъ или пьяницъ; видно, Пушкину суждено быть *первымъ* и въ исполненія Поэмъ и въ изобрѣтеніи предмета своихъ Поэмъ. Надобно сказать, что вообще новые Поэты въ сочиненіяхъ сего рода открыли новыя стороны, неизвѣстныя стариннымъ сочинителямъ: *Налой* или *Похищенный локонъ* однообразны, Поэтъ только смѣшитъ; но Бейронъ не смѣшитъ только, но идетъ гораздо далѣе. Среди самыхъ шутливыхъ описаній онъ рѣзкимъ стансомъ обнаруживаетъ сердце человѣка, веселость его сливается съ унылостью, улыбка съ насмѣшкою и въ такомъ же положеніи какъ Бейронъ къ Попу, Пушкинъ находится къ прежнимъ сочинителямъ шуточныхъ Русскихъ Поэмъ. Онъ не кривляется, надувая эпическую трубу, не пародируетъ Эпопеи, не сходитъ въ толпу черни: выбравъ героя изъ высшаго званія общества, онъ только рисуетъ съ неподражаемымъ искуствомъ различныя положенія и отношенія его съ окружающими предметами, — и здѣсь тайна прелести Поэмы Пушкина. Но не смѣхъ возбуждаетъ Поэтъ; онъ освѣщаетъ передъ нами общество и человѣка: герой его — шалунъ съ умомъ; вѣтреникъ — съ сердцемъ — онъ знакомъ намъ, мы любимъ его!

И съ какимъ неподражаемымъ умѣньемъ разсказываетъ нашъ Поэтъ: переходы изъ забавнаго въ унылое, изъ веселаго въ грустное, изъ сатиры въ разсказъ сердца — очаровываютъ читателя. Мысли Философа, опытнаго знатока и людей и свѣта, отливаются въ яркихъ истинахъ: кажется, хочешь спросить, какъ успѣлъ подслушать Поэтъ тайныя біенія сердца? гдѣ научился высказывать то, что мы чувствовали и не умѣли объяснить?

Картины Пушкина полны, живы, увлекательны. Не выписывая изъ Онѣгина (ибо надобно переписать половину книги), мы укажемъ: на изображеніе знаній Онѣгина, изображеніе Санктпетербургскаго Театра, кабинета Онѣгина, пріѣзда на балъ, Петербурга утромъ, похоронъ дяди. — Насмѣшки его остры, умны, разительны: не можемъ не пересказать слѣдующихъ:

Мы всѣ учились понемногу
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Онѣгинъ:

... Читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ Государство богатѣетъ
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ...

«Главный признакъ изящнаго есть простота», сказалъ одинъ Германскій Философъ — и что же простѣе, добродушнѣе этой насмѣшки надъ толками модныхъ послѣдователей Смита? Тотъ-же Философъ говоритъ, что «народная (nationale) Словесность беретъ у воображенія то, что сильнѣе говоритъ уму и характеру народа» — и эту народность, эту сообразность описанія современныхъ нравовъ Пушкинъ выразилъ мастерскимъ образомъ. Онѣгинъ не скопированъ съ Французскаго или Англійскаго; мы видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда.

Спѣшимъ оправдать Пушкина въ укоризнахъ, которыя дѣлаютъ ему нѣкоторые Критики. Кромѣ того, что лишаютъ себя наслажденія, они стараются еще и другимъ передать мучительныя свои ощущенія. Они увѣряли всѣхъ и каждаго, что Русланъ взятъ изъ Аріоста, Кавказскій Плѣнникъ изъ Чайльдъ-Гарольда, Бахчисарайскій Фонтанъ изъ Гяура — предчувствуемъ, что Онѣгина осудятъ на подражаніе *Донъ-Жуану* и *Беппо*, Бейрона, и *Дню* Парини. Читавшимъ Бейрона нечего толковать, какъ отдаленно сходство Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ; но для людей, не знающихъ Бейрона или Парини, но которые любятъ повторять слышанное, скажемъ, что въ Онѣгинѣ есть стихи, которыми одолжены мы можетъ быть памяти Поэта; но только немногими стихами и ограничивается сходство: характеръ героя, его положенія и картины, все принадлежитъ Пушкину и носитъ явные отпечатки подлинности, не передѣлки.

Мы не упоминаемъ о прелести вводныхъ мѣстъ (эпизодовъ) въ Онѣгинѣ, какъ то: обращеній Поэта къ самому себѣ, воспоминаній и мечтаній его: изъ читавшихъ Онѣгина вѣрно на поло-

вину знаютъ его до сей поры почти наизусть; не читавшихъ же мы не хотимъ лишать новости въ наслажденіи выпискою стансовъ 29, 30, 31, 32, 33, 34, 45, 49, 50, 57, 58 и 59, ибо ихъ должно читать вполнѣ.

Не говоримъ и о стихахъ Пушкина: такой гармоніи, такого умѣнья управлять механизмомъ словъ и звуковъ не было и донынѣ еще нѣтъ ни у котораго изъ Поэтовъ Русскихъ, даже и у Жуковскаго.

Въ доказательство, какъ все оживляется подъ перомъ Пушкина, мы желали бы подробно разобрать приложенный въ началѣ Онѣгина *Разговоръ книгопродавца съ Поэтомъ*. Здѣсь переходы чувствъ и искуство выражаться, смотря потому, кто и что говоритъ, неподражаемы. Содержаніе: книгопродавецъ проситъ Поэта продать свою рукопись; Поэтъ отвѣчаетъ на всѣ его предложенія: задумчивая мечтательность, яркія мысли выражаютъ пламенный характеръ Поэта; познаніе свѣта, рѣзкія истины опыта обрисовываютъ характеръ книгопродавца.

Говорятъ, что безъ замѣчанія ошибокъ не бываетъ рецензіи: вотъ самое затруднительное обстоятельство для рецензента стихотвореній Пушкина — гдѣ взять ошибокъ? Нѣсколько риѳмъ можно назвать принужденными, немного выраженій неточными (напримѣръ: *вздыхаетъ лира, возбуждать улыбку, иволги напѣвъ живой);* но оставимъ эту убогую добычу грядущимъ критикамъ: не думайте, что избранный изъ нихъ будетъ молчать, что онъ не явится —

Il s'en presentera, n'en doutez — vous pas...

Въ то время, какъ мы благодаримъ Поэта за новый подарокъ, шумъ всеобщихъ похвалъ, видъ запыленной кипы родимыхъ твореній, когда сочиненій Пушкина не наготовятся книгопродавцы на нетерпѣливыхъ читателей — все это возбуждаетъ *литтературныхъ гагаръ...* Не повторить ли имъ въ задатокъ слова Поэта:

Гагары въ прозѣ и стихахъ!
Возитесь какъ хотите;
Но, право, истинный талантъ не помрачите;
Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ! —

* * *

*) Если талантъ всегда находитъ въ себѣ самомъ мѣрило своихъ чувствованій, своихъ впечатлѣній, если удѣлъ его попирать обыкновенные предразсудки толпы, односторонней въ сужденіяхъ, и чувствовать живѣе другаго творческую силу тѣхъ рѣдкихъ сыновъ природы, на коихъ геній положилъ свою печать, то какою бы мыслію пораженъ былъ Пушкинъ, прочитавъ въ Телеграфѣ статью о новой Поэмѣ своей, гдѣ онъ представленъ не въ сравненіи съ самимъ собою, не въ отношеніи къ своей цѣли, но вѣрнымъ товарищемъ Бейрона на поприщѣ всемірной словесности, стоя съ нимъ на одной точкѣ?

Московскій Телеграфъ имѣетъ такое число читателей, и въ немъ встрѣчаются статьи столь любопытныя, что всякое несправедливое мнѣніе, въ немъ провозглашаемое, должно необходимо имѣть вліяніе на сужденіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ. Въ такомъ случаѣ, обязанность всякаго благонамѣреннаго — замѣтить погрѣшности Издателя, и противиться, сколько возможно, потоку заблужденій. Я увѣренъ, что Г. Полевой не оскорбится критикою, написанною съ такою цѣлію: онъ въ душѣ сознается, что, при разборѣ Онѣгина, перомъ его можетъ быть управляло отчасти и желаніе обогатить свой Журналъ произведеніями Пушкина (желаніе, впрочемъ, похвальное и раздѣляемое, безъ сомнѣнія, всѣми читателями Телеграфа).

И можно ли бороться съ духомъ времени? Онъ всегда остается непобѣдимымъ, торжествуя надъ всѣми усиліями, отягощая своими оковами мысли даже тѣхъ, которые, не задолго передъ симъ, клялись быть вѣрными поборниками безпристрастія!

Первая ошибка Г. Полеваго состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что онъ полагаетъ возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмѣрности Критиковъ нашей Словесности. Это ошибка противъ расчетливости самой обыкновенной, противъ политики общежитія, которая предписываетъ всегда предполагать въ другихъ сколько можно болѣе ума. Трудно ли бороться съ такими противниками, которыхъ заставляешь говорить безъ смысла? Признаюсь, торжество незавидное. Послушаемъ Критиковъ, вымышленныхъ въ Телеграфѣ.

«*Что такое Онѣгинъ?*» спрашиваютъ они: «*что за Поэма, въ которой есть главы, какъ въ книгѣ и пр.?*»

*) «Сынъ Отечества» 1825 г., ч. 100, № 8 (статья — *въ*, подъ заглав.: «Разборъ статьи о Евгеніи Онѣгинѣ, помѣщенной въ 5 № Московскаго Телеграфа»).

Никто, кажется, не дѣлалъ, и вѣроятно не сдѣлаетъ такого вопроса; и до сихъ поръ, кромѣ Издателя Телеграфа, никакой Литераторъ еще не догадывался замѣтить различіе между *Поэмою* и *книгою*.

Отвѣтъ стоитъ вопроса.

«*Онѣгинъ*», отвѣчаетъ защитникъ Пушкина: «*Романъ въ стихахъ, слѣдовательно въ Романѣ позволяется употребить раздѣленіе на главы;* и проч.»

Если Г. Полевой позволяетъ себѣ такого рода заключеніе, то не въ правѣ ли я буду такимъ-же образомъ заключить въ противность, и сказать: «Онѣгинъ Романъ въ стихахъ; *слѣдовательно* въ стихахъ непозволительно употребить раздѣленія на главы», но наши смѣлые силлогизмы ничего не доказываютъ ни въ пользу Онѣгина, ни противъ него, и лучше предоставить Г. Пушкину оправдать самимъ сочиненіемъ употребленное имъ раздѣленіе.

Оставимъ мелочной разборъ каждаго періода. Въ статьѣ, въ которой Авторъ не предположилъ себѣ *одной* цѣли, въ которой онъ разсуждалъ, не опираясь на *одну основную* мысль, какъ не встрѣчать погрѣшностей такого рода? Мы будемъ говорить о тѣхъ только ошибкахъ, которыя могутъ распространять ложныя понятія о Пушкинѣ и вообще о Поэзіи.

Кто отказываетъ Пушкину въ *истинномъ талантѣ?* Кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу Словесность прелестными произведеніями? Но для чего же всегда сравнивать его съ Бейрономъ, съ Поэтомъ, который, духомъ принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и, еслибъ могъ изгладиться въ Исторіи частнаго рода Поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?

Всѣ произведенія Бейрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, — мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчіи со своими чувствами. Говорятъ: въ его Поэмѣ мало дѣйствія. Правда — его цѣль не *разсказъ; характеръ его героевъ* не *связь описаній;* онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить *рядъ картинъ*, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лице, выставленное имъ на сцену. — Мысль истинно піитическая, творческая.

Теперь, Г. Издатель Телеграфа, повторю вашъ вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ *знакомъ,* вы его *любите.* Такъ! но этотъ герой Поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, *шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ,* и ничего болѣе. Я сужу такъ-же, какъ вы, т.-е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго Критика, который, опасаясь попасть въ *кривотолки,* не захотѣлъ произнесть преждевременно своего сужденія.

Теперь, Милостивый Государь, позвольте спросить: что вы называете *новыми пріобрѣтеніями Бейроновъ и Пушкиныхъ?* Бейрономъ гордится новѣйшая Поэзія, и я въ нѣсколькихъ строчкахъ уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспаривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника, и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ Русскую Словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными — но, признаюсь вамъ и самому нашему Поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Бейроновымъ, *дѣлающихъ честь вѣку.* Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкъ Лудовика XIV, никто бы не написалъ и Поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, а только то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе Критики, говоритъ Г. Полевой, увѣряютъ, что Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ вообще взяты изъ Бейрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобъ нашъ Стихотворецъ заимствовалъ изъ Бейрона планы Поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Бейронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Г-нѣ Пушкинѣ: ибо онъ стоитъ между нашими Стихотворцами на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ.

И Г. Полевой платитъ дань нынѣшней модѣ! Въ статьѣ о Словесности, какъ не задѣть Баттё? Но великодушно ли пользоваться превосходствомъ вѣка своего для униженія старыхъ Аристарховъ? Не лучше ли не нарушать покоя усопшихъ? Мы всѣ знаемъ, что они имѣютъ достоинство только относительное; но если вооружаться противъ предразсудковъ, то не полезнѣе ли преслѣдовать ихъ въ живыхъ? И кто отъ нихъ свободенъ? Въ наше время не судятъ

о Стихотворцѣ по Піитикѣ, не имѣютъ условнаго числа правилъ, по которымъ опредѣляютъ степени изящныхъ произведеній.— Правда. Но отсутствіе правилъ въ сужденіи, не есть ли также предразсудокъ? Не забываемъ ли мы, что въ критикѣ должно быть основаніе положительное, что всякая наука положительная заимствуетъ свою силу изъ Философіи, что и Поэзія неразлучна съ Философіей?

Если мы съ такой точки зрѣнія безпристрастнымъ взглядомъ окинемъ ходъ просвѣщенія у всѣхъ народовъ (оцѣняя Словесность каждаго въ цѣломъ: степенью Философіи времени; а въ частяхъ: по отношенію мыслей каждаго Писателя къ современнымъ понятіямъ о Философіи); то все, мнѣ кажется, пояснится. Аристотель не потеряетъ правъ своихъ на глубокомысліе, и мы не будемъ удивляться, что Французы, подчинившіеся его правиламъ, не имѣютъ Литературы самостоятельной. Тогда мы будемъ судить по правиламъ вѣрнымъ о Словесности и новѣйшихъ временъ; тогда причина Романтической Поэзіи не будетъ заключаться въ *неопредѣленномъ состояніи сердца.*

Мы видѣли, какъ Издатель Телеграфа судитъ о Поэзіи: послушаемъ его, когда онъ говоритъ о Живописи и Музыкѣ, сравнивая Художника съ Поэтомъ.

«*Въ очеркахъ Рафаэля видѣнъ Художникъ, способный къ великому: его воля приняться за кисть — и великое изумитъ ваши взоры; не хочетъ онъ — и никакія угрозы Критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе*». Далѣе:

«*Въ музыкѣ есть особый родъ произведеній, называемыхъ capriccio — и въ Поэзіи есть они. Таковъ Онѣгинъ*».

Какъ! *въ очеркахъ* Рафаэля вы видите одну только способность къ великому? Надобно ему *приняться* за кисть и окончить картину — для того, чтобъ васъ изумить? Теперь не удивляюсь, что Онѣгинъ вамъ нравится, какъ *рядъ картинъ;* а мнѣ кажется, что первое достоинство всякаго Художника есть — сила мысли, сила чувствъ; и эта сила обнаруживается во всѣхъ очеркахъ Рафаэля, въ которыхъ уже видѣнъ идеалъ Художника и объемъ предмета. Конечно и колоритъ, необходимый для подробнаго выраженія чувствъ, содѣйствуетъ красотѣ, къ гармоніи цѣлаго; но онъ только распространяетъ мысль главную, всегда отражающуюся въ характерѣ лицъ и въ ихъ расположеніи. И что за сравненіе Поэмы эпической — съ картиною, и Онѣгина — съ очеркомъ!

‹*Не хочетъ онъ, и никакія угрозы Критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе*›.

Ужели Рафаэль съ Г. Пушкинымъ исключительно пользуются правомъ не подчиняться волѣ и угрозамъ Критиковъ своихъ? Вы сами, Г. П., отъ этого права не откажетесь, и напр., если не захотите согласиться со мной на счетъ замѣченныхъ мною ошибокъ, то вѣрно угрозы васъ къ тому не принудятъ.

Въ особомъ родѣ музыкальныхъ сочиненій, называемомъ capriccio, есть также постоянное правило. Въ capriccio, какъ и во всякомъ произведеніи музыкальномъ, должна заключаться полная мысль, безъ чего и искуства существовать не могутъ. — *Таковъ Онѣгинъ?* Не знаю — и повторяю вамъ: мы не имѣемъ права судить о немъ, не прочитавши всего Романа.

Послѣ всѣхъ громкихъ похвалъ, которыми Издатель Телеграфа осыпаетъ Пушкина, и которыя, впрочемъ, для самого Поэта едва ли не опаснѣе *безмолвныхъ громовъ,* кто ожидалъ бы найти въ той же статьѣ:

‹*Въ такомъ же положеніи,* какъ *Бейронъ къ Попу, Пушкинъ находится къ прежнимъ Сочинителямъ шуточныхъ Русскихъ Поэмъ*›.

Не надобно забывать, что на предъидущей страницѣ Г. Полевой говоритъ, что у насъ *въ семъ родѣ не было ничего сколько нибудь сноснаго**). Мы напомнимъ ему о Модной Женѣ И. И. Дмитріева, и о Душенькѣ Богдановича.

Нѣсколько словъ о народности, которую Издатель Телеграфа находитъ въ первой главѣ Онѣгина: ‹*Мы видимъ свое*›, говоритъ онъ: ‹*слышимъ родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда*›. Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ Петербургскихъ улицъ и ресторацій.—

*) Г. Издатель Телеграфа! Позвольте мнѣ, для ясности, привести уравненіе двухъ предполагаемыхъ вами отношеній въ принятую форму. Мы назовемъ буквою x сумму всѣхъ неизвѣстныхъ, по мнѣнію вашему, Русскихъ Писателей шуточныхъ Поэмъ — и скажемъ

Бейронъ : Попу = Пушкинъ : x.

Замѣтимъ, что здѣсь x не искомый, что даже трудно его выразить въ Математикѣ, потому что, если лучше совсѣмъ не писать, нежели писать дурно, то x будетъ менѣе нуля. — Теперь, какъ нравится вамъ второе отношеніе нашей пропорціи? *С.*

И во Франціи, и въ Англіи, пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ Театры и на балы. — Нѣтъ, Г. Издатель Телеграфа! Приписывать Пушкину лишнее, — значитъ отнимать у него то, что истино ему принадлежитъ. Въ Русланѣ и Людмилѣ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть Поэтомъ національнымъ.

До сихъ поръ, Г. Полевой говорилъ рѣшительно; безъ всякаго затрудненія опредѣлилъ степень достоинства *будущаго* Романа Онѣгина. Его рецензія сама собою и, кажется, безъ вѣдома Автора, лилась изъ пера его — но вотъ камень преткновенія. Порывъ его остановился: — *для Рецензента стихотвореній Пушкина гдѣ взять ошибокъ?* Милостивый Государь! цѣлое произведеніе можетъ иногда быть одною ошибкою; я не говорю этого на счетъ Онѣгина, но для того только, чтобы увѣрить васъ, что и ошибки опредѣляются только въ отношеніи къ цѣлому. Впрочемъ, будемъ справедливыми: и въ напечатанной главѣ Онѣгина, строгій вкусъ замѣтитъ, можетъ быть, нѣсколько стиховъ и отступленій, не совсѣмъ соотвѣтствующихъ изящности Поэзіи, всегда благородной, даже и въ шуткѣ; касательно же выраженій, названныхъ вами неточными, я не во всемъ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ: *вздыхаетъ лира,* въ Поэзіи прекрасно; *возбуждать улыбку,* хорошо и правильно, едва ли можно выразить мысль свою яснѣе.

Мнѣ остается замѣтить Г-ну Полевому, что вмѣсто того, чтобы съ такою рѣшимостію заключать о Романѣ по первой главѣ, которая имѣетъ нѣчто цѣлое, полное въ одномъ только отношеніи, т.-е. какъ картина Петербургской жизни, лучше бы было болѣе распространиться о разговорѣ Поэта съ книгопродавцемъ. — Въ словахъ Поэта видна душа свободная, пылкая, способная къ сильнымъ порывамъ — признаюсь, я нахожу въ этомъ разговорѣ болѣе истиннаго пiитизма, нежели въ самомъ Онѣгинѣ.

Я старался замѣтить, что Поэты не летаютъ безъ цѣли, и какъ будто единственно на зло Пiитикамъ; что Поэзія не есть неопредѣленная горячка ума; но подобно предметамъ своимъ, природѣ и сердцу человѣческому, имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила. Вниманіе наше обращалось то на разборъ Издателя Телеграфа, то на самаго Онѣгина. Теперь что скажу въ заключеніе?

О статьѣ Г. Полеваго — что я желалъ бы найти въ ней критику, болѣе основанную на правилахъ положительныхъ, безъ коихъ всѣ сужденія шатки и сбивчивы.

О новомъ Романѣ Г. Пушкина — что онъ есть новый прелестный цвѣтокъ на полѣ нашей Словесности, что въ немъ нѣтъ описанія, въ которомъ бы не видна была искусная кисть, управляемая живымъ, рѣзвымъ воображеніемъ; почти нѣтъ стиха, который бы не носилъ отпечатка или игриваго остроумія или очаровательнаго таланта въ красотѣ выраженія*).

—*въ*.

* * *

**) Прелесть новаго творенія Пушкина, несправедливость нашихъ Журналистовъ, которые, воздавая неумѣренныя похвалы своимъ содругамъ, съ холодностью, мимоходомъ упомянули объ изданіи Онѣгина; желаніе показать читателямъ, какими причинами можно оправдать изданіе одной пѣсни Онѣгина и отвратить обвиненія въ подражаніи, чѣмъ укоряютъ *нѣкоторые* Критики, и словесно и печатно, нашего Поэта — вотъ что руководствовало мною, когда я писалъ небольшія, больше библіографическія, нежели критическія, замѣчанія на Онѣгина! Расположеніе и слогъ моихъ замѣчаній доказываютъ, что я не сочинялъ полнаго и подробнаго разбора. Дозволивъ себѣ шутки на счетъ уклончивыхъ Критиковъ, я слегка упомянулъ о, такъ-называемой многими, *романтической Поэзіи*, опредѣлилъ сочиненіе Пушкина, представляя въ примѣръ очеркъ живописца и особенный родъ музыкальныхъ произведеній, называемый capriccio; наконецъ говорилъ о содержаніи и красотахъ Поэмы.

На мои замѣчанія отвѣчалъ Г. —въ строгими сужденіями, въ № 8 Сына Отечества, призывая на помощь Математику, и что-то доказывая — *что-то* повторяю: прочитавъ нѣсколько разъ статью Г. —ва, я не могъ добиться, чего онъ точно хочетъ.

Я благодарилъ бы его за нѣкоторый родъ одобренія Телеграфу, ибо другіе журнальные Критики безъ пощады бранятъ меня, и читая ихъ рецензіи, право можно подумать, что Телеграфъ хуже покой-

---

*) Еще полемика этого же критика по поводу «Евгенія Онѣгина» («Отвѣтъ г. Полевому») помѣщена въ «Сынѣ Отечества» за 1825 г., ч. 104, Прибавленіе. № 1, стр. 25—39.

**) «Московскій Телеграфъ» 1825 г. № 15, особенное прибавленіе («Толки о Евгеніи Онѣгинѣ, соч. А. С. Пушкина». Статья Полеваго).

Примѣч. В. Зелинскаго.

наго *Журнала для милыхъ.* Г. —въ отдаетъ Телеграфу справедливость; но въ то же время не упускаетъ замѣтить, что я хвалю Пушкина изъ корыстолюбивыхъ видовъ, стараясь получить отъ него стиховъ, что я представляю Пушкина товарищемъ Бейрона и проч. и проч. Да проститъ ему Критика такія замѣчанія и прибавки! Пропустимъ мелочныя привязки и коснемся того, что онъ называетъ *ошибками, которыя могутъ распространять ложныя понятія о Пушкинѣ и вообще о Поэзіи.*

Г. —въ начинаетъ восклицаніями: «Кто отказываетъ? кто не восхищался? кто не сознается (рѣчь о Пушкинѣ), что онъ подарилъ нашу *Словесность* прелестными произведеніями?» — Во-первыхъ: *нѣкоторые,* къ счастію, *немногіе,* думаютъ о Пушкинѣ совсѣмъ иначе; во-вторыхъ: принимаясь уличать другаго въ ошибкахъ и распространеніи *ложныхъ понятій,* не худо самому быть осторожнѣе. Г. —въ, напримѣръ, *олицетворяетъ Словесность отдѣльно* и заставляетъ Пушкина *дарить* ее прелестными *произведеніями!* Обозначивъ Поэмы и стихи Пушкина прилагательнымъ — *прелестныя,* онъ совсѣмъ не выразилъ характера его твореній, и забывъ, что *творенія Пушкина* есть *часть нашей Словесности,* напомнилъ мнѣ того Русскаго Прозаика, который, описывая вшествіе Царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву, говоритъ, что *Москва выбѣжала къ нему на встрѣчу,* поставила тронъ съ Царемъ себѣ на голову и — *внесла въ Кремль!*

«Но для чего же *всегда* сравнивать его (Пушкина) съ Бейрономъ, съ Поэтомъ, который *духомъ* принадлежа *не одной Англіи,* а нашему времени, въ пламенной душѣ своей *сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ* изгладиться въ Исторіи частнаго рода Поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?» — Но для чего же обвинять меня въ томъ, чего я никогда не говорилъ? Я выше сказалъ, и опять честь имѣю повторить, что я *никогда не называлъ Пушкина равнымъ Бейрону и не дѣлалъ ихъ общниками одинаковой славы!* Для чего же опять на зло Грамматическому и Логическому порядку сочинять періодъ, въ которомъ нѣтъ связи? — Послѣ словъ: «*принадлежа не одной Англіи*», вѣроятно Г. —въ хотѣлъ сказать — *но цѣлой Европѣ,* ибо Англія и *время* не могутъ быть равноположными понятіями. *Сосредоточить въ душѣ своей стремленіе цѣлаго вѣка* Бейрону было также невозможно, ибо слово *цѣлый* можетъ

относиться къ слову *вѣкъ* тогда, если мы примемъ его въ смыслѣ *столѣтія*. Г. —въ вѣрно хотѣлъ сказать — «соединилъ (или положимъ хоть — *сосредоточилъ) наклонность своего вѣка»,* и здѣсь можно бы понять, что Бейронъ былъ, такъ сказать, отпечатокъ *нынѣшняго времени...* — Наконецъ изъ расположенія словъ: «еслибъ могъ изгладиться... въ Исторіи Поэзіи, то остался бы въ лѣтописяхъ ума» — выходитъ, что Бейронъ тогда только остался бы въ лѣтописяхъ ума, когда изгладился бы въ Исторіи Поэзіи. Но исторія Поэзіи развѣ не часть лѣтописей ума человѣческаго? Развѣ Тредьяковскій можетъ *изгладиться* въ сихъ лѣтописяхъ? Никогда! Онъ будетъ въ нихъ какъ памятникъ стремленія къ Поэзіи безъ таланта. Исторія Поэзіи повторитъ *всѣ имена,* только неравно о всѣхъ отзовется. Наконецъ, что такое *частный родъ Поэзіи?*

Г. —въ, желая придать своей статьѣ видъ порядка, опредѣляетъ потомъ характеръ Бейрона, какъ Поэта: «Всѣ произведенія Бейрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, мысли *о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ* съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчіи съ своими чувствами». Весь этотъ наборъ словъ есть неудачное подражаніе Ансильонову опредѣленію Поэзіи Гёте и Шиллера; но что хотѣлъ Г. — въ, говоря, что въ Бейроновыхъ твореніяхъ изображается человѣкъ *въ отношеніи къ окружающей его Природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою и съ предразсудками, и въ противорѣчіи съ своими чувствами?* Ансильонъ говоритъ, что въ твореніяхъ Гёте отражается вся природа, въ твореніяхъ Шиллера отражается онъ самъ, и что отъ того происходитъ разнообразіе Гёте и односторонность Шиллера — мысль понятна! Но какъ разгадать мысль Г. —ва? Если бы должно было выразить характеръ Бейрона, то всего лучше, повторяю, можно назвать его творенія эмблемою нашего вѣка. Я... очень понималъ, что говорю, когда неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ сердца человѣческаго хотѣлъ означить сущность и причину Романтической Поэзіи. Бейронъ изображалъ не человѣка вообще: онъ изображалъ ненавистное чувство, охлаждавшее, мрачившее въ душѣ его всю вселенную, даже всякій идеалъ. «Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда: его цѣль не разсказъ; характеръ его героевъ не связь описаній». Опять сбивчивость въ словахъ и понятіяхъ! Кто изъ

поэтовъ имѣлъ разсказъ, т. е. *исполненіе поэмы, цѣлью,* и даже, кто изъ прозаиковъ въ твореніи обширномъ? Въ Тристрамѣ Шанди, гдѣ повидимому все заключено въ разсказѣ, разсказъ совсѣмъ не цѣль сочиненія. Характеръ героевъ можно и не можно почесть связью описаній, ибо если примемъ *дѣйствія* человѣка какъ *проявленіе* характера, то характеръ будетъ связью описаній, но въ этомъ случаѣ каждая поэма Бейрона есть противорѣчіе словамъ Г. —ва. «Онъ (Бейронъ) описываетъ предметъ не для предметовъ самихъ.... но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену». Я не знаю ничего неопредѣленнѣе этихъ словъ Г. —ва! И въ какихъ же поэтическихъ твореніяхъ, кромѣ бездушной описательной Поэзіи, описываются предметы для предметовъ самихъ? Сіи описанія всегда должны относиться къ впечатлѣніямъ, сдѣланнымъ предметами на дѣйствующія лица поэмы; но съ другой стороны, кромѣ Чайльдъ-Гарольда и Шильонскаго узника, гдѣ Бейронъ описывалъ предметы единственно для описанія впечатлѣній на героя поэмы, гдѣ замѣтилъ у него бездѣйствіе Г. —въ?

Описавъ Бейрона, Г. —въ вдругъ дѣлаетъ вопросъ: «теперь повторяю вашъ (т. е. мой) вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ знакомъ, вы его любите. Такъ! но этотъ герой поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ — и ничего болѣе». Если тутъ связь понятій? Описать характеръ твореній Бейрона и вдругъ спрашивать: что такое Онѣгинъ? Шалунъ, и ничего болѣе! Если бы Г. —въ хотѣлъ поддержать взведенное на меня мнѣніе, что я равняю Пушкина Бейрону, онъ долженъ бы противопоставить, наприм., Донъ-Жуана Онѣгину, а потомъ допрашивать меня: равняется ли произведеніе Пушкина Бейронову, или описавъ характеръ Бейроновой Поэзіи, противопоставить ей также характеръ Поэзіи Пушкина и говорить о сравненіи; а что выходитъ теперь изъ словъ Г. —ва?

Но точно что-то подобное, какъ я предполагаю, имѣлъ Г. —въ, дѣлая свой вопросъ. Заключаю изъ слѣдующаго: «Теперь, М. Г., позвольте спросить: что вы называете новыми пріобрѣтеніями Бейроновъ и Пушкиныхъ?» — Неужели изъ словъ моихъ на 44 страницѣ, № 5 Телеграфа, выведено странное предположеніе, что я равняю Бейрона Пушкину, предположеніе, на которомъ движется вся Критика Г. —ва? Тамъ я сказалъ, что Онѣгинъ относится къ тому самому роду, къ которому принадлежатъ поэмы Бейрона и Гёте; что поэму

подобную Донъ-Жуану и Беппо (прошу замѣтить) нельзя назвать ни Эпическою, ни Дидактическою, и прибавилъ — «это уже дѣло холоднаго разсудка пріискивать на досугѣ, почему написанное *не по извѣстнымъ правиламъ* хорошо, и на всякій новый опытъ Поэзіи прибирать ладъ и мѣру. Не поэту же спрашивать у піитиковъ: можно ли дѣлать то или то! Его воображеніе летаетъ, не спрашиваясь піитиковъ: падаетъ онъ, тогда торжествуйте побѣду школьныхъ правилъ; если же полетъ его изумляетъ сердца и души, дайте намъ насладиться новымъ торжествомъ ума человѣческаго: всякое новое пріобрѣтеніе Бейроновъ или Пушкиныхъ дѣлаетъ и намъ честь, ибо дѣлаетъ честь странѣ, которой они принадлежатъ, и вѣку, въ которомъ живутъ». Надобны ли объясненія, что имена Бейрона и Пушкина, употребленныя мною во множественномъ числѣ, есть тропъ, извѣстный въ Риторикѣ подъ именемъ Синекдохи, и что имена сіи поставлены не для показанія равенства ихъ, но какъ подлежащее къ сказуемому, т.-е. къ новымъ пріобрѣтеніямъ, которыя дѣлалъ Бейронъ по своему, а Пушкинъ *дѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать* по своему? Г. —въ и самъ говоритъ: «Бейрономъ гордится новѣйшая Поэзія, характеръ его произведеній истинно новый... Пушкинъ имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ современниковъ, *обогативъ Русскую Словесность красотами, доселѣ (?) ей неизвѣстными». Красота, дотолѣ неизвѣстная въ нашей Литтературѣ* развѣ *не пріобрѣтеніе?* Впрочемъ здѣсь въ многословномъ изложеніи является настоящее мнѣніе Г. —ва о Пушкинѣ: «Признаюсь, я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Бейроновымъ, дѣлающихъ честь вѣку... Пушкинъ только не отсталъ отъ своего вѣка... Мы не утверждаемъ опредѣлительно, что нашъ Стихотворецъ заимствовалъ изъ Бейрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Бейронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Г. Пушкинѣ...» Смѣло: это правда, но не искренно. Для чего закрывать столькими словами мысль, ясно видимую, состоящую въ томъ, что Г. —въ почитаетъ Пушкина не великимъ поэтомъ, а просто подражателемъ Бейрона? Я сказалъ прежде, что въ Онѣгинѣ есть стихи, которыми одолжены мы памяти поэта, скажу, что и въ другихъ его поэмахъ такіе стихи попадаются; но пусть какъ угодно укоряютъ меня пристрастіемъ, а я, не-

смотря на Г. —ва, утверждаю, что въ Пушкинѣ видѣнъ свой собственный, великій талантъ, что Пушкинъ не подражатель, но творецъ: его *собственныя незанятыя пріобрѣтенія* — описаніе Русской старины въ Русланѣ и Людмилѣ, Демонъ, Прощаніе съ моремъ и множество другихъ превосходныхъ сочиненій, подобныхъ которымъ не находимъ ни у одного изъ современныхъ Русскихъ Поэтовъ; наконецъ *его,* новая чудная поэма: *Цыгане!* Не желаніе достать стиховъ Пушкина въ Телеграфъ, не жалкое подслуживанье Пушкину внушаетъ мнѣ похвалы, но чистое наслажденіе его поэзіей. Странное дѣло, что сдѣлалось съ Критиками Сына Отечества: одинъ утверждаетъ, что у насъ есть поэты выше, гораздо выше Жуковскаго, другой винитъ Жуковскаго въ присвоеніи чужой собственности, а Г. —въ силится доказать, что Пушкинъ подражатель! *На нихъ чужой успѣхъ какъ ноша тяготѣетъ...* «что за сравненіе Поэмы Эпической съ картиною и Онѣгина съ очеркомъ?» говоритъ Г. —въ. Я сказалъ, что въ очеркахъ Рафаэля видѣнъ художникъ, способный къ великому. — «Какъ!» говоритъ Г. —въ, «въ *очеркахъ* Рафаэля вы видите только способность къ великому» — тутъ, опровергая мои слова, что «художнику надобно приняться за кисть и великое изумитъ наши взоры, Г. —въ продолжаетъ — «мнѣ кажется, что первое достоинство всякаго художника есть сила мысли, сила чувствъ».— Далѣе онъ соглашается, что и колоритъ необходимъ для *подробнаго* (?) выраженія чувствъ, но что онъ только распространяетъ мысль главную, всегда отражающуюся въ характерѣ лицъ, въ ихъ расположеніи. Г. —въ, видя съ начала вопросъ: «зачѣмъ Пушкинъ не пишетъ Поэмъ въ силу правилъ Эпопеи? думалъ, что слова мои объ очеркахъ относятся къ этому вопросу; но напрасно это показалось Г. —ву! Вопросъ рѣшалъ я, или, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ, что рѣшалъ извѣстнымъ выраженіемъ нашего Поэта, которое выразилъ я въ прозѣ такъ: «Поэтъ неволенъ въ направленіи своего восторга: что ему поется, то онъ поетъ». Очеркъ употребилъ я для сравненія живописи вообще съ Поэзіею, въ поэмахъ, подобныхъ Донъ-Жуану, и тутъ, понятіе объ очеркѣ ни мало не противорѣчитъ моимъ словамъ; напр., въ разсужденіи Онѣгина, пусть Г. —въ вообразитъ, что Рафаэль, рѣшившись писать картину изъ *многихъ лицъ,* сдѣлалъ очеркъ одной головы, и онъ увидитъ, что мои слова, не безъ смысла сказаны.

Новый переходъ! «Въ какомъ отношеніи Бейронъ къ Попу,

въ такомъ Пушкинѣ» (разумѣется въ Онѣгинѣ) «къ прежнимъ сочинителямъ Русскихъ шуточныхъ Поэмъ» — такъ сказалъ я, и Г. —въ математически доказываетъ, что я унизилъ Пушкина, ибо сказалъ прежде, что у насъ не было ничего сколько нибудь сноснаго. Въ математическомъ примѣрѣ Г. —въ просто сдѣлалъ ошибку, а что касается до напоминанія о Модной женѣ и Душенькѣ, скажу ему, что я разумѣлъ шуточныя поэмы, коихъ предметъ взятъ изъ общежитія.

Модная жена, сказка, а не поэма; Душенька нейдетъ въ сравненіе, ибо предметъ ея взятъ изъ Миѳологіи: Донъ-Жуану и Беппо я противополагалъ — *Похищенный локонъ* Попа, что же противополагается у насъ Онѣгину? — Игрокъ ломбера, Расхищенныя шубы!

Скрытное предубѣжденіе Г. —ва противъ Пушкина сильно обнаруживается въ упрекѣ, который дѣлаетъ онъ мнѣ за то, что я нахожу народность въ Онѣгинѣ. «Я не знаю, что тутъ народнаго», говоритъ Г. —въ, «кромѣ именъ Петербургскихъ улицъ и ресторацій. И во Франціи, и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театръ и на балы». — Вотъ разительный примѣръ, что значитъ смотрѣть на сочиненіе косыми глазами предубѣжденія! Надобно думать, что Г. —въ полагаетъ народность Русскую въ Русскихъ черевикахъ, лаптяхъ и бородахъ, и тогда только назвалъ бы Онѣгина народнымъ, когда на сценѣ представился бы Русскій мужикъ, съ Русскими поговорками, побасенками, и проч.! — Народность бываетъ не въ одномъ низшемъ классѣ: печать ея видна на всѣхъ званіяхъ и вездѣ. Наши богачи подражаютъ Французамъ, Петербургъ болѣе всѣхъ Русскихъ городовъ похожъ на иностранный городъ; но и въ быту богачей и въ Петербургѣ никакой иностранецъ совершенно не забудется, всегда увидитъ предметы, напоминающіе ему Русь: такъ и въ Онѣгинѣ. Общество, куда поставилъ своего героя Пушкинъ, мало представляетъ отпечатковъ Русскаго народнаго быта, но всѣ сіи отпечатки подмѣчены и выражены съ удивительнымъ искуствомъ. Ссылаюсь на описаніе Петербургскаго театра, воспитаніе Онѣгина, поѣздку къ Талону, похороны дяди, не исчисляя множества другихъ чертъ народности. Впрочемъ, черезъ страницу самъ Г. —въ называетъ поэму Пушкина — *полною картиною Петербургской жизни;* но кто *вполнѣ изобразилъ Петербургъ,* тотъ развѣ не изобразилъ народности?

Заключеніе критики достойно начала. Я затруднялся въ пріискиваніи ошибокъ у Пушкина; Г. —въ не такъ разборчивъ. «Цѣлое произведеніе можетъ иногда быть одною ошибкою» — говоритъ онъ, и тотчасъ прибавляетъ — «Я не говорю этого на счетъ Онѣгина». Понимаю: это Альцестовское je ne dis pas cela, и прошу Г. —ва, впередъ, или не дѣлать такихъ оборотовъ или скрывать ихъ искуснѣе! Эпилогъ Г. —ва читатели благоволятъ прочитать сами; въ немъ опровергать нечего: это результатъ всей статьи, а мы видѣли, что въ ней нѣтъ ни одной строки, которая бы удержалась при взглядѣ безпристрастія. Что касается до совѣтовъ, мнѣ преподаваемыхъ, то въ отплату за нихъ я прошу Г. —ва припоминать ихъ самому себѣ, когда придетъ ему опять охота совѣтовать другимъ.

* * *

*) Утѣшно безъ сомнѣнія видѣть, что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ принимаютъ на себя важный трудъ распространять между нами полезныя свѣдѣнія, сѣять основательныя понятія, содѣйствовать очищенію вкуса. Я разумѣю здѣсь журналы, милостивый государь: имѣя способъ быть разнообразными, давать статьямъ своимъ прелесть новости, они легко могутъ подвигать насъ къ цѣли просвѣщенія. Журналы конечно важны, и если каждый находитъ готовыхъ читателей, то ето вѣрный признакъ ревнія, съ какимъ Русскіе стремятся сблизиться съ иностранцами на поприщѣ образованности. Но если есть еще люди, которые тономъ самоувѣренности говорятъ рѣшительно о предметахъ или вовсе необдуманныхъ, или вовсе имъ неизвѣстныхъ; то, мнѣ кажется, они дерзко поступаютъ, предполагая публику еще невѣжественнѣе себя самихъ и желательно было бы доказать симъ господамъ, что если они находятъ готовое вниманіе, то всегда должны ожидать и готовыхъ обличителей.

Я очень согласенъ съ тѣми, которые думаютъ, *что лучше совсѣмъ не писать, нежели писать дурно,* и публикѣ позволено хотѣть во всякомъ дѣлѣ мастера. Журналисты должны помнить, *какихъ* Журналовъ намъ надобно; журналисту *нужно большое терпѣніе,*

*) «Вѣстникъ Европы» 1825 г., ч. 144, № 17 (Статья И. Р... ина, подъ заглав.: «Нѣчто о спорѣ по поводу Онѣгина». Письмо къ Редактору Вѣстника Европы).

какъ справедливо замѣтилъ г. П—ой при самомъ началѣ изданія своего Телеграфа; а я прибавлю, что не безполезно было бы для него большое терпѣніе прежде мысли объ изданіи журнала.

Сцѣпленіе идей слишкомъ далеко завело меня, милостивый государь, заставивъ говорить вообще о журналахъ: я былъ занятъ однимъ — Телеграфомъ и однимъ споромъ по поводу Онѣгина. Но диковинки, собранныя съ такою рачительностію въ 15 нумерѣ Телеграфа — отечественныя и неслыханныя заморскія, разсказываемыя и другими и самимъ издателемъ — заставили меня невольно подумать о настоящемъ періодѣ нашего просвѣщенія. Я сдѣлаю еще только слѣдующее замѣчаніе: что̀ если бы иностранцы приняли благоразумное намѣреніе судить о многомъ и о насъ, слѣпо вѣря нашему Телеграфу — чего, какъ по всему видно, ожидаетъ Издатель отъ своихъ соотечественниковъ? Они возъимѣли бы о сихъ послѣднихъ точно такое же мнѣніе, какого удостоиваетъ ихъ почтенной г. П—ой. — Обращаюсь къ самому спору объ Онѣгинѣ, не менѣе *чудному* *), и прошу васъ, милостивый государь, извиня мнѣ мой длинный приступъ, позволить раздѣлить свое удивленіе съ просвѣщенными читателями вашего Вѣстника.

Читая отвѣтъ г. П—аго на противныя его мнѣнію замѣчанія г. —ва объ Онѣгинѣ **), я часто забывалъ вѣтреника Онѣгина и задумывался надъ многими Филологическими замѣчаніями Издателя Телеграфа въ-разсужденіи слога г. —ва. Тонкость непонятная! Не стану ихъ указаніемъ утомлять читателей вашего журнала.

Многія мнѣнія показались мнѣ новы, рѣшительны: онѣ и произнесены рѣшительно. Говоря о Бейронѣ и Пушкинѣ, поетахъ романтическихъ, г. П—ой опредѣлилъ *сущность* и *причину* романтической Поезіи *неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ сердца человѣческаго*. Г. —въ нашелъ ето опредѣленіе недостаточнымъ. И я себя спрашивалъ: можно-ли опредѣлять неопредѣленнымъ, объяснять неизъяснимымъ? Что-такое неопредѣленное состояніе сердца, какъ не отсутствіе всякаго дѣйствительнаго чувства, всякой страсти? Боялся, чтобъ такого состоянія не назвали невозможнымъ. Г. П—ой подкрѣпилъ ето мнѣніе неопровержимымъ доводомъ: *Я понималъ,*

---

*) Пользуюсь выраженіемъ г. П—аго, которымъ онъ такъ удачно характеризировалъ новую поему: *Цыгане*. См. № 15 Телеграфа.

**) Помѣщенныя въ № 8 Сына Отечества.

что говорю. Я наконецъ долженъ былъ понять, что неопредѣленное состояніе сердца подобно неопредѣленному состоянію ума, которому видимъ дѣйствительные примѣры — состоянію, когда человѣкъ мыслитъ и вмѣстѣ не мыслитъ, говоритъ и вмѣстѣ ничего не говоритъ. Состояніе жалкое! Причина романтической Поезіи бѣдная! Я ету мысль бросилъ.

Мнѣ случилось слышать, какъ многіе, соображаясь съ ученіемъ новой Философіи Нѣмецкой, доказывали, что — сущность романтической Поезіи состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нея необходимому — стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поетовъ сего рода. Я съ етой мыслію согласенъ, готовъ защищать ее, и она, кажется, ясна для всѣхъ, особенно для знакомыхъ съ сею Поезіею. Слѣдственно я согласенъ съ г. П—ымъ, который (позволяю себѣ ето думать) вѣроятно хотѣлъ сказать то же, но выразился другими словами. Бейронъ (слѣдующихъ словъ г. П—аго не должно упускать изъ виду: они *живописуютъ* характеръ стихотворца), *Бейронъ есть емблема нашего вѣка;* т. е. точно такъ же, какъ напр., бѣлый цвѣтъ есть емблема невинности. Многословное опредѣленіе, которое сдѣлалъ г. —въ сему же самому характеру, не понравилось Издателю Телеграфа: здѣсь онъ видитъ темноту: «*Всѣ произведенія Бейрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его Природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчіи съ своими чувствами*». Г. П—ой выставляетъ въ примѣръ яснаго опредѣленія слова Ансильона о характерѣ Гете и Шиллера: будто бы въ твореніяхъ перваго отражается вся Природа, а въ твореніяхъ послѣдняго самъ Шиллеръ. Я не справлялся съ Ансильономъ: для чего не повѣрить Телеграфу? Но я не могъ повѣрить первому. Изображать Природу! — думалъ я — если Природа отразилась въ твореніяхъ Гете, то не должна ли она была отразиться сперва въ немъ самомъ? Какъ могъ выразить Шиллеръ себя самого, какъ не посредствомъ той же Природы? — «Изображая себя, Шиллеръ далъ характеръ односторонности своимъ поемамъ». — Мнѣ кажется, что причина тому не въ предметѣ твореній, но въ самомъ творцѣ. Гете также отражается въ своихъ поемахъ, какъ и Шиллеръ: въ нихъ видѣнъ онъ самъ, а не кто другой. Если Шиллеръ односторененъ, а Гете нѣтъ; то сіе потому, что послѣд-

ній получилъ отъ Природы геній, ей самой равносильный, который въ природѣ видѣлъ втораго самаго себя въ безконечномъ разнообразіи, и потому для всѣхъ идей своихъ находилъ въ ней явленія, для всѣхъ чувствъ своихъ живую аллегорію — даръ, котораго не имѣлъ Шиллеръ въ такой высокой *степени*, и потому, ето правда, остался ограниченнѣе въ своемъ взглядѣ.

Далѣе г. П—вой не хочетъ согласиться съ г. —вымъ, что свойство существенное поезіи Бейрона — *описывать предметы не для самихъ предметовъ, но съ намѣреніемъ выразить ихъ впечатлѣнія на лицо, выставленное на сцену, и главнымъ предметомъ своимъ имѣть характеръ, а не самое дѣйствіе.* Я прежде былъ совершенно согласенъ съ г. —вымъ, убѣжденный, что Поетъ можетъ представлять человѣка двоякимъ образомъ, человѣка вообще, человѣка совершеннаго, и человѣка, такъ сказать, особеннаго, ограниченнаго, съ характеромъ. Первый способъ заставляетъ болѣе изображать частныя страсти, какъ принадлежность всякаго человѣка, слѣдственно обращать особенное вниманіе на дѣйствіе, какъ выраженіе и слѣдствіе страсти, на всѣ его подробности: прочія силы человѣка въ ихъ совершенствѣ и совокупности здѣсь дѣйствуютъ для одной конечной цѣли. Такая идея одушевляетъ творенія Гомера, Софокла и вообще древнихъ. Но что такое характеръ, какъ не та особенная форма, подъ которою онъ мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ, какъ не та невольная метода, если могу такъ сказать, борьбы съ самимъ собою, съ своими впечатлѣніями, подъ которою единственно возможно для него совершенство? Вотъ цѣль всѣхъ поэтовъ романтическаго рода! Съ сею цѣлію можно-ли заботиться о *связи описаній,* о строгой ихъ послѣдовательности? Этимъ только можно изъяснить всѣ, такъ называемыя, неправильности Шекспира, Бейрона и другихъ поетовъ. Въ древней Поезіи вы видите совершеннаго человѣка, который нисходитъ къ конечному и несовершенному, въ новѣйшей несовершеннаго человѣка въ стремленіи къ совершенству. Я былъ увѣренъ, что есть Поезія, въ которой предметы описываются для самихъ предметовъ, и что такова именно Поезія древнихъ, напр., Гомера, у котораго каждое сравненіе есть еписодъ, гдѣ онъ старается, такъ сказать, совершенно округлить предметъ свой. Такъ мыслилъ я; но г. П—ой безъ всѣхъ сихъ предварительныхъ размышленій прямо опредѣлилъ характеръ Бейрона, сказавъ, и слѣдственно доказавъ, что сей стихо-

творецъ *изображалъ ненавистное чувство, охлаждавшее, мрачившее въ душѣ его всю вселенную, даже всякій идеалъ.*

Стараясь опредѣлить достоинство Пушкина въ отношеніи къ другимъ стихотворцамъ, и особенно къ Бейрону, г. П—ой сдѣлалъ замѣчаніе, что Онѣгинъ написанъ въ родѣ Донъ-Жуана и Беппо. При этомъ случаѣ мы узнали, что и у Гете есть поемы въ родѣ вышеприведенныхъ, — поемы, которыхъ я, къ сожалѣнію, не нашелъ въ своемъ полномъ изданіи.

Г. П—ой чуждается тѣхъ школьныхъ правилъ, которыя заставляютъ прежде всего спрашивать о родѣ поемы, и не видитъ у насъ стихотворныхъ произведеній въ родѣ Онѣгина: можно бы указать на Модную жену; но *ето сказка, а не поема.* Сіи слова привели мнѣ на память ту остроумную критику, которая въ своей тонкости нашла различіе между *книгою* и *поемою* и открыла новый родъ Исторіи, состоящій преимуществено *въ разсказѣ событій и* (подивитесь, милостивый государь, новой идеѣ!) заставляющій говорить между собою прошедшія поколѣнія *).

Г. П—ой удивляется критикамъ Сына Отечества: *одинъ утверждаетъ, что у насъ есть поеты выше, гораздо выше Жуковскаго; другой винитъ Жуковскаго въ присвоеніи чужой собственности; а г. —въ силится доказать, что Пушкинъ подражатель! На нихъ,* прибавляетъ г. П—ой, *чужой успѣхъ какъ ноша тяготѣетъ!* Я полагаю, что г. Издатель Телеграфа говоритъ о своихъ собственныхъ успѣхахъ, ибо не могу повѣрить, чтобъ критики въ самомъ дѣлѣ стали завидовать Жуковскому и Пушкину. Но какъ не завидовать тѣмъ, которые пишутъ *со смысломъ!*

Г. П—ой видитъ въ Онѣгинѣ одинъ изъ очерковъ великаго Рафаеля и говоритъ, что иногда въ очеркѣ *одной головы* можно видѣть цѣлую картину *изъ многихъ лицъ!* — По его мнѣнію, Бейронъ къ Попу относится также, какъ Пушкинъ къ прежнимъ дурнымъ сочинителямъ Русскихъ шуточныхъ поемъ; но онъ называетъ *ошибкою* математическій переводъ того же самаго отношенія:

$$b : c = -x : -y$$ **)

*) См. М. Т. № 15, стр. 1.

**) b = Попу; c = Бейрону; x = суммѣ сочинителей прежнихъ шуточныхъ поемъ; y = Пушкину. Сочинители дурныхъ поемъ суть точно величины отрица-

Такимъ образомъ онъ увѣрилъ меня, что простая теорія пропорцій, на которой я основалъ всѣ свои математическія выкладки, была важнѣйшею изъ моихъ ошибокъ.

Съ одинаковою математическою строгостію собственныхъ доказательствъ г. П—ой защищаетъ свое мнѣніе, что онъ въ Онѣгинѣ находитъ много народнаго, ибо П. при описаніи Петербургской разсѣянной жизни — Петербургскаго театра — поѣздки къ Талону — не упустилъ изъ виду тѣхъ чертъ, которыми Рускіе отличаются отъ иностранцѣвъ. Я себѣ позволилъ въ семъ случаѣ думать иначе и не вѣрить г-ну П—му, чтобы картина дурнаго воспитанія Онѣгина вѣрно изображала Русской характеръ и слѣдовательно имѣла народность.

Онъ сравниваетъ Бейронова *Донъ-Жуана* съ *Похищеннымъ локономъ* Пòпа: я увѣряю, что Сильфы и Гномы, дѣйствующія лица сей поемы, также мало принадлежатъ къ Англійскому обществу, какъ и графъ Сегюръ къ сословію Курфирстовъ.

Но г. П—вой не имѣетъ обязанности соглашаться съ нами: у него свой образъ мыслей. *Бейроны и Пушкины дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать свои пріобрѣтенія каждый по своему,* и г. П—вой писалъ, пишетъ и будетъ писать также *по своему.* Не надобно забывать, милостивый государь, какую цѣль онъ предположилъ себѣ при самомъ началѣ изданія своего Телеграфа: *замѣтить, намекнуть, сказать* *). Онъ исполняетъ, что обѣщалъ съ такою самонадѣянностію: своими замѣчаніями, намеками удовлетворяетъ всей обширности слова *сказать,* говоритъ о многомъ и много, толкуетъ не только чужое, но и свои собственныя *синекдохи* **) и, желая быть полезнымъ публикѣ, увѣряетъ ее, что онъ *понималъ, что говоритъ.* Кто станетъ въ томъ сомнѣваться и кто душевно не пожелаетъ, *чтобъ онъ понималъ, что говоритъ?*

Имѣю честь быть и проч.

тельныя въ словесности; слѣд. и четвертый членъ пропорціи долженъ быть отрицательной. И такъ Пушкинъ $= -y$, поелику c больше b, то $-y > -x$. Что выходитъ?

*) См. *Телеграфъ* № 1, статью 1, о должностяхъ журналиста.

**) См. *Тел.* № 15, приб., толки о Евгеніѣ Онѣгинѣ.

* * *

*) Съ чувствомъ истиннаго сожалѣнія къ Автору прочиталъ я статью: *О спорѣ по поводу Онѣгина,* статью, которая, какъ я могъ замѣтить, едва ли не есть одно изъ первыхъ произведеній Рецензента. Жаль, что, подвизаясь на этомъ обширномъ поприщѣ литтературныхъ преній, и онъ сбился уже на общій, бранчивый тонъ нашихъ журнальныхъ героевъ. Неужели тупыя остроты, съ щедростію разсыпаемыя въ Критикахъ, Антикритикахъ и Анти-Антикритикахъ, столько привлекательны? Неужели слава сражаться подъ знаменами какой-нибудь розовой или голубой обертки имѣетъ въ себѣ столько прелести, что люди образованные и необразованные, съ умомъ и безъ дарованій, жертвуютъ всѣмъ единственно для того, чтобы попасть какъ нибудь въ длинный списокъ задорныхъ судей Русскаго Парнасса?

Г. Р—инъ удивилъ меня своими сердитыми выходками. Признаюсь, я не могъ отгадать настоящей цѣли странныхъ его замѣчаній на статью Г. Полеваго: *Толки о Евгеніи Онѣгинѣ,* на издаваемый имъ Журналъ и наконецъ на самое лицо Издателя. Не желаніе ли блеснуть своимъ остроуміемъ управляло перомъ его? Но въ такомъ случаѣ я откровенно говорю ему, что онъ не достигъ своей цѣли — въ этой статьѣ il est fin comme une dague de plomb, и если бы я былъ увѣренъ, что слова мои будутъ для него не безполезны, то, безъ сомнѣнія, не совѣтовалъ бы ему болѣе отваживаться на такія остроты, изъ которыхъ каждую должно отгадывать по крайней мѣрѣ съ часъ, призвавъ на помощь всю математическую строгость анализиса. И почему Г. Р—инъ обратился прямо на Телеграфъ? За что такая немилость?

«Журналисты должны помнить, какихъ Журналовъ намъ надобно; Журналисту нужно большое терпѣніе... А я прибавлю, что не безполезно было бы для него большое терпѣніе прежде мысли объ изданіи Журнала» — восклицаетъ Авторъ статьи *О спорѣ по поводу Онѣгина.* Вмѣсто того, чтобы другимъ преподавать уроки терпѣнія, мнѣ кажется, не дурно было бъ, если бы онъ самъ взялъ терпѣніе разсмотрѣть правила рецензіи. Вижу, что Г. Р—ину Телеграфъ очень не нравится, хотя и не знаю тому причины; но однакожь

*) «Московскій Телеграфъ» 1825 г., ч. VI, № 23, особенное прибавленіе. («Замѣчанія на статью: *Нѣчто о спорѣ по поводу Онѣгина, помѣщенную въ № 17 Вѣстника Европы*». Статья NN.)

и не думаю также, чтобы просвѣщенные читатели Вѣстника Европы, къ которымъ онъ обращается, должны были во всемъ вѣрить ему на слово: ибо въ Критикѣ его разобраны надлежащимъ образомъ только двѣ или три мысли Г. Полеваго, мысли, которыя, можетъ быть, столько же справедливы, какъ и его собственныя, въ чемъ отчасти онъ и самъ соглашается.

Желая Г. Р—ину всѣхъ возможныхъ успѣховъ на поприщѣ литтературныхъ преній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и соревнуя къ достоинству издаваемаго Г. Полевымъ Журнала, я рѣшился наконецъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на грозное *Нѣчто о спорѣ по поводу Онѣгина*. Вотъ они.

Вся статья Г. Р—ина можетъ раздѣлиться на двѣ части: въ одной изъ нихъ онъ разбираетъ нѣкоторыя мысли Г. Полеваго, помѣщенныя въ отвѣтѣ его на Критику Г. —ва, въ другой въ натянуто-игривомъ тонѣ старается только противорѣчить ему безъ всякихъ съ своей стороны доказательствъ, какъ я уже и имѣлъ случай замѣтить — сюда же я отношу и странныя его придирки къ Издателю Телеграфа и къ самому изданію. Постараемся разсмотрѣть по порядку замѣчанія его, послѣ которыхъ онъ съ такою строгостью рѣшитъ судьбу Телеграфа. Не слишкомъ ли онъ поспѣшилъ заключеніемъ и, можетъ быть, не нужно ли будетъ пожелать ему самому, чтобы *онъ зналъ, что говоритъ?*

«Говоря о Бейронѣ и Пушкинѣ», продолжаетъ Г. Р—инъ, «Поэтахъ романтическихъ, Г. Полевой опредѣлилъ сущность и причину Романтической Поэзіи неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ сердца человѣческаго» — за симъ слѣдуетъ какое-то жалкое приноровленіе сердца къ уму, приноровленіе, которое, можетъ быть, за недостаткомъ доказательствъ, было полезно Г. Рецензенту тѣмъ, что замѣстило слишкомъ полъ-страницы. Впрочемъ, не могу понять по какому праву Г. Р—инъ, схвативъ нѣсколько словъ изъ замѣчаній Г. Полеваго о Романтической Поэзіи, называетъ ихъ опредѣленіемъ оной и разсматриваетъ, совершенно ли они соотвѣтствуютъ опредѣляемому? Я совѣтовалъ бы ему заглянуть въ № 5 Телеграфа, гдѣ Г. Полевой говоритъ такимъ образомъ: То самое высокое наслажденіе, въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не смѣетъ, не можетъ дать самому себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: все *ограниченное* въ наслажденіяхъ эстетическихъ отвращаетъ человѣка — и въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи

сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой Романтической Поэзіи». Благонамѣренный Критикъ не будетъ искать здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, философскаго опредѣленія Романтической Поэзіи; напротивъ того, мнѣ кажется, онъ постарается изъ сихъ отдѣльныхъ мыслей только составить себѣ понятіе объ ней. Какая же разница между опредѣленіемъ предмета и нѣкоторыми объ ономъ замѣчаніями! Но посмотримъ, какимъ образомъ самъ Г. Р—инъ опредѣляетъ Романтическую Поэзію. Онъ говоритъ, что «сущность *ея* состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нее необходимому — стремленіи, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ Поэтовъ сего рода».— Мысль справедлива, и я съ нею столько же согласенъ, какъ и онъ самъ. Но здѣсь дѣло идетъ не о мысли, но о томъ, полное ли это и ясное опредѣленіе? Г. Р—инъ самъ говоритъ, что и мысль Г. Полеваго справедлива, а нападаетъ только на выраженіе оной; Г. Полевой писалъ только замѣчанія, между тѣмъ какъ Г. Р—инъ хотѣлъ подарить насъ точнымъ опредѣленіемъ, *соображаясь съ ученіемъ новой Философіи Нѣмецкой*. Но позволяетъ ли новая Нѣмецкая Философія неопредѣленность? Что разумѣетъ Г. Р—инъ подъ словомъ *совершенное?* Къ чему это: *ей самой неизвѣстное?* Наконецъ, не имѣю ли я права возразить, что стремленія къ несовершенному (къ безжизненной матеріи) въ Поэзіи существовать не можетъ, ибо она предполагаетъ изящное, равновѣсіе духа съ матеріею, какъ начало совершеннаго? Я замѣчаю, что выраженіе: *ей самой неизвѣстное,* равно какъ и все, что за симъ слѣдуетъ, не должно входить въ опредѣленіе, потому что *признаки посторонніе,* которые не составляютъ характеристики предмета, а необходимо изъ оной вытекаютъ, *совершенно излишни,* и служатъ только къ большей сбивчивости въ понятіяхъ; а въ такомъ случаѣ все опредѣленіе Г. Р—ина приведется въ выраженіе, что Романтическая Поэзія основывается на стремленіи души къ совершенному. Не съ большею ли точностію сказалъ бы Г. Р—инъ, если бы началомъ оной положилъ стремленіе души созерцать всѣ предметы, какъ только символы высочайшей истины? Отсюда объяснятся сіи порывы души въ безпредѣльное, въ міръ идеальный, сія мрачность Лорда Бейрона и торжественный взоръ Ламартина въ его Méditations, сія разительная гармонія внѣшнихъ предметовъ съ собственными нашими чувствами, и наконецъ мнимая

неправильность Романтиковъ. Но оставимъ это! Жаль, что Р—инъ говоритъ то, о чемъ *ему* только *случилось слышать* — ясная причина сбивчивости въ понятіяхъ!

Далѣе замѣчаетъ онъ, что Г. Полевой Бейрона называетъ *эмблеммою нашего вѣка;* за симъ слѣдуетъ объясненіе эмблеммы примѣрами (!); но, *бросивъ* эту мысль *), Г. Р—инъ вдругъ переходитъ къ характеристикѣ Бейрона, которую Издатель Телеграфа находитъ недостаточною. — Оставляя безъ замѣчанія крайнюю неопредѣленность выраженія Г. Р—ина, равно какъ *и то, что Г. Полевой говоритъ здѣсь прямо о твореніяхъ писателя, а не о немъ самомъ* (не доказываетъ ли это невнимательности Рецензента?), я хотѣлъ бы еще знать, почему нашъ *строгій* Критикъ почитаетъ неудачнымъ выраженіе, что Лордъ Бейронъ можетъ быть эмблеммою своего вѣка — и готовъ бы былъ ему на это отвѣтствовать. Г. —въ говоритъ о произведеніяхъ Бейрона весьма неопредѣлительно, и мнѣ кажется, много ли надобно *здраваго смысла,* о которомъ проповѣдуетъ Г. Р—инъ, чтобы согласиться съ Г. Полевымъ, что *мысль о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ* есть только пустой звонъ словъ, которыя не составляютъ совершенно никакой *мысли*: конечно Г. —въ хотѣлъ сказать *что-то* — но что? этого мы не знаемъ.

«Г. Полевой», продолжаетъ неблагонамѣренный Критикъ, «выставляетъ въ примѣръ яснаго опредѣленія слова Ансильона о характерѣ Гёте и Шиллера: будто бы въ твореніяхъ перваго отражается вся природа, а въ твореніяхъ послѣдняго самъ Шиллеръ». — Я сказалъ: неблагонамѣренный, и сейчасъ спѣшу оправдать себя. Если бы Р—инъ не старался толковать слова сіи въ противную сторону, то я увѣренъ — онъ замѣтилъ бы, что здѣсь дѣло идетъ о Шиллерѣ, не какъ о частномъ лицѣ, но какъ о человѣкѣ, въ противоположности съ природою. Ни Ансильонъ, ни Издатель Телеграфа не виноваты въ томъ, что Критикъ смотритъ на сіе въ тусклыя очки пристрастія. Если ему угодно, то я постараюсь изъяснить смыслъ сего замѣчанія Ансильона, замѣчанія, въ которомъ, вопреки мнѣнію Рецензента, виденъ быстрый, проницательный взглядъ сего Писателя. Неужели онъ не согласится, что стремле-

*) Г. Р—инъ имѣетъ дурную привычку: бросать все, что ему не нравится или чего, можетъ быть, не понимаетъ. NN.

ніе Поэзіи состоитъ въ томъ, чтобы явить изящное посредствомъ слова? Но не существуетъ ли это изящное въ человѣкѣ и въ природѣ, хотя подъ различными формами? Г. Р—инъ говоритъ, что и въ человѣкѣ видно только одно отраженіе природы — согласенъ; но природа, отразившись въ немъ, не является ли уже подъ другою формою — подъ формою идеальною? Когда же нашъ Критикъ допускаетъ это, то я не понимаю, какъ можно не принять, что и Поэзія, смотря по тому, куда обращенъ Поэтъ, непремѣнно должна носить на себѣ отпечатки того или другаго направленія духа: не видны ли здѣсь характеры Гёте и Шиллера? Первый почерпалъ изящное во внѣшней природѣ, послѣдній — въ духовномъ бытіи человѣка: въ его мысляхъ, въ его страстяхъ; Гёте видѣлъ въ природѣ втораго самого себя, Шиллеръ нигдѣ не искалъ своего образа — и стихотворенія его суть непосредственное отраженіе *изящнаго въ человѣкѣ*, между тѣмъ какъ стихотворенія Гёте суть, преимущественно, переводъ его мыслей (если только позволительно подобное выраженіе) на языкъ внѣшней природы, въ предметахъ (objecta) коей онъ видѣлъ отпечатокъ собственныхъ чувствованій. Кажется, это доказываетъ только, что геніи Шиллера и Гёте въ полетахъ своихъ противоположны: откуда же заключеніе о степеняхъ ихъ великости?

Еще замѣчу, что вопросъ Г. Р—ина: «что такое характеръ, какъ не та особенная форма» и проч., — совершенно нейдетъ къ дѣлу; мысль его истинна, но она ни мало не объясняетъ, почему въ Поэзіи Романтической *связь описаній* не должна быть главною цѣлію, что, какъ кажется, онъ доказать былъ намѣренъ. Если бы я, напр., сказалъ, что такое неосновательная критика, какъ не сочиненіе, въ которомъ отражается все неискуство неопытнаго въ своемъ дѣлѣ Рецензента, и потомъ сталъ бы выводить изъ этого свои о комъ-нибудь заключенія, то меня вѣрно бы еще спросили: на чемъ я основываю свои выводы, и вѣрно бы потребовали чего-нибудь подобнаго критикѣ Г. Р—ина. — Хотѣлось бы мнѣ еще знать, что должно разумѣть подъ словами: «характеръ... есть метода борьбы съ самимъ собою, съ своими впечатлѣніями, подъ которою единственно возможно для него совершенство». — Какъ разгадать таинственный смыслъ сего періода? кажется, въ этомъ по крайней мѣрѣ нельзя обвинять новой Нѣмецкой Философіи, которая (я увѣренъ, что это извѣстно Г —ну послѣдователю оной), выходя изъ высочайшаго и

всеобъемлющаго начала, въ самой системѣ изложенія наблюдаетъ совершенно математическую точность. Можетъ быть, не пересказываетъ ли и здѣсь Г. Р—инъ только того, что когда-нибудь случалось ему слышать. Я не хочу замѣчать между прочимъ, что по-Русски никогда не говорится, *метода, подъ которую и т. д.* — Неправильности Шекспира, Лорда Бейрона и другихъ Романтическихъ Поэтовъ въ разсужденіи хода ихъ стихотвореній объясняются не замѣчаніями Г. Р—ина о характерѣ вообще, но самымъ понятіемъ *о новѣйшей Поэзіи, идеальнымъ* взглядомъ оной на предметы ея восторговъ — мысль, которую впрочемъ довольно удачно развернулъ Г. Рецензентъ.

Здѣсь, казалось бы, должно было кончить замѣчанія мои на статью Г. Р—ина, ибо все, что онъ ни говоритъ далѣе, по ничтожности доказательствъ, не заслуживало бы ни малѣйшаго опроверженія! Но желая вполнѣ представить какъ самому Критику, такъ и почтеннымъ читателямъ Телеграфа, всю неосновательность его рецензіи, которая такъ грозно прогремѣла въ листочкахъ Вѣстника Европы, я рѣшаюсь пожертвовать еще нѣсколько словъ на разборъ нѣкоторыхъ изъ *остроумныхъ* его доводовъ.

«Можно бы указать на Модную жену; но это Сказка, а не Поэма». Не имѣя въ виду объяснять Г. Р—ину различія между Сказкою и Поэмою, я хотѣлъ бы только спросить его, что значитъ одна сказка, какъ напр., Модная жена, въ сравненіи съ Поэмою, которой планъ предполагаетъ исполненіе обширнѣйшее?

Г. Р—инъ завидуетъ тѣмъ, которые пишутъ со смысломъ; я совѣтовалъ бы еще позавидовать ему и тѣмъ, которые пишутъ *чистымъ Русскимъ языкомъ* — можетъ быть, зависть его, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, была бы для него полезна!

«Г. Полевой... говоритъ что иногда въ очеркѣ *одной головы* можно видѣть цѣлую картину изъ многихъ лицъ». — Нѣсколько разъ перечитывалъ статью Г. Полеваго и нигдѣ не могъ найти этого! Какая бы причина была, что Г. Р—инъ приписываетъ Издателю Телеграфа то, чего онъ и не намѣренъ былъ говорить?

Наконецъ и математическія доказательства! Но, къ сожалѣнію, пропорція Г. —ва, сколько ни будетъ стараться защищать ее Г. Р—инъ, останется всегда ошибочною. Жаль, что строгій Рецензентъ Издателя Телеграфа слишкомъ снисходительно судитъ объ основательности собственныхъ свѣдѣній — иначе, знавъ, можетъ

быть, только по наслышкѣ о теоріи знаковъ, онъ вѣроятно не рѣшился бы взять на себя труда истолковать неудачныя приложенія оной къ литтературнымъ спорамъ. Впрочемъ не болѣе справедливы и *Логическіе* его выводы, что въ Онѣгинѣ нѣтъ ничего народнаго. Неужели я долженъ еще повторять слова Г. Полеваго, что наши привычки, наши обыкновенія, каковы бы они ни были, всегда останутся Русскими — дѣло состоитъ въ томъ, умѣлъ-ли скопировать ихъ Пушкинъ въ своемъ Онѣгинѣ? Думаю, что Г. Р—инъ не откажетъ ему въ этомъ.

«Онъ (Издатель Телеграфа) сравниваетъ Бейронова *Донъ-Жуана съ Похищеннымъ локономъ* Попа; я увѣряю, что Сильфы и Гномы, дѣйствующія лица сей Поэмы, такъ же мало принадлежатъ къ Англійскому обществу, какъ и *Графъ Сегюръ къ сословію Курфирстовъ*». — Г. Р—инъ увѣряетъ — какое сильное доказательство! И что остается послѣ сего Гг. читателямъ Вѣстника Европы, какъ только не вѣрить ему?

Таково *Нѣчто* Г. Р—ина! Признаюсь, я готовъ еще повторить, что не могу понять цѣли онаго. Кажется, давать совсѣмъ иной смыслъ словамъ Автора и, гдѣ не возможно этого сдѣлать, сочинять собственныя свои выраженія, должно быть недостойно истинной Критики. Готовъ еще повторить, что человѣкъ. имѣющій цѣлію униженіе достоинствъ другаго, употребляющій для того иногда даже непозволительныя средства, выставляетъ себя съ весьма невыгодной стороны. — Не пожелать-ли Г. Р—ину, въ замѣнъ всѣхъ его совѣтовъ, на которые онъ столько щедръ, чтобы прежде, нежели снова приступить къ рецензіямъ, постарался узнать, что онѣ такое и каковы быть должны?

NN.

1826 г.

*) *Евгеній Онѣгинъ, Романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Глава вторая.* Москва, въ тип. Августа Семена, при Импер. Медико-Хирургической Академіи. 1826, въ м. 8, 42 стр. (продается въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина по 5 р.).

---

*) „Сѣверная Пчела“ 1826 г., № 132, статья Ѳ. Б. (Булгарина).

Читали ли вы Онѣгина? Каковъ вамъ кажется Онѣгинъ? Что вы скажите объ Онѣгинѣ? — Вотъ вопросы, повторяемые безпрестанно въ кругу Литераторовъ и Русскихъ читателей. Но если въ дружеской бесѣдѣ легко отвѣчать на сіи вопросы, то, говоря съ публикою, должно быть весьма осторожнымъ, и по существу предмета, весьма неопредѣленнымъ. Онѣгинъ — начатая картина. Изъ очерковъ и положенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красокъ и тѣней, мы узнаемъ кисть великаго Художника; узнаемъ ее въ нѣкоторыхъ искусно отдѣланныхъ подробностяхъ, снятыхъ съ натуры, но не можемъ судить о цѣлой картинѣ, о характерѣ главнаго лица, потому что онъ только въ абрисѣ. Точно также нельзя судить о Драмѣ или Комедіи по нѣсколькимъ первымъ явленіямъ. Въ *первой* главѣ, мы видѣли Онѣгина въ Петербургѣ, знали его какъ молодаго повѣсу, гоняющагося за ложными наслажденіями, подобно заблудшему путнику, гоняющемуся за летучими огнями во мракѣ. Мы восхищались въ первой главѣ подробностями Петербургской, разсѣянной жизни, а болѣе обращеніями Поэта къ самому себѣ, и нѣкоторыми эпизодическими картинами. Прелестные стихи нѣжили слухъ нашъ. Поэтъ и его стихотвореніе обратили на себя наше вниманіе и привязали къ себѣ; но герой Романа, Онѣгинъ, остался намъ чуждымъ. Характеръ его не очертанъ, и онъ былъ сокрытъ въ блестящихъ подробностяхъ, какъ Актеръ за богатыми декораціями. Во *второй* главѣ, мы видимъ, что на молодаго повѣсу Онѣгина нашла хандра: онъ живетъ въ деревнѣ, ни съ кѣмъ не видится, ѣздитъ верхомъ, пьетъ стаканами красное вино, не подходитъ дамамъ къ ручкѣ, отвѣчаетъ *да* и *нѣтъ,* и, дай Богъ ему здоровья, уменьшилъ оброкъ съ крестьянъ. Онѣгинъ здѣсь также въ сторонѣ; но являются другія занимательныя лица: Владиміръ Ленскій, возвратившійся изъ Нѣмецкаго Университета*); Бригадирша съ двумя милыми дочками, изъ коихъ романическая Татьяна мила до крайности, и наконецъ, Бригадиръ всепокорнѣйшій слуга своей жены, полной хозяйки въ домѣ. Отдѣльные портреты всѣхъ сихъ лицъ, и по подробности деревенской жизни прелестны, и по истинѣ сказать, достойны искусной кисти великаго Художника.

*) Въ его портретѣ находится маленькая ошибка. Онъ представленъ Нѣмецкимъ студентомъ, которые называются *буршами и швермерами,* а не *Филистерами,* какъ назвалъ его Поэтъ. Филистеромъ называется напротивъ того спокойный гражданинъ, не принадлежащій къ сословію студентовъ. *Ѳ. Б.*

Но главный характеръ, Онѣгинъ, еще покрытъ завѣсою. А какъ въ Поэмѣ, Романѣ и даже въ драматическомъ произведеніи, такъ называемомъ характерномъ, главная вещь, или масштабъ, опредѣляющій достоинства, есть характеръ главнаго героя, то мы и не можемъ сказать ничего опредѣлительнаго о цѣломъ, потому что сей характеръ еще не очертанъ: подождемъ конца. До сихъ поръ Онѣгинъ принадлежитъ къ числу людей, какихъ встрѣчаемъ дюжинами на всѣхъ большихъ улицахъ и во всѣхъ Французскихъ ресторацiяхъ.

Но какъ любопытство, вѣроятно, столько же мучитъ читателей, какъ и насъ самихъ, чтобы постигнуть, предузнать, кто таковъ *будетъ* Онѣгинъ, то мы, теряясь въ догадкахъ и предположенiяхъ, невольно остановились мыслью на *Чайльдъ Гарольдѣ* знаменитаго Бейрона. Вотъ что говоритъ Британскiй Бардъ о героѣ своей Поэмы: «Было бы гораздо прiятнѣе и даже легче изобразить характеръ любезный; можно было бы безъ труда скрыть его недостатки, заставить болѣе дѣйствовать, нежели разсказывать: но, выводя на сцену *Чайльдъ Гарольда,* я имѣлъ цѣлiю показать, что раннiй развратъ сердца и ума, поселяетъ въ насъ пресыщенiе и препятствуетъ наслаждаться новыми удовольствiями. Все, что только можетъ возбудить раздражительность ума (послѣ честолюбiя, сильнѣйшей изъ пружинъ): красоты природы и странствованiя потеряли власть свою надъ душою испорченною или заблудшеюся. Если бъ я продолжалъ Поэму, то *Чайльдъ Гарольдъ* былъ бы образцемъ человѣконенавидѣнiя, ибо начертанный мною планъ, который я намѣревался кончить нѣкогда, представлялъ съ нѣкоторою разницею современнаго Тимона или, можетъ быть, пiитическаго Зелуко».— Вотъ характеръ *Чайльдъ Гарольда,* также молодаго повѣсы, который, наскучивъ развратомъ, удалился изъ отечества и странствуетъ, нося съ собою грусть, пресыщенiе и ненависть къ людямъ. Не знаемъ, что будетъ съ Онѣгинымъ; до сихъ поръ главныя черты характера тѣ же. Онѣгинъ также, промотавъ имѣнiе самымъ неприличнымъ образомъ, возненавидѣлъ людей безъ всякой причины, и удалился въ деревню: что будетъ далѣе — увидимъ. Должно ли говорить о стихосложенiи, о гармонiи, о счастливыхъ оборотахъ, объ остроумiи, о сатирическомъ, весьма прiятномъ духѣ сего отрывка? Этимъ преисполнена вторая глава, и она написана стихами Пушкина. Этого довольно. *Ѳ. Б.*

* * *

*) *Стихотворенія Александра Пушкина.* Спб. 1826 г. in 8. XI и 192 стр.

Предоставляя себѣ наслажденіе разобрать подробно это драгоцѣнное собраніе поэтическихъ произведеній, мы спѣшимъ извѣстить читателей нашихъ, что въ сей книжкѣ собраны почти всѣ, до сего года помѣщенныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и Альманахахъ отдѣльныя стихотворенія А. С. Пушкина, и къ нимъ присовокуплено много новыхъ. Всѣхъ пьесъ около 100.

* * *

*) Спѣшимъ увѣдомить нашихъ Читательницъ о вышедшей книжкѣ Стихотвореній *Александра Сергѣевича Пушкина.*

Уже мы видимъ радостную улыбку на прекрасныхъ устахъ при имени Поэта, произведеніямъ котораго не возможно никакимъ разсказомъ о красотѣ ихъ придать болѣе привлекательности, нежели сколько имъ придаетъ одно его имя! Между тѣмъ вкусъ Читательницъ опредѣлитъ достоинство каждой піесы вѣрнѣе *прозаическаго* суда о піитическихъ произведеніяхъ.

Même quand l'oiseau marche, on sent à des ailes.

И такъ ограничимся выпискою предувѣдомленія отъ Издателей — чтобы дать обстоятельное понятіе о семъ изданіи.

«Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ со временемъ въ особой книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно называемыхъ поэмъ.

«Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ піитическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся словестностью сравнить четырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію піитическихъ его досуговъ въ первое десятилѣтіе авторской жизни.

*) „Московскій Телеграфъ" 1826 г., ч. 7, № 1.

**) «Дамскій Журналъ» 1826 г., ч. 13, № 2.

«Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ это первое въ нѣкоторомъ порядкѣ собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки».

Книжка напечатана прекрасно въ С.-Петербургѣ 1826 г. и на прекрасной бумагѣ; состоитъ изъ 192 страницъ въ 8-ю долю. *)

1827 г.

) *Евгеній Онѣгинъ Романъ, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Глава третія.* — С. П. Б., въ типогр. Департам. Народн. Просвѣщенія, 1827,— 51 стр. въ 12 д. л. *)

«Первая глава Онѣгина, написанная въ 1823 году, появилась въ 1825. Спустя два года, издана вторая. Эта медленность произошла отъ посторонних обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою». Вотъ что сказано въ предувѣдомленіи къ этой главѣ; радуемся и поздравляемъ всѣхъ любителей изящной Поэзіи. Между тѣмъ, въ ожиданіи сихъ обѣщанныхъ намъ дорогихъ подарковъ, полюбуемся нынѣшнимъ. Сія третья глава конечно уступитъ двумъ предшествовавшимъ въ богатствѣ и разнообразіи картинъ, за то болѣе нравится сердцу и придаетъ занимательность *цѣлому:* въ ней описывается любовь Татьяны къ Онѣгину, описывается жаркими стихами Пушкина. Гдѣ умѣлъ онъ найти эти страстныя выраженія, которыми изобразилъ томленіе первой любви! какъ постигъ онъ простоту невиннаго дѣвичьяго сердца, расказалъ намъ признаніе

*) За этотъ же, 1826 г., помѣщена еще въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 3) библіографическая замѣтка о выходѣ въ свѣтъ стихотвореній А. С. Пушкина. Въ ней перечислены всѣ стихотворенія, также означена цѣна (10 руб.) и объемъ книги (XI—192 стр.).

**) «Сѣверная Пчела» 1827 г., № 124 («Новыя книги»).

Примѣч. В. Зелинскаго.

***) Продается въ С.-Петербургѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 5 руб. за экземпляръ, на лучшей бѣлой бумагѣ. За пересылку въ другіе города прилагается 80 коп.

Татьяны въ ночномъ ея разговорѣ съ нянею и въ письмѣ къ Онѣгину! Сіи стихи, можно сказать, *жгутъ страницы*. Взглянемъ на Татьяну, когда, написавъ роковое письмо, она, въ нерѣшимости и какъ бы въ онѣмѣніи, медлитъ его запечатать:

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча....

Мы не излагаемъ содержанія сей главы: это исторія сердца, а сія исторія рѣдко бываетъ обильна происшествіями. Замѣтимъ только, что Поэтъ нашъ, какъ и всѣ почти великіе Поэты всѣхъ странъ и вѣковъ, часто играетъ языкомъ и допускаетъ нѣкоторыя небрежности. Къ нему нельзя примѣнить холодной похвалы:

«Въ стихахъ его видна ужъ, такъ сказать, *работа*».

Здѣсь, напротивъ, видишь, что стихи не стоили ему никакого труда; и потому иногда промелькнули у него, въ назолу Гг. строгимъ Грамматикамъ и Піитикамъ, легкіе промахи противъ Грамматики и стихосложенія.

Вотъ они:

Какъ у Вандиковой мад*онѣ*...
И послѣ *во* весь путь молчалъ...
Съ семинаристомъ въ желтой ша*лѣ*...

Еще замѣтимъ опечатку на стр. 12-й (стихъ 2-й):

Зимой летятъ во весь опоръ.

Должно было напечатать: Домой летятъ и пр.

* * *

*) Читатели вспомнятъ, что въ первой главѣ сего романа, Поэтъ разсказывалъ намъ разсѣянную столичную жизнь своего героя; во второй — произвольное его пустынничество въ деревнѣ. Въ сей третьей

*) „Сынъ Отечества" 1827 г., ч. 115, № 19 („Современная русская библіографія").

главѣ, изобразилъ онъ любовь юной Татьяны къ Онѣгину, и что то похожее на сіе чувство, только неясное и неопредѣленное, въ самомъ Онѣгинѣ. Здѣсь Поэтъ нашъ еще лучше развернулъ характеръ своего героя. Онѣгинъ, утомясь и наскучивъ внѣшнею жизнію, и не имѣя ни довольно силы, ни твердости для внутренней, скользитъ, такъ сказать, на краю той и другой. Онъ исчерпалъ уже всѣ удовольствія жизни, и потому новая любовь кажется ему повтореніемъ скучной, давно знакомой драмы; но Татьяна такъ мила, такъ чиста, съ такою дѣтскою невинностію сама падаетъ въ его сѣти, что онъ не можетъ вовсе избѣгнуть отъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, хотя и таитъ ихъ. Съ Татьяною Поэтъ также познакомилъ насъ еще во 2-й главѣ. Она увидѣла Евгенія — всѣ романическіе герои оживились въ романическомъ ея воображеніи:

Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандиссонъ,
Который намъ наводитъ сонъ, —
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

Вся сія глава посвящена дѣйствію этой любви въ сердцѣ Татьяны; но Поэтъ нашъ любитъ отступленія: онъ любитъ, въ промежуткахъ разсказа, разговориться съ своимъ читателемъ о томъ и другомъ. Такъ и здѣсь, сказавъ, что письмо Татьяны къ Онѣгину было написано по-Французски, онъ весьма остроумно подшучиваетъ надъ тѣмъ, что прекрасный полъ почти отучилъ насъ отъ природнаго нашего языка:

Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски;
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ *почтовой прозѣ* не привыкъ.

И это говоритъ онъ съ такою правдоподобною важностію, что можно подумать, будто бы онъ хотѣлъ выдать за точныя свои мнѣнія сію ѣдкую иронію:

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей.
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы:
Мнѣ галлицизмы будутъ милы...

Со всею его любовью къ галлицизмамъ, пожелаемъ, чтобъ поскорѣе сдержалъ намъ свое слово, данное въ предувѣдомленіи, и подарилъ насъ новыми главами Онѣгина, въ которыхъ, по странному, свойственному Поэтамъ противорѣчію, нѣтъ галлицизмовъ, за то много есть истинныхъ, неподражаемыхъ красотъ.

* * *

*) Мы соединяемъ въ Библіографіи Телеграфа *вторую* главу Онѣгина, изданную въ прошедшемъ году и уже всѣмъ извѣстную, съ *третьею* главою, только на сихъ дняхъ полученною изъ С.-Петербурга. Вообще за Пушкинымъ библіографическое извѣстіе едва успѣваетъ: его творенія *раскупаютъ* прежде, нежели медлительный библіографъ запишетъ ихъ въ реэстръ современныхъ произведеній нашей Литтературы. Мы извѣщали читателей нашихъ о 2-й главѣ Онѣгина, еще до изданія оной въ свѣтъ; послѣ того намъ *обѣщанъ* былъ разборъ сего новаго произведенія Поэта нашего; тѣмъ лучше: ждемъ исполненія обѣщанія *теперь,* ибо Рецензенту можно будетъ поговорить о трехъ главахъ вмѣстѣ. Библіографу не хочется однакожь не подѣлиться поскорѣе съ читателями Телеграфа пріятнымъ извѣстіемъ объ изданіи *третьей главы Онѣгина,* и особенно извѣстіемъ, приложеннымъ въ началѣ книжки, что «отнынѣ изданіе продолженія Онѣгина будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою», а всѣхъ главъ, какъ говорятъ литтературные лазутчики, двадцать слишкомъ. Какой обширный разгулъ Поэту и сколько наслажденій ожидаетъ читателя! что если бы чаще можно было въ Русской Библіографіи отмѣчать вдругъ по четыре книги такихъ, о которыхъ теперь мы хотимъ кратко увѣдомить нашихъ читателей!

---

*) „Московскій Телеграфъ“, 1827 г., ч. 17, № 19 (статья Ѡ—).

Повторяемъ, что *вторую* главу Онѣгина знаютъ всѣ, и вѣрно половина наизусть; слѣдовательно, объ ней можно говорить, какъ о сочиненіи совершенно знакомомъ читателямъ. Они припомнятъ, что Онѣгинъ, послѣ смерти дяди, полный хозяинъ его помѣстьевъ, деревенскаго дома, заводовъ и проч. и проч., скучаетъ въ наслѣдственной деревнѣ,

Затѣмъ, что онъ равно скучалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ;

знакомится съ молодымъ сосѣдомъ своимъ Ленскимъ, и Поэтъ вводитъ насъ въ домъ Лариныхъ, куда Ленскій ѣздитъ, почти какъ женихъ Ольги, дочери Лариныхъ. Поэтъ обрисовываетъ характеръ и образъ жизни Ленскаго, Лариныхъ, сосѣдей ихъ, деревенскихъ дворянъ. Здѣсь Поэтъ прервалъ свое повѣствованіе.

Оно начинается снова въ третьей главѣ; но очерки постороннихъ характеровъ здѣсь всѣ въ тѣни: Ленскій, Ларины, сосѣди, самый Онѣгинъ забыты Поэтомъ: душу, сущность третьей главы составляетъ Татьяна, дѣвушка, одаренная необыкновенною, сильною душею, дѣвушка, у которой «*всю исторію составляетъ любовь*». Татьяна любитъ Онѣгина...

. . . Въ сердце дума заронилась,
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой,
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь,
И дождалась! открылись очи,
Она сказала: это онъ!

Поэтъ описываетъ разговоръ Татьяны съ няней; хочетъ передать намъ письмо Татьяны къ Онѣгину, долго отговаривается отъ читателей и шутитъ надъ ихъ нетерпѣніемъ...

. . . . Предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.

Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французки...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

—

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ мои поэты;
Не правда ль? милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

—

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ,
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ грамматикѣ пріучитъ насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я... какое дѣло мнѣ,
Я вѣренъ буду старинѣ.

—

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;

Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи...

Мы читаемъ однакожъ потомъ письмо Татьяны, переданное въ прелестныхъ стихахъ. Письмо готово:

Татьяна, то вздохнетъ то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ,
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась;
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча...

Не скажемъ читателямъ, что сдѣлала Татьяна съ письмомъ къ Онѣгину, что̀ дѣлала во весь этотъ день...

Смеркалось: на столѣ блистая,
Кипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла,
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: О да Е.
И между тѣмъ душа въ ней ныла
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ шопотъ! кровь ея застыла...
Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
Евгеній . . . . . .

оставляемъ читателямъ узнавать послѣдствія въ самой поэмѣ Пушкина. Мы и безъ того невольно выписали столько стиховъ, что наша Библіографическая статья стала похожа на критическія статьи Англійскихъ газетъ.

ѿ—.

* * *

Міръ видимый и міръ возможный
Умомъ своимъ создаетъ Поэтъ.

Графъ Хвостовъ.

*) Пушкинъ не можетъ писать дурныхъ стиховъ: это всѣмъ извѣстно; это многими сказано, и это неоспоримо: слѣдственно не *о стихахъ* Пушкина говорить должно; даже не *о мысляхъ,* которыя собственно принадлежатъ прозѣ; но о томъ, что существенно составляетъ Поэзію, и чему нельзя довольно надивиться въ Поэтѣ. Напримѣръ: спрашиваю у себя, гдѣ, когда и какъ Пушкинъ могъ пріобрѣсть такое *опытное* познаніе сердца человѣческаго? гдѣ, когда и какъ могъ онъ научиться языку страстей во всякомъ положеніи? гдѣ, когда и какъ нашелъ онъ ключъ къ сокровеннѣйшимъ чувствамъ и помысламъ? Кто ему далъ искусство — однимъ очеркомъ ясно представить характеры съ ихъ отдаленнымъ развитіемъ и происшествія съ предбудущими послѣдствіями? Кто далъ ему кисть и краски — живописать для воображенія точно такъ, какъ живописуется природа для глазъ? Вотъ тайна Поэта и Поэзіи! Онъ — чародѣй, властвующій безусловно надъ нами; она волшебное зеркало, показывающее все подъ образомъ жизни, души, истины.

Обратите вниманіе на приступъ Поэта къ письму Татьяны, и на самое письмо:

Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ небрежную любезность?
Кто ей внушалъ умильный взоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять.

И читатель говоритъ: «Я не могу понять, кто *ему* внушилъ всѣ сіи оттѣнки изображаемаго предмета?»

Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ учницъ.

*) «Дамскій Журналъ» 1827 г., ч. XX, № 21, статья К. Ш. (князя Шаликова).

Но сія-то мнимая *блѣдность* списка и составляетъ истинную *яркость* картины; но сіи-то персты *робкихъ* учениць и дивятъ смѣлостію сравненія! Такова *живопись* эпитетовъ!

Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда бъ не знала васъ;
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

Какъ милы сіи выраженія подъ перомъ невинности, чувствующей свое высокое назначеніе!

Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души.

Можно ли подъ плѣнительнѣйшими чертами представить въ олицетворенномъ образѣ то, что мы называемъ *симпатіею*, рѣшающею судьбу нашу?

Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?

Какой вопросъ? Онъ излетѣлъ изъ души... не Пушкина — нѣтъ! а *самой Татьяны!*

Кончаю! страшно перечесть...

Страшно перечесть! Это *страшно* не есть ли страшное доказательство для гоняющихся за *умомъ* съ мѣрою и рифмою въ запасѣ, что Поэтъ — нравственный Протей, принимающій безъ всякаго усилія въ сердце свое чувствованія, ни по чему не принадлежащія его сердцу, и присвоивающій себѣ чужое такъ, какъ будто *чужаго* нѣтъ для него на свѣтѣ.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ:
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.

Кто же, кромѣ *Поэта,* можетъ провести подобныя черты въ портретѣ? кто, кромѣ *Поэта,* найдетъ подобные эпитеты, столь вѣрные въ разсказываемомъ положеніи, моральномъ и физическомъ?... Нѣтъ! Поэтъ не разсказываетъ: онъ *видѣлъ* свой идеалъ и указываетъ другимъ, которые смотрятъ на него и забываютъ о Поэтѣ!... Счастливое забвеніе! оно ручается за память потомства!...

Между *умомъ и талантомъ* та внѣшняя разница, что первый всегда является въ *собственномъ образѣ,* а послѣдній не знаетъ, кажется, о своемъ существованіи и, какъ будто, не завися отъ самого-себя, служитъ вѣрнымъ отголоскомъ или отпечаткомъ окружающихъ его предметовъ.

Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоду въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ*),
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!).

Эта маленькая сатира на большихъ экономовъ не вылилась ли сама собою — по исторической необходимости? Вотъ почему піитическій урокъ всегда сильнѣе дѣйствуетъ уроковъ прозаическихъ; ибо въ первомъ скрывается *намѣреніе,* всегда оскорбительное для гордаго самолюбія.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ...

Какая точность! Надобно знать, что до этого

Татьяна предъ окномъ стояла,
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа**),
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель О да Е.

*) Кажется, надлежало бы, по склоненіямъ словъ, такъ: «Наказъ основанъ былъ на томъ,» и проч. К. Ш.

**) Татьяна такъ мила, что и читатель радъ назвать ее: моя душа! К. Ш.

Вдругъ шопотъ!.. кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ.

Тамъ она встрѣтилась въ Евгеніемъ. Историкъ его говоритъ:

Но слѣдствія нежданной встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять, и отдохнуть...

Рецензенту послѣ долгой статьи своей надлежало бы сказать то же; но еще одно замѣчаніе не пускаетъ его погулять и отдохнуть.

Обыкновенно говорятъ о *небрежности* генія, какъ будто о нѣкоторомъ правѣ его. Но что значитъ *небрежность* въ такомъ случаѣ? Непреодолѣнныя трудности. Но кто же преодолѣетъ ихъ, если не *геній?* а между тѣмъ это непремѣнно требуется въ искусствахъ. Къ чему же служитъ генію такое право? и для чего же онъ *не всегда* пользуется имъ? Стало, есть другая причина — самая простая: лѣность. *Добрая воля,* конечно, не участвуетъ въ томъ, а иначе не было бы *изящныхъ твореній,* не было бы ничего *образцоваго:* геній и пластикъ не разнствовали бы въ своихъ произведеніяхъ.

Неужели Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ по *геніальной небрежности* допустилъ, напримѣръ, сіи грамматическія ошибки, конечно, милыя въ письмѣ Татьяны, которая

Поруски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ;

сіи, говорю, грамматическія ошибки:

Какъ у Вандиковой Мадон*ѣ*.
Съ семинаристомъ въ желтой шал*ѣ*.

Вѣрно нѣтъ; а соскучился трудомъ, и захотѣлъ *погулять* и *отдохнуть.*

Съ *Онѣгинымъ* въ рукахъ я забылъ бы и то и другое; но должно помнить о моихъ Читательницахъ: бѣда, если я утомилъ

ихъ своимъ энтузіазмомъ къ ихъ любезнѣйшему Поэту! Но не думаю — вопреки сему же Поэту, который говоритъ:

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать порусски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!

Увы? должно однакожь признаться: Мы всѣ *благонамѣренные* въъ этомъ случаѣ!...

К. Ш.

* * *

*) *Бахчисарайскій Фонтанъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Новое изданіе, съ 4 гравированными картинками.* С. П. б. въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія, 1827. XIX и 52 стр. въ 16-ю д. л.**)

Весьма красивое и уютное изданіе сіе замѣняетъ недостатокъ, давно уже чувствуемый любителями Изящной Поэзіи; ибо первое изданіе Бахчисарайскаго Фонтана раскуплено было вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ прекрасной сей поэмы. Новое изданіе напечатано весьма четкимъ и красивымъ шрифтомъ, на лучшей бумагѣ, съ тѣми приложеніями, кои находились и въ прежнемъ. Помѣщенныя въ сей книжкѣ картинки суть тѣ самыя, которыя мы видѣли въ Невскомъ Альманахѣ на 1827 годъ; и хотя не отличныя по изобрѣтенію, но весьма хорошо выполненныя Г. Галактіоновымъ.

* * *

***) Это *второе* изданіе извѣстной поэмы Пушкина *(«Бахчисар. Фонтанъ»)* напечатано совершенно сходно съ первымъ изданіемъ ея, вышедшимъ въ Москвѣ, въ 1824 году. При немъ напечатаны, также какъ и въ первомъ изданіи: *Вмѣсто предисловія разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова* (Нѣкогда бывшій поводомъ къ об-

*) «Сѣверная Пчела» 1827 г., № 152.

**) Продается въ С. П. б. въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, и въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ А. С. Ширяева. Ц. 5 руб.

***) «Московскій Телеграфъ» 1827 г., ч. XVIII, № 23.

ширной журнальной полемикѣ) и описаніе Бахчисарая, взятое изъ Путешествія по Тавридѣ И. М. Муравьева-Апостола.

* * *

*) *Братья разбойники, соч. А. Пушкина (писано въ 1822 году).*— М. въ типогр. Августа Семена, 1827.—15, стр. въ 8-ю д. л.

Когда стихотвореніе сіе за нѣсколько лѣтъ предъ симъ впервые появилось въ одномъ Альманахѣ, то многіе почли его эпизодомъ изъ новой Поэмы А. С. Пушкина; но правильнѣе можно сказать, что оно, полнотою дѣйствія, живостію картинъ и разнообразіемъ ощущеній, попеременно тревожащихъ душу читателя, составляетъ само по себѣ цѣлую Поэму. — Одно обстоятельство удерживало насъ доселѣ объявлять о напечатаніи сей Поэмы особою книжкою: намъ обѣщали, вмѣсто одного изданія, два, и мы не знали, которое изъ нихъ будетъ подлинное, и тѣмъ болѣе, что самъ Сочинитель Поэмы, совершенно посторонній въ дѣлѣ изданія оной, дивился и не могъ разгадать, что это значитъ. Вотъ, въ короткихъ словахъ, сіе дѣло: Московскій книгопродавецъ, пріобрѣтшій все изданіе сего стихотворенія, вмѣсто того, чтобы продавать оное по объявленной на оберткѣ цѣнѣ: 105 коп., публиковалъ оное по 2 р. Это вызвало Издателя напечатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что скоро появится новое изданіе стихотворенія: *Братья разбойники,* и будетъ продаваться по 42 коп. Г. книгопродавецъ, объявляя снова въ тѣхъ-же вѣдомостяхъ о продажѣ сего стихотворенія по назначенной прежде имъ цѣнѣ, 2 руб., прибавилъ, что, по выходѣ въ свѣтъ новаго изданія, сіе прежнее будетъ у него продаваться по 21 коп. Конечно, такія объявленія смѣшатъ публику; но черезъ нихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, страждетъ личность Автора, какъ мы уже сказали, вовсе неприкосновеннаго къ этому дѣлу, и даже не бывшаго тогда въ Москвѣ. Въ какую же силу имя и произведеніе его замѣшаны тамъ, гдѣ весь толкъ идетъ о цѣнѣ? — Не видя однако жъ доселѣ обѣщаннаго новаго изданія *Братьевъ разбойниковъ,* мы рѣшились объявить о семъ, прежнемъ; но не рѣшаемся выставлять цѣны, которая какъ видно, представлена ad libitum.

* * *

*) «Сѣверная Пчела» 1827 г., № 101 («Новыя книги»).

*) Поэзія и Музыка производятъ очаровательное, можно даже сказать, чудное дѣйствіе на душу человѣка. Первая возбуждаетъ въ насъ иногда соучастіе къ лицамъ и предметамъ, кои, въ обыкновенномъ о нихъ понятіи, болѣе способны внушать намъ негодованіе, даже отвращеніе, нежели какое-либо чувство доброжелательства; вторая, нерѣдко выражая звуками нестройство, плѣняетъ насъ гармоніею самаго разногласія. Таково волшебство Изящныхъ Искуствъ! Они настраиваютъ душу на тотъ ладъ, на который хотѣлъ ее навести своенравный геній Поэта или Сочинителя Музыки. Мы негодуемъ на пороки дѣйствующаго лица Поэмы — и невольно удѣляемъ ему вздохъ сожалѣнія; досадуемъ на нѣкоторые звуки, оскорбляющіе нашъ слухъ, — и не можемъ себѣ дать отчета, почему *въ цѣломъ* они намъ нравятся? Небольшая Поэма Пушкина: *Братья разбойники,* служитъ новымъ подкрѣпленіемъ сей задачи. Въ сей Поэмѣ, разбойникъ, недавно завербовавшійся въ шайку развратной вольницы, расказываетъ удалую свою жизнь, набѣги, грабежи и убійства: ни одна добрая наклонность, ни одно доброе дѣло не искупаютъ пороковъ его и злодѣйствъ. Наконецъ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и товарищемъ въ разбояхъ, попадаются въ руки правосудія, закованы и брошены въ тюрьму, ожидая достойной мзды своихъ преступленій. Братъ его, младшій годами, не могъ перенести узничества; онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, и въ бреду горячки, между устрашающими его призраками, видитъ нѣкогда зарѣзаннаго ими старца и умоляетъ брата пощадить сѣдины его.

Но молодость свое взяла: больной выздоравливаетъ. Братьямъ разбойникамъ удается обмануть своихъ стражей; они переплываютъ черезъ рѣку, отбиваются отъ погони и уходятъ. Но тутъ младшій снова впадаетъ въ недугъ — и умираетъ. Старшій предаетъ бездушный трупъ землѣ, совершивъ надъ нимъ *грѣшную молитву* и снова отправляется на промыселъ. Не та уже для него жизнь; нѣтъ прежней, буйной радости: «*могила брата всё взяла*», говоритъ онъ, и послѣдняя жалость замерла въ его сердцѣ.

«Но иногда щажу морщины:
Мнѣ жалко рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины
Не поднимается рука».

*) «Сынъ Отечества» 1827 г., ч. 114, № 16 («Современная русская библіографія»).

И этимъ онъ платитъ дань памяти своего брата, который умолялъ его въ тюрьмѣ за старца. — Въ характерѣ сего разбойника, при всей его жестокости и развратности, видимъ одно господствующее чувство природы — любовь братскую: она, за недостаткомъ добродѣтели, за отсутствіемъ совѣсти, сдерживаетъ иногда въ немъ порывы кровожадности; и она-то, выраженная очаровательными стихами Пушкина, пробуждаетъ въ насъ минутное чувство жалости, даже къ разбойнику. Вотъ нравственная сторона сей Поэмы, изъ которой можно вывести послѣдствіе, что человѣкъ, даже въ крайнемъ униженіи своемъ, не вовсе еще отметаетъ тѣ чувствованія, которыя Милосердый Промыслъ влилъ въ душу его при самомъ рожденіи *).

* * *

**) *Цыганы. (Писано въ 1824 году).* М. въ типограф. Авг. Семена, 1827. 46 стр. въ 12 д. л. (Цѣна 6 руб.).

Года за три предъ симъ, отрывокъ изъ сей Поэмы, заключающій въ себѣ картину кочевой жизни Цыгановъ былъ помѣщенъ въ одномъ альманахѣ; и тогда уже любители Русской Поэзіи нетерпѣливо желали прочесть всю Поэму, предугадывая въ ней новыя, занимательныя положенія, отъ появленія Алека, ушельца городовъ, въ кругу полудикихъ Цыгановъ. Догадки сіи оправданы самимъ Поэтомъ: раздражительное самолюбіе Алека не уживается съ простыми нравами и раздольнымъ образомъ жизни Цыгановъ; мучимый ревностью, онъ подстерегаетъ невѣрную подругу свою, Земфиру, и убиваетъ ее и сообщника ея измѣны. Такой примѣръ, неслыханный дотолѣ между Цыганами, порывовъ страсти возмущаетъ робкую ихъ совѣсть: они изгоняютъ изъ табора своего человѣка, готоваго нарушить принятыя ими правила и жертвовать всѣмъ, даже жизнію другихъ людей, въ угоду необузданной своей волѣ. — Вся сія Поэма написана какъ бы отдѣльными картинами, въ которыхъ живость изображеній и звучность, сладость стиховъ Пушкина, совокупляясь съ заманчивостію предмета, дѣйствуютъ на воображеніе читателя тройнымъ очарованіемъ. Прочитавъ послѣднюю страницу,

---

*) Въ этомъ же № (16) «Сына Отечества» см. о Пушкинѣ въ *смѣси* (статья подъ заглав.: «Журналистикъ», стр. 383).

**) «Сынъ Отечества» 1827 г., ч. 113, № 12.

Примѣч. В. Зелинскаго.

все еще не останавливаешься, не хочешь разстаться съ Повѣстію: все ждешь новыхъ событій, или ищешь въ душѣ своей новыхъ впечатлѣній. Такова сила истиннаго дарованія! утаенное или недосказанное имъ, открываетъ передъ нами рядъ нѣжныхъ картинъ и пробуждаетъ такія ощущенія, въ которыхъ мы сами себѣ не можемъ дать отчета.

* * *

*) Новое прелестное стихотвореніе А. С. Пушкина! Дикая кочевая жизнь племени Цыганъ, простота ихъ нравовъ и нуждъ, шумность ихъ таборовъ; и подлѣ сихъ своевольныхъ, но не злобныхъ дѣтей природы, буйныя страсти полуобразованнаго Алека, унесшаго съ собою въ цыганскій таборъ гордость и самолюбіе горожанъ, — все это изображено смѣлыми, но вѣрными чертами, въ стихахъ плѣнительныхъ. Нѣкоторыя мѣста небольшой сей поэмы поражаютъ воображеніе читателя своею новостью: таковъ разсказъ стараго цыгана объ Овидіи, котораго онъ знаетъ по слуху, но не знаетъ по имени и славѣ; и вслѣдъ затѣмъ рѣчь Алека, невольно обнаруживающая затаенную имъ образованность:

«Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго расказъ!»

Такова цыганская пѣсня, которою легкомысленная Земфира возбуждаетъ въ Алекѣ ревность; такова рѣчь старика, отца ея, когда онъ, похоронивъ несчастную свою дочь, отгоняетъ отъ табора неистоваго ея убійцу:

«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ.
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,

*) «Сѣверная Пчела» 1827 г., № 65 («Новыя книги»).

Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ; оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою».

Вообще стихотвореніе сіе отмѣнно нравится свѣжестью предмета и расказа, иногда повѣствовательнаго, иногда драматическаго. Есть и теперь еще у насъ тѣсные любители формъ, пущенныхъ за законъ обычаемъ и давностію, люди, для которыхъ всякая картина должна быть въ рамкахъ и за стекломъ, или иначе она не картина. Эти люди, вѣроятно, станутъ спрашивать: почему Сочинитель не сдѣлалъ того, не выполнилъ другаго, не кончилъ третьяго? Потому, милостивые государи, что онъ писалъ, слѣдуя своему воображенію, которое у Поэта подчиняется тѣмъ же уставамъ, какими правятся событія міра существеннаго. Развѣ можно спрашивать у судьбы: почему случилось то, а не это? почему окончилось такъ, а не вотъ какъ? Поэтъ въ каждомъ своемъ произведеніи долженъ быть творецъ, а не подражатель: ему нѣтъ нужды безпрестанно держать въ головѣ, что въ столькихъ-то Комедіяхъ дѣйствующія лица ссорятся изъ любви и мирятся чрезъ посредство слугъ и служанокъ; что въ столькихъ-то Трагедіяхъ постороннее, холодное лице пространно расказываетъ о плачевной развязкѣ драмы; что въ столькихъ-то Поэмахъ герой сходитъ въ адъ, повѣствуетъ о минувшихъ своихъ бѣдствіяхъ и сражается съ существами живыми и мечтательными. Онъ свободенъ въ выборѣ своего предмета, и если не избралъ предмета историческаго, то свободенъ придавать лицамъ такіе характеры, а происшествіямъ такое направленіе и развязку, какія ему заблагоразсудятся. Не менѣе того онъ свободенъ въ выборѣ формы и въ отдѣлкѣ стиховъ; во всѣхъ сихъ случаяхъ онъ руководствуется только воображеніемъ, вкусомъ и нѣкоторыми правилами безусловными.

* * *

*) Весело и поучительно слѣдовать за ходомъ таланта, постепенно подвигающагося впередъ. Таково зрѣлище, представляемое намъ творцемъ Поэмъ: *Русланъ и Людмила* и нынѣ появившейся *Цыганы;* таковъ и долженъ быть ходъ истиннаго дарованія въ порѣ

*) «Московскій Телеграфъ» 1827 г., ч. 15-я, № 10.

зрѣющаго мужества. Признаки жизни въ дарованіи щедушномъ могутъ быть только временны и, такъ сказать, случайны; но въ твердомъ есть удовлетворительное послѣдствіе въ успѣхахъ. Стремленіе къ совершенству возможному, или невозможному, если оно не доля смертнаго, есть принадлежность избранныхъ на пути усовершенствованія и сіе стремленіе должно быть непрерывно и единосущно. Въ Поэмѣ *Цыганы* узнаемъ творца Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскаго Фонтана, но видимъ уже мужа въ чертахъ, нѣкогда образовавшихъ юношу. Видимъ въ Авторѣ болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности и, къ утѣшенію нашему, видимъ еще залогъ новыхъ силъ, сочнѣйшей зрѣлости и полнѣйшаго развитія свободы. Нынѣ разсматриваемая Поэма, или повѣсть, какъ хотите назвать ее, есть, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ, изъ напечатаннаго; потому что мы не въ правѣ говорить о Трагедіи его, еще не выпущенной въ свѣтъ. Поэтъ переноситъ насъ на сцену новую: природа, краски, явленія, встрѣчающіяся взорамъ нашимъ, не заимствованныя и возбуждаютъ въ насъ чувства, не затверженныя на память, но рождаютъ ощущенія новыя, впечатлѣнія цѣльныя. Неужели нѣтъ тутъ ни малѣйшаго подраженія? спроситъ сейчасъ злонамѣренная недовѣрчивость. Кажется: рѣшительно нѣтъ; по крайней мѣрѣ, подражанія уловимаго, подлежащаго уликѣ. Но намъ лично, хотя для того, чтобы поддержать свое мнѣніе, нельзя впрочемъ не признаться, что, вѣроятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы Цыганы въ настоящемъ ихъ видѣ, если однакожъ притомъ судьба не захотѣла бы дать Пушкину мѣсто, занимаемое нынѣ Байрономъ въ поколѣніи нашемъ. Въ самой связи или лучше сказать въ самомъ отсутствіи связи видимой и ощутительной, по коему Пушкинъ начерталъ планъ созданія своего, отзывается чтеніе Гяура Байронова и заключеніе обдуманное, что Байронъ не отъ лѣни, не отъ неумѣнія не спаялъ отдѣльныхъ частей цѣлаго, но напротивъ, въ слѣдствіе мысли свѣтлой и вѣрнаго понятія о характерѣ эпохи своей. Единство мѣста и времени, спорная статья между классическими и романтическими драматургами, можетъ отвѣчать непрерывающемуся единству дѣйствія въ эпическомъ или въ повѣствовательномъ родѣ. Нужны ли воображенію и чувству, законнымъ судіямъ поэтическаго творенія, математическое послѣдствіе и прямолинейная выставка въ предметахъ, подлежащихъ ихъ зрѣнію? Нужно ли, чтобы мысли нумерованныя слѣдовали предъ

ними одна за другою, по очереди непрерывной, для сложенія итога полнаго и безошибочнаго? Кажется, довольно отмѣчать тысячи и сотни, а единицы подразумѣваются. Путешественникъ, любуясь съ высоты окрестною картиною, минуетъ низменные промежутки и объемлетъ однѣ живописныя выпуклости зрѣлища предъ нимъ разбитаго. Живописецъ, изображая оную картину на холстѣ, слѣдуетъ тому же закону, и повинуясь дѣйствіямъ перспективы, переноситъ въ свой списокъ одно то, что выдается изъ общей массы. Байронъ слѣдовалъ этому соображенію въ повѣсти своей. Изъ міра физическаго переходя въ міръ нравственный, онъ подвелъ къ этому правилу и другое. Байронъ, болѣе всѣхъ другихъ въ сочувствіи съ эпохою своею, не могъ не отразить въ твореніяхъ своихъ и этой значительной примѣты. Нельзя не согласиться, что въ историческомъ отношеніи не успѣли бы мы пережить то, что пережили на своемъ вѣку, если происшествія современныя развивались бы постепенно, какъ прежде, обтекая заведенный кругъ стараго циферблата: нынѣ и стрѣлка времени какъ-то перескакиваетъ минуты и считаетъ одними часами. Въ классической старинѣ, войска осаждали городокъ десять лѣтъ и пѣснопѣвцы въ поэмахъ своихъ вели поденно военный журналъ осады и дѣяній каждаго воина въ особенности; въ новѣйшей эпохѣ, романтической, минуютъ крѣпости на военной дорогѣ и прямо спѣшатъ къ развязкѣ, къ результату войны; а поэты итого лучше: уже не поютъ ни осады, ни взятія городовъ. Вотъ одна изъ характеристическихъ примѣтъ нашего времени: стремленіе къ заключеніямъ. Отъ нетерпѣнія ли и вѣтренности, какъ думаютъ старожилы, просто ли отъ благоразумія, какъ думаемъ мы, но на письмѣ и на дѣлѣ перескакиваемъ союзныя частицы скучныхъ подробностей и порываемся къ *результатамъ*, которыхъ, будь сказано мимоходомъ, но настоящему, нѣтъ у насъ и по неволѣ прибѣгаемъ къ галлицизму, потому что *послѣдствія, заключенія, выводы,* все невѣрно и неполно выражаютъ понятіе, присвоенное этому слову. Какъ въ были, такъ и въ сказкѣ, мы уже не пріемлемъ младенца изъ купели и не провожаемъ его до поздней старости, и наконецъ до гроба, со дня на день исправляя съ нимъ рачительно ежедневные завтраки, обѣды, полдники и ужины. Мы вѣримъ на слово автору, что герой его или героиня ѣдятъ и пьютъ, какъ и мы грѣшные, и требуемъ отъ него, чтобы онъ намъ высказывалъ ихъ только въ рѣшительныя минуты, а впрочемъ не

хотимъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла. Между тѣмъ замѣтимъ, что уже и въ старину Депрео, хотя Магометъ классицизма, но не менѣе того пророкъ въ своемъ дѣлѣ, чувствовалъ выгоду такихъ скачковъ и говорилъ, что Лабрюеръ, свергнувъ иго переходовъ, освободился отъ одной изъ величайшихъ трудностей въ искуствѣ писать.

Поэма *Цыганы* составлена изъ отдѣльныхъ явленій, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математическаго послѣдствія, но представляющихъ нравственное послѣдствіе, въ которомъ части соглашены правильно и гармонически. Какъ говорится, что и *въ разбросанныхъ членахъ видѣнъ поэтъ,* такъ можно сказать, что и въ отдѣльныхъ сценахъ видна поэма. Скажемъ нѣчто о составѣ и ходѣ ея. На грунтѣ картины изображается таборъ южныхъ Цыгановъ со всею причудностью ихъ отличительныхъ красокъ, поэтическою дикостью ихъ обычаевъ и промысловъ и независимостью нравовъ. Замѣчательно, что сіе племя, коего происхожденіе и существованіе историческое предлагаютъ задачу не совсѣмъ еще разрѣшенную, не смотря на изысканія и вѣроятныя гипотезы ученыхъ, вездѣ сохраняетъ неизгладимые оттѣнки какого-то первоначальнаго бытія своего и что сіи оттѣнки не сливаются, по крайней мѣрѣ, во многихъ чертахъ, съ нравами туземцевъ, между коими они искони ведутся. Въ самыхъ городахъ являютъ они признаки кочевой жизни: временемъ и законнымъ образомъ укорененные въ гражданскихъ обществахъ, они какъ будто все на переходѣ и готовы на утро сложить палатки свои для переселенія. Тѣмъ еще своеобразнѣе должно быть житье ихъ въ степяхъ и на волѣ. Племя съ такою оригинальною физіогноміею принадлежитъ Поэзіи, и Пушкинъ въ удачномъ завоеваніи присвоилъ его и покорилъ ея владычеству. Два лица выдаются впередъ изъ сей толпы странной и живописной: Земфира, молодая Цыганка и старый отецъ ея. Среди сихъ дѣтей природы независимой и дикой является третье лицо: гражданинъ общества и добровольный изгнанникъ его, недовольный питомецъ образованности, или худо понявшій ее или неудовлетворенный въ упованіяхъ и требованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ, лицо, прототипъ поколѣнія нашего, не лицо условное и непремѣнное въ новѣйшей Поэзіи, какъ лица перваго любовника, плута слуги или субретки въ старой Французской комедіи, но лицо, перенесенное изъ общества въ новѣйшую

Поэзію, а не изъ Поэзіи наведенное на общество, какъ многіе полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, своевольная прелесть, которую находитъ онъ въ независимомъ житьѣ-бытьѣ ихъ сообщества, тягость отъ повинностей образованнаго общежитія, пресыщеніе отъ опостылѣвшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при таборѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрывшійся отъ общества, не укрылся онъ отъ самого себя; съ измѣною рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую стихію страсти свои и страданія за ними слѣдующія. Раздѣляя съ новыми товарищами ихъ занятія и досуги, не могъ онъ раздѣлить съ ними ихъ образъ мыслей: недовѣрчивость и самолюбіе возмутили спокойствіе души на минуту прояснившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обманутое самолюбіе ввергли его въ преступленіе. Онъ убиваетъ соперника своего и любовницу. Отецъ Земфиры, общество, усыновившее пришельца, удаляются отъ него и не удовлетворяя мести, предаютъ его собственнымъ мученіямъ и волѣ Промысла. Вотъ сущность Поэмы. Не будемъ въ подробности обращать вниманіе читателя на отдѣльныя красоты разсказа, яркія черты живописныя, поэтическое движеніе въ оборотахъ, строгую и вмѣстѣ съ тѣмъ свободную точность выраженій пламенныхъ и смѣлыхъ. Въ исполненіи вездѣ видѣнъ Пушкинъ и Пушкинъ на ноходѣ. Дадимъ отчетъ читателю въ главныхъ впечатлѣніяхъ нашихъ. Каждое изъ трехъ лицъ упомянутыхъ выше, очертано вѣрно и значительно. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея безстрастный, равнодушный зритель игры страстей, охлажденный лѣтами и опытами жизни трудной; Алеко непокорный данникъ гражданскихъ обязанностей, но и не безкорыстный въ любви къ независимости, которую онъ обнялъ не по размышленію, не въ ясной тишинѣ мыслей и чувствъ, а въ порывѣ и раздраженіи страстей. Всѣ они выведены Поэтомъ въ настоящемъ ихъ видѣ, съ свойственными каждому мнѣніями, рѣчами, движеніями. Первая, изложительная сцена, и вторая, служащая къ ней дополненіемъ, двѣ картины Цыганской природы, вѣрною и смѣлою кистью Орловскаго начертанныя. Живопись не можетъ быть ни удовлетворительнѣе, ни, такъ сказать, осязательнѣе. Послѣ сихъ двухъ сценъ положительныхъ, въ которыхъ краски почерпнуты изъ природы видимой, слѣдуетъ, и очень кстати, сцена болѣе идеальная, но не менѣе истинная, хотя истина въ ней и отвлеченная. Читая ее, нечувствительно го-

товишься къ бѣдствіямъ, которыя постигнутъ Алеко и отразятся на общество, его пріявшее. Вводные стихи о птичкѣ, которые Поэтъ съ искуствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ иносказаніе, свойственное Поэзіи нашихъ народныхъ пѣсенъ, придаютъ этому отрывку какую-то неопредѣленность, совершенно соотвѣтственную мысли, господствующей въ немъ. Кажется только, Поэту не должно бы кончать послѣднимъ стихомъ, а предыдущимъ. Онъ говоритъ объ Алеко:

Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

Этотъ стихъ долженъ подразумѣваться и смыслъ его обнажится самъ собою въ послѣдствіи. Тутъ онъ какъ будто напередъ подсказанное слово заданной загадки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эпизодъ Овидія, вставленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и неприличенъ устамъ Цыгана. Мы съ этимъ не согласны. Почему преданію объ Овидіи не храниться всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ этому же, бриллiянтъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста; а сей отрывокъ объ Овидіи, столь вѣрно и живо выражающій безпечность и простодушіе Поэта, есть точно драгоцѣнность поэтическая. Можетъ быть, только не совсѣмъ кстати старикъ приводитъ примѣръ сосланнаго Овидія послѣ стиховъ:

Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.

Легко согласиться, что насильственная свобода сосланнаго можетъ быть для него и не слишкомъ мила. Но впрочемъ, воспоминаніе объ Овидіи совсѣмъ не вставка неумѣстная ни по сценѣ дѣйствія, ни по дѣйствующимъ лицамъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ, гдѣ описывается житье-бытье пришельца, не хотѣлось бы видѣть, какъ Алеко по селеньямъ *водитъ съ пѣньемъ медвѣдя*. Этотъ промыслъ, хотя и совершенно въ числѣ принадлежностей Молдаванскихъ Цыгановъ, не имѣетъ въ себѣ ничего поэтическаго. Понимаемъ, что Алеко сдѣлался Цыганомъ изъ любви къ Земфирѣ и изъ ненависти

къ обществу; но все-таки не можетъ онъ съ удовольствіемъ школить несчастнаго медвѣдя и наживаться его боками. Если непремѣнно нужно свести Алеко въ совершенный Цыганскій бытъ, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми. Въ этомъ ремеслѣ, хотя и не совершенно безгрѣшномъ, все есть какое-то удальство и слѣдственно Поэзія. Съ шестаго отрывка до конца Поэмы занимательность, искуство Поэта и красоты разнородныя, но вездѣ первостепенныя, возвышаются болѣе и болѣе. Сцена извѣстной пѣсни: *Старый мужъ, грозный мужъ,* возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о сей пѣснѣ, давно сложенной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестокое, но уже для него непонятное волненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще пріемлетъ впечатлѣнія; ужасная ночная сцена сновидѣній Алеко, тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ его съ Алеко и кипящія выходки страсти послѣдняго, въ которыхъ такъ мрачно, такъ злосчастно предсказывается жребій Земфиры, если она измѣнитъ любви его, и самое совершеніе роковаго предсказанія: все это исполнено жизни, силы, вѣрности необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому crescendo, Поэтъ въ послѣдней главѣ превзошелъ себя. Обрядъ погребенія, совершаемый передъ убійцею, который

Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ;

слова старика, прощающагося съ нимъ: все это дышитъ величественною простотою, истиною, то есть возвышенною Поэзіей. Послѣднія подробности, коими Авторъ довершилъ картину свою, доказываютъ вѣрность и смѣшливость его поэтическаго взгляда.

....Шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,

Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

Все это замѣчено, все списано съ природы. Вотъ истинная, существенная, не заимствованная Поэзія.

Въ заключеніе Эпилогъ, въ которомъ послѣдній стихъ что-то слишкомъ Греческій для мѣстоположенія:

И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Подумаешь, что этотъ стихъ взятъ изъ какого-нибудь хора древней трагедіи. Напрасно также, если мы пустились въ щепетильныя замѣчанія, Авторъ заставляетъ Земфиру умирать эпиграмматически, повторяя послѣднія слова изъ пѣсни:

Умру любя.

Во всякомъ случаѣ, развѣ: *умираю,* а то при послѣднемъ издыханіи и нѣкогда было бы ей разлюбить. Еще не хотѣлось бы видѣть въ Поэмѣ одинъ вялый стихъ, который, Богъ знаетъ какъ, въ нее вошелъ. Послѣ погребенія двухъ несчастныхъ жертвъ, Алеко

Медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Вотъ изложеніе впечатлѣній, которыя остались въ насъ послѣ чтенія одного изъ замѣчательнѣйшихъ и первостепенныхъ явленій нашей Поэзіи. Авторъ, кажется, хотѣлъ было сначала развернуть еще болѣе части своей повѣсти. Мы слышали объ одномъ отрывкѣ, въ которомъ Алеко представленъ у постели больной Земфиры и люльки новорожденнаго сына. Сіе положеніе могло бы дать просторъ для новыхъ соображеній поэтическихъ. Алеко, волнуемый радостью и недовѣрчивостью, любовью къ Земфирѣ и къ сыну и подозрѣніями мучительной ревности, было бы явленіе, достойное кисти Поэта.

Пушкинъ совершилъ многое; но совершить можетъ еще болѣе. Онъ долженъ чувствовать и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ, конечно, далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ; но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ своихъ; онъ можетъ еще плыть далѣе въ глубь и полноводіе*).

1828 г.

Въ обозрѣніи русской словесности за 1827 годъ, напечатанномъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», между прочимъ говорится:

**) «Первые взоры просвѣщенной публики обращены на *Пушкина*. Пріятно и поучительно слѣдовать за нимъ въ постепенномъ его развитіи. Не голосомъ льстивой похвалы, но голосомъ правды будемъ говорить о немъ. Имъ подарены публикѣ четыре слѣдующія произведенія: *Братья Разбойники*, *Цыганы*, *Третья пѣснь Онѣгина*, и *Сцена изъ Бориса Годунова*, напечатанная въ 1-й книжкѣ Московск. Вѣстника. Въ первыхъ двухъ произведеніяхъ еще не совсѣмъ исчезли слѣды глубокихъ впечатлѣній Байрона; на характерахъ еще замѣтенъ отпечатокъ меланхоліи Британскаго Поэта. Въ разбойникѣ старшемъ виденъ также голодъ души, ненасыщаемой преступленіями, и за удары судьбы, къ нему непріязненной, неправо мстящей всему человѣчеству; разбойникъ младшій напоминаетъ своею участью меньшаго брата Шильонскому Узнику. Алеко есть также человѣкъ, недовольный человѣчествомъ и тщетно ищущій самозабвенія въ таборѣ кочующей вольности. Это эгоистъ, намъ уже знакомый, который, напрасно обвиняя человѣчество, вину всѣхъ своихъ несчастій въ самомъ себѣ заключаетъ. Но идеализированный Поэтомъ характеръ Цыгановъ, равнодушныхъ ко всѣмъ ощущеніямъ, къ переворотамъ судьбы, не вѣдающихъ законовъ и слѣдоват. ни добра, ни преступленія, новъ, ярокъ и обнаруживаетъ кисть зрѣлую. Въ семъ произведеніи замѣтна какая-то странная борьба между идеальностью Байроновскою и живописною народ-

---

*) Еще о «Цыганахъ» за этотъ годъ помѣщено въ «Моск. Телеграфѣ» библіографическое объявленіе: см. ч. 14, № 7.

**) «Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. 7, № 1.

Примѣч. В. Зелинскаго.

ностью Поэта Русскаго. Черты лицъ также набросаны темно; но окружающіе предметы блещутъ яркостью разнообразныхъ красокъ. Сія борьба причиняетъ какое-то разногласіе и неполноту въ цѣломъ произведенія, которое потому остается не совсѣмъ понятно для иныхъ читателей. Въ сей борьбѣ видишь, какъ Поэтъ хочетъ изгладить въ душѣ впечатлѣнія чуждыя и бросается невольно изъ своего прежняго міра призраковъ въ новую атмосферу существъ, дышущихъ жизнію. Но въ *третьей пѣсни Онѣгина* свободный и мужающій Поэтъ совершенно отклоняетъ отъ себя постороннее вліяніе. Въ сей пѣсни онъ подарилъ насъ характеромъ Татьяны своего собственнаго созданія. Ея физіогномію вы живо себѣ представляете: можно сказать, что Поэту не во снѣ она предстала, но въ свѣтломъ видѣніи. Онъ въ какомъ-то туманѣ неясно видѣлъ Черкешенку, Марію и Зарему; но на Татьяну смотрѣлъ съ открытыми вѣждами, замѣчалъ въ ней каждое чувство въ постепенномъ его развитіи, каждое движеніе. Въ этомъ характерѣ мы находимъ болѣе отчетливости, болѣе подробностей, и потому смѣло изъ него заключаемъ, что Пушкинъ болѣе и болѣе зрѣетъ.

Но всего важнѣе, всего утѣшительнѣе появленіе *сцены изъ Бориса Годунова* между Пименомъ и Григоріемъ, которая сама въ себѣ представляетъ цѣлое, особое произведеніе. Въ тѣсныхъ границахъ непродолжительнаго разговора изображенъ не только характеръ лѣтописца, но и вся жизнь его. Это созданіе есть неотъемлемая собственность Поэта, и что еще отраднѣе — Поэта Русскаго, ибо характеръ Пимена носитъ на себѣ благородныя черты народности. Всякой, постигающій важность сего явленія, невольно произнесетъ правый укоръ нашимъ Журналистамъ, которые даже не помянули о немъ, и съ негодованіемъ осмѣетъ тѣхъ ничтожныхъ Критиковъ, которые младенчески сожалѣли о томъ, что сей отрывокъ писанъ не съ риѳмами и въ этомъ отношеніи отдавали преимущество отрывку изъ соименной Трагедіи Г. Ѳедорова.

Нужно ли повторить передъ Пушкинымъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія Бориса? — Нужно ли говорить о томъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ зрѣетъ языкъ его, или языкъ Русскій? — Мы удивляемся, какъ наши дамы, прочитавъ письмо Татьяны и всю третью пѣснь Онѣгина, еще до сихъ поръ не отказываются въ обществѣ отъ языка Французскаго, и какъ будто все еще не смѣютъ или стыдятся говорить языкомъ отечественнымъ.

Еще одно слово о любимцѣ нашей Публики. Мы замѣтили изъ разныхъ отзывовъ о его произведеніяхъ странныя отъ него требованія. Хотятъ, чтобы онъ создавалъ въ своихъ поэмахъ существа, чисто нравственныя, образцы добродѣтели. Напомнимъ строгимъ Аристархамъ, что не дѣло Поэта преподавать уроки нравственности. Онъ изображаетъ всякое сильное ощущеніе въ жизни, всякой характеръ, носящій на себѣ оригинальную печать или одной мысли или одного чувства. Если Поэзія есть живая картина необыкновенной человѣческой жизни, то не Ангеловъ совершенныхъ должны представлять намъ Поэты, но человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ, разумѣется, выходящихъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, не вседневныхъ, но такихъ людей, которые сильнѣе мыслятъ, сильнѣе чувствуютъ и потому живѣе дѣйствуютъ. Если впечатлѣнія, произведенныя поэтомъ, привели душу въ желанное согласіе, онѣ изящны, и Поэтъ совершилъ свое дѣло. Если иногда таковыя впечатлѣнія производятъ дѣйствіе нравственно злое на душу человѣка, — не Поэта обвиняйте, который воленъ какъ сама природа въ созданіи людей и какъ судьба въ созданіи происшествій, картинъ порока или добра, — но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сіи впечатлѣнія»*).

* * *

**) *Евгеній Онѣгинъ,* романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Главы IV и V. СПб. 1828 г. in 12, 92 стр.

Поэтъ сдержалъ свое слово: 4 и 5-я главы Онѣгина изданы тотчасъ послѣ 3-й. Въ нихъ разсказываетъ онъ слѣдствія свиданія Татьяны съ Онѣгинымъ, сватанье Ленскаго за Ольгу; святки въ домѣ Лариныхъ, въ день именинъ Татьяны; сельскій балъ и ссору Онѣгина съ Ленскимъ. Сонъ Татьяны должно причислить къ отличнымъ произведеніямъ Пушкина. Сельскій балъ списанъ имъ съ природы.

*) Во второмъ № «Московскаго Вѣстника» за этотъ же годъ, при разборѣ альманаха «Сѣверные Цвѣты» и «Невскаго Альманаха», также упоминается о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина («Нулинъ», «Отрывокъ изъ Бориса»).

**) «Московскій Телеграфъ» 1828 г., ч. 19, № 3.

Примѣч. В. Зелинскаго.

...Вотъ багряною рукою
Заря, отъ утреннихъ долинъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Былъ полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ;
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

Съ своей супругой дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, семья сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
(Какъ вамъ конечно онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и глупъ.

Множество другихъ лицъ является на сцену; обѣдаютъ; послѣ да играютъ въ вистъ, Между тѣмъ является полковая музыка —

...Чай несутъ; дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чаю чашку съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ...

Начинается балъ —

Однообразный, и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный,
Чета мелькаетъ за четой..
— Мазурка началась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.
Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнова)
Стучатъ; Буянова каблукъ,
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, шопотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку...
Ахъ! легче, легче: каблуки
Отдавятъ дамскіе носки!...

Мы поговоримъ о всѣхъ пяти пѣсняхъ Онѣгина особенно, а между тѣмъ, пусть читатели послушаютъ, что говорятъ другіе Журналисты о 4-й и 5-й пѣсни. Атенею онѣ очень не нравятся. Что дѣлать! Атеней любитъ стихи *классическіе*.

* * *

*) *Евгеній Онѣгинъ, Романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина.* Главы IV и V.

Въ сихъ двухъ новыхъ главахъ Онѣгина Поэтъ изобразилъ въ IV-ой изустный отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ, на письмо ея (помѣщенное въ III главѣ); любовь Владиміра Ленскаго и Ольги.

*) «Сѣверная Пчела» 1828 г., № 15

Многія прекрасныя отступленія, какъ то; выходки противъ свѣтскихъ друзей, противъ альбомовъ и т. п. составляютъ какъ бы придаточныя украшенія къ симъ живымъ картинамъ. Въ V главѣ Поэтъ описываетъ святочныя гаданія, сонъ Татьяны, и провинціальную пирушку въ домѣ Лариныхъ. Сонъ Татьяны есть одно изъ удивительныхъ созданій игриваго воображенія Поэта: чудовища, которыя онъ выдумалъ и обставилъ такъ замысловато, дивятъ своею уродливостью, смѣшатъ воображеніе читателя; но во всемъ этомъ нѣтъ ни капли излишества, не переведена ни одна черта за предѣлы вкуса и *поэтически возможнаго*. Тонкое ощущеніе нашего Поэта указало ему сіи предѣлы, неясные для умовъ обыкновенныхъ, свѣтлые для генія. Сельскій балъ у Лариныхъ — есть рядъ забавныхъ карикатуръ, весьма вѣрно обрисованныхъ и живо раскрашенныхъ. Вообще въ сей пятой главѣ очень много движенія и жизни, и подъ конецъ, послѣ всѣхъ странныхъ и смѣшныхъ явленій, сердце замираетъ въ какомъ-то грустномъ ожиданіи отъ слѣдствій ревности, умышленно пробужденной Онѣгинымъ въ безхитростной, чистой душѣ Ленскаго.

* * *

*) *Евгеній Онѣгинъ,* романъ въ стихахъ, сочиненіе Александра *Пушкина,* пѣснь IV и V.

4-я и 5-я пѣсни Онѣгина составляютъ въ Москвѣ общій предметъ разговоровъ: и женщины, и дѣвушки, и Литтераторы, и свѣтскіе люди, встрѣтясь, начинаютъ другъ друга спрашивать: читали ли вы Онѣгина, какъ вамъ нравятся новыя пѣсни, какова Таня, какова Ольга, каковъ Ленскій и т. д. — Мы подслушивали разныя сужденія, и разскажемъ ихъ, вмѣсто собственныхъ, нашимъ читателямъ:

*

Татьяна имѣетъ всѣ голоса въ свою пользу, — нѣкоторые даже желали бы, чтобъ вся вышедшая часть Романа (то-есть 5 пѣсней), названа была Татьяной Лариной, а не Евгеніемъ Онѣгинымъ. — Одинъ молодой человѣкъ такъ живо представилъ себѣ эту милую

*) «Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. VII, № 4 (статья NN.).

дочь *Русской* природы, что на вопросъ своего пріятеля, на балѣ, какъ ему нравится одна дѣвушка? — отвѣчалъ: очень — она похожа на Таню.

*

Характеромъ Онѣгина не довольны, или лучше, его не любятъ, хотя судьи, поблагоразумнѣе, говорятъ, что этотъ характеръ надобно разсматривать, хвалить, порицать, осуждать, объяснять, только въ психологическомъ отношеніи, какъ явленіе нравственное, а въ художественномъ — совѣтуютъ смотрѣть только на его изображеніе, не противорѣчитъ ли онъ самъ себѣ и т. п.; — здѣсь не надобно, говорятъ они, вдаваться въ разсужденіе, хорошъ ли этотъ характеръ или нѣтъ, а только какъ онъ изображенъ: точно какъ въ портретѣ, — смотрите, похожъ ли онъ на свой подлинникъ, хорошо ли написанъ, а не распространяйтесь о томъ, что носъ широкъ, а брови густы.

*

Одни говорятъ, что Онѣгинъ изображенъ не въ ясныхъ, не въ рѣзкихъ чертахъ, что нельзя себѣ представить его личности (индивидуальности), какъ Дон-Жуана Байронова, какъ нѣкоторыя лица Валтеръ Скоттовы; другіе напротивъ бьются объ закладъ, что по полученнымъ *даннымъ*, они отгадаютъ всѣ будущія рѣшенія Онѣгина, — какъ станетъ онъ дѣйствовать въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. «Ну приметъ ли онъ вызовъ Ленскаго?» спросилъ Атлетъ изъ первой партіи одного изъ своихъ противниковъ. — Тотъ задумался, но наконецъ отвѣчалъ; это можетъ зависѣть отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ; вѣроятно Онѣгинъ употребитъ усиліе для того, чтобъ кончить распрю. Впрочемъ можетъ быть и приметъ вызовъ. — «Извергъ, извергъ!» воскликнули всѣ присутствовавшія дамы. Многимъ сдѣлалось дурно, и бѣдныя насилу очнулись, и то выливши по стклянкѣ Eau de Cologne на виски.

*

Дамы вообще въ ужасномъ негодованіи на Пушкина за то презрѣніе, которое онъ къ нимъ при всякомъ случаѣ обнаруживаетъ въ стихахъ своихъ, за злость, съ которою придирается. Это —

Leze Majesté, нашептываютъ имъ ихъ Чичисбеи, и мы не знаемъ, каково будетъ жить Поэту на свѣтѣ, если могущественныя дщери Еввы внемлютъ духу мести.

*

Вызовъ Ленскаго называютъ несообразностію. Il n'est pas du tout motivé, всѣ кричатъ въ одинъ голосъ. Взбалмошный Онѣгинъ, на мѣстѣ Ленскаго, могъ вызвать своего противника на дуэль, а Ленскій — никакъ. Да и за что было Онѣгину бѣсить его?

*

Жалѣютъ, что Ленскій только описывается, а не представляется въ дѣйствіи.

*

Въ Ленскомъ находятъ вотъ еще какую несообразность: онъ, идеалистъ, Поэтъ, никакъ не могъ сказать Онѣгину, начавъ съ нимъ говорить объ Ольгѣ:

«Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь».

Tout au plus, замѣтилъ одинъ молодой Поэтъ, Ленскій могъ говорить о глазахъ Ольгиныхъ, а о груди, плечахъ — никакъ. Другіе стали было оправдывать эти слова тѣмъ, что Ленскій хотѣлъ примѣниться тономъ къ Онѣгину, но безуспѣшно.

*

Пятой пѣсни отдается преимущество передъ четвертою, которую Авторъ замѣтно хотѣлъ наполнить чѣмъ-нибудь, и заговаривается, хотя и очень мило.

*

Нить повѣствованія ведена лучше въ первыхъ трёхъ пѣсняхъ, чѣмъ въ послѣднихъ двухъ, замѣчаютъ также многіе. Читатель по прочтеніи четвертой и пятой остается въ какомъ-то туманѣ:

прекрасныя подробности и эпизоды слишкомъ развлекаютъ его вниманіе.

*

Охотники до новыхъ риѳмъ восхищаются Гарольдомъ — со льдомъ, Олѣ — болѣ, бламанже — уже.

*

Кстати о бламанже. Для классиковъ очень соблазнительными кажутся стихи:

Между жаркимъ и бламанже
Цымлянское несутъ *уже*.

А романтики въ послѣднемъ стихѣ находятъ какую-то Аналогію съ неловкимъ подчиваньемъ провинціаловъ.

*

Онѣгинъ, сказалъ нѣкто, родился подъ звѣздою Дон-Жуана, но въ немъ много Русской правды.

*

Иные вовсе отказались видѣть въ Онѣгинѣ что-нибудь цѣлое. Пусть Поэтъ надаетъ намъ пріятныхъ впечатлѣній, все равно — мелочью или гуртомъ. У насъ будетъ нѣсколько характеровъ, описанія сновъ, винъ, обѣдовъ, временъ года, друзей, родныхъ людей, и чего же больше? Пусть продолжается Онѣгинъ à l'infini. Пусть Поэтъ высказываетъ намъ себя и въ эпизодахъ, и не въ эпизодахъ.

*

«Создать такой характеръ, какъ у Онѣгина, невозможно, сказалъ одинъ. Чтобъ описать его, надобно самому быть имъ». — Согласенъ съ вами, отвѣчалъ другой, можетъ быть, Авторъ — Онѣгинъ, но только не въ святыя минуты вдохновенія, по буднямъ, а не въ праздникъ,

Когда не требуетъ Поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ.

Въ такомъ случаѣ, сказалъ третій, гораздо лучше вѣрить самому Автору. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ:

Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужь невозможно
Писать Поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ.

*

До чего простирается разность въ сужденіяхъ! Однимъ очень нравится небрежность, съ которою пишется этотъ романъ: слова льются рѣкою и нѣтъ нигдѣ ни сучка, ни задоринки. Другіе, съ высока, видятъ въ этой натуральной небрежности доказательство зрѣлости Пушкина: Поэтъ, говорятъ они, уже перестаетъ отачивать формы, а заботится только о проявленіи идей; третьи — каково покажется? — небрежность эту называютъ неучтивостью къ Публикѣ. Пушкинъ зазнался и проч. — Четвертые толкуютъ о порчѣ вкуса.

*

Сномъ Татьяны восхищаются всѣ — и охотники до бреду, и охотники до истины, и охотники до Поэзіи. — Былъ однакожъ одинъ, который утверждалъ, что такого сна систематически уродливаго видѣть невозможно. — Впрочемъ, слава Богу, отвѣчалъ другой, что мы на яву увидали его. Въ Театрѣ видитъ же Публика сны вмѣсто спящихъ героевъ піэсы.

*

Многимъ очень нравится также описаніе *Я:*

Кого жъ любить? кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда:
Кто не наскучитъ никогда?

*

Всѣ съ большимъ удовольствіемъ приняли тонкую похвалу Жуковскому:

Татьяна по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть.
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я — *при мысли о Свѣтланѣ*
Мнѣ стало страшно... Такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.

*

Удачно воспоминаніе о *Чужомъ толкѣ* Дмитріева.

Припомни, что̀ сказалъ Сатирикъ.
Чужаго толка хитрой Лирикъ —
Ужели для тебя сноснѣй
Унылыхъ нашихъ риѳмачей?

Были однакожъ недогадливые, которымъ должно было растолковать, что Чужаго толка хитрый Лирикъ значитъ — хитрый Лирикъ представленный въ Чужомъ толкѣ.

*

Отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ совершенно въ его характерѣ. Онъ не могъ поступить иначе. По этому отвѣту однакожъ подозрѣваютъ нѣкоторые, не бывалъ ли Онѣгинъ на Кавказѣ?

N.N.

* * *

*) Кстати — помѣстимъ здѣсь нѣсколько строкъ о 2 пѣсни Онѣгина, присланныхъ къ намъ покойнымъ Д. В. Веневитиновымъ чрезъ нѣсколько времени послѣ появленія ея въ свѣтъ, для помѣщенія въ Вѣстникѣ.

«Съ Онѣгинымъ давно познакомились всѣ Русскіе читатели, и намъ нѣкоторымъ образомъ уже поздно говорить о немъ; но, какъ издатели журнала, мы обязаны прибавить свой голосъ къ голосу общему и сказать о немъ хоть нѣсколько словъ. Вотъ наше мнѣніе:

Вторая пѣснь по изобрѣтенію и изображенію характеровъ несравненно превосходнѣе первой. Въ ней уже совсѣмъ исчезли слѣды впечатлѣній, оставленныхъ Байрономъ, и въ Сѣверной Пчелѣ напрасно сравниваютъ Онѣгина съ Чайльдъ-Гарольдомъ. Характеръ Онѣгина принадлежитъ нашему Поэту и развитъ оригинально. Мы видимъ, что Онѣгинъ уже испытанъ жизнію; но опытъ поселилъ въ немъ не страсть мучительную, не ѣдкую и дѣятельную досаду, а скуку, наружное безстрастіе, свойственное Русской холодности (мы не говоримъ Русской лѣни). Для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства. Если онѣ пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы не удивимся; — онъ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь его будетъ безъ приключеній, онъ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣниво.

О стихахъ ни слова. — Если мы опоздали говорить о самомъ Онѣгинѣ, то хвалить стихи Пушкина и подавно поздно».

* * *

**) *Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Соч. Александра Пушкина.* Глава IV и V.

> Не бойся ѣдкихъ осужденій,
> Но упоительныхъ похвалъ.
>
> *Баратынскій.*

Прошло, кажется, счастливое время, когда Критикъ, разсматривая какое-нибудь стихотвореніе, развертывалъ благоговѣйно курсъ Піитики, отыскивалъ родъ и видъ, къ которому сочиненіе по на-

*) «Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. VII, № 4 (Замѣтка Д. В. Веневитинова о 2-й главѣ «Онѣгина»).

**) «Атеней» 1828 г., ч. I, № 4; статья В.

званію принадлежало, сличалъ правила съ произведеніемъ и, по количеству точекъ соприкосновенія, произносилъ приговоръ свой. Въ нашъ вѣкъ работа Критика сдѣлалась труднѣе: онъ часто имѣетъ дѣло съ такимъ сочиненіемъ, о которомъ ни Авторъ не можетъ дать отчета, почему оно такъ написано, ни читатель — объяснить себѣ, почему оно ему нравится. Названіе: *Романтическое* выручаетъ стихотвореніе отъ всѣхъ притязаній здраваго смысла и законныхъ требованій вкуса. Этого мало: вѣра въ непогрѣшительность Романтизма обнаруживается въ наше время со всею силою партій, и рѣшительно осуждаетъ на невѣжество всякаго, кто осмѣлился бы возвысить голосъ свой не въ ладъ съ общею хвалебною гармоніей какому-нибудь романтическому кумиру.

Поэзія, какъ и всякое изящное искусство, имѣетъ двѣ стороны: *вымыслъ* и *исполненіе*. Превосходство въ одномъ не всегда ведетъ за собою превосходство въ другомъ. Много прекрасныхъ вымысловъ, дурно изложенныхъ, или выжившихъ уже изъ красоты словеснаго выраженія; такъ какъ много есть прекрасныхъ звуковъ, въ которыхъ, можетъ быть, нѣтъ ни вымысла, ни даже смысла. Очевидно, что и сужденія о произведеніяхъ поэтическаго искусства могутъ быть двойственны: объ изяществѣ вымысла, какъ обнаруживающейся дѣятельности зиждительной способности человѣка, и о тонкости искусства стихосложенія. Сужденія о первомъ должны основываться на признанныхъ законахъ ума; оцѣнка втораго на принятыхъ правилахъ и видимыхъ свойствахъ языка.

По изданнымъ пяти главамъ *Онѣгина,* конечно, мы не въ правѣ еще заключить о качествѣ плана цѣлаго; но можемъ видѣть качество характеровъ, выведенныхъ для дѣйствія, и способъ, какъ это дѣйствіе раскрывается. Въ повѣствовательномъ родѣ, не смотря на форму, это главное: достоинство описаній, картинъ, мыслей и замѣчаній зависитъ отъ соотношенія съ цѣлымъ: содѣйствуютъ соразмѣрности общаго — онѣ хороши; нѣтъ: могутъ быть и не быть, не составляя красоты Поэмы.

Дѣйствіе въ Поэмѣ должно быть результатомъ того отношенія, въ какомъ поставляются дѣйствующія лица склонностями своими, страстями и выгодами. Съ того времени, какъ Поэтъ создалъ въ умѣ и ввелъ въ соотношеніе дѣйствующія лица, онъ теряетъ уже свободу произвольно располагать ихъ дѣйствіями. Онѣ должны дѣйствовать такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали бы люди опре-

дѣленныхъ характеровъ въ данномъ случаѣ. Все творчество Поэта заключается въ умѣніи сблизить, или привести въ соприкосновеніе страсти, которыя, взаимно дѣйствуя другъ на друга, образовали бы завязку и, по естественному ходу, отъ силы и превозможенія той или другой, доводили бы дѣйствія къ развязкѣ. Слѣдственно, чѣмъ страсти разнороднѣе, чѣмъ долѣе удерживаютъ онѣ свою самостоятельность при дѣйствіи на нихъ силъ противоположныхъ: тѣмъ дѣйствіе продолжительнѣе, живѣе и занимательнѣе. Соблюденіемъ этихъ только условій искусство можетъ пріобрѣсть таланту славу творчества.

Какъ характеры созданы въ Онѣгинѣ? Евгеній, избалованный, вѣтренный, который

Въ красавицъ (онъ) ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь,

читаетъ предлинное наставленіе Татьянѣ, въ которомъ и тѣни нѣтъ языка разговорнаго. Катонъ съ одною сестрою, онъ въ то же время Ольгѣ, невѣстѣ своего пріятеля

...... Наклонясь шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ
И руку жметъ.

Тихій, мечтательный Ленскій за то, что другъ его провальсировалъ лишній разъ съ его невѣстою,

Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Какъ разъ рѣшатъ судьбу его.

Безстрастная Ольга, помолвленная за Ленскаго, послѣ того, какъ

Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое,

наканунѣ почти свадьбы, при первой ласкѣ Онѣгина, забываетъ жениха....

.... Чуть лишь изъ пеленокъ
Кокетка, вѣтренный ребенокъ.

Печальная Татьяна, разъ, и то мелькомъ, видѣвши молодаго мущину, пишетъ ему, спустя полгода, самое жалкое письмо, увѣряя, что Онѣгинъ посланъ ей Богомъ! — Естественно ли все это?

Нѣтъ характеровъ: нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Отъ этого и эти двѣ главы, подобно предшествовавшимъ, сбиваются просто на описанія, то особы Онѣгина (строфы IX и X), то утомительныхъ подробностей деревенской его жизни (XXXVII, XXXVIII и XLIV), то занятій Ленскаго (XXV, XXVI, XXVII), то опять Авторъ принимается за характеръ Татьяны (IV, V, VI, VII, VIII), хотя объ ней слишкомъ уже много было толковано и во второй главѣ; то возвращается къ природѣ; описываетъ осень (XL, XLI, XLII), зиму. — Отъ этого такая *говорливость* у него; такъ много замѣтныхъ повтореній, возвращеній къ одному и тому же предмету и кстати и не кстати; столько отступленій, особенно тамъ, гдѣ есть случай посмѣяться надъ чѣмъ-нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себѣ. — Нѣкоторые называютъ затѣями воображенія, а другіе подобныя замашки — вѣроятно Литтературные старовѣры — поэтическою кристаллизаціею, или, просто, наростами къ разсказу, по примѣру, блаженной памяти, Стерна. Отымите нѣсколько строфъ подобнаго содержанія: стихотвореніе столь же мало потеряло бы въ содержаніи, какъ мало и выиграло бы, если бы Авторъ потрудился покороче познакомить насъ съ подробностями житія своего.

Стихосложеніе, безспорно, есть дѣло второстепенной важности въ Поэзіи; но все-таки оно важно: по крайней мѣрѣ относительно совершенствованія языка. Всякая *теперь* преодоленная трудность избавляетъ отъ труда *послѣ* и опрастываетъ дорогу прочимъ. Въ семъ отношеніи достоинство стихосложенія Пушкина обще-признано. Въ его стихотвореніяхъ можно указать на такія мѣста, которыя по благозвучію равняются съ признанными образцами Русской Поэзіи. Едва ли кто писалъ стихами на русскомъ языкѣ съ такою легкостію, какую замѣчаемъ во всѣхъ стихотвореніяхъ Пушкина. У него не примѣтно работы: все непринужденно; рифма звучитъ и выкликаетъ другую; упрямство Синтаксиса побѣждено совершенно: стихотворная мѣра ни мало не мѣшаетъ естественному порядку словъ.

Дарованіе рѣдкое. Но этой же легкости мы должны приписать и замѣтную во многихъ стихахъ небрежность, употребленіе словъ языка книжнаго съ простонароднымъ, безъ всякаго вниманія къ ихъ значенію; составленіе фигуръ безъ соображенія съ духомъ языка и съ свойствами самихъ предметовъ; ненужное часто обиліе въ выраженіяхъ и наконецъ недосмотръ въ составѣ стиховъ.

Приведемъ нѣсколько доказательствъ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.

Тутъ Поэзіи меньше, нежели правды. Если бы эти стихи не имѣли чести принадлежать Пушкину, то едва ли бы ихъ удостоили даже названія стиховъ.

Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ,
Хваленыхъ дѣдовскихъ *времянъ*.

Слѣдственно Державинъ ошибся, сказавъ:

Глаголъ *временъ*.
Но къ ней (Татьянѣ) Онѣгинъ подошелъ
И *молвилъ* . . . .

Глаголомъ молвить до сихъ поръ на Русскомъ языкѣ выражалось коротко оканчивающееся дѣйствіе: *сказывать*. Онъ *молвилъ* слово. Позвольте мнѣ *вымолвить*. Здѣсь же Онѣгинъ *молвитъ* цѣлую исповѣдь.

Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ.

Привязчивые Критики замѣчаютъ, что, по порядку, надобно бы прежде поставить *супругомъ*, за тѣмъ уже *отцемъ*. Я замѣчу только, что *жребій*, по смыслу этого слова и по изъясненію Словаря Россійской Академіи, есть какъ бы знакъ приговора судьбы, а не самая судьба. Самъ Авторъ, чрезъ нѣсколько строкъ, употребляетъ слово сіе въ другомъ, правильномъ уже значеніи:

Ужели *жребій* вамъ такой
Назначенъ строгою *судьбой*.

. . . .

Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть *мигъ единой*.

. . . .

Нашедъ ли прежній идеалъ.

Нашедъ въ разговорномъ слогѣ неупотребительно.

Любви *бездушныя страданья*.

Звучныя слова, но безъ значенія; точно такъ же, какъ и

Разумныя отрады,

если бы кому-нибудь угодно было щегольнуть новизною.

Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, *что* звукъ пустой,

вмѣсто, подобно звуку. Въ послѣдне писанныхъ одахъ Державина мы было уже распростились съ этимъ оборотомъ.

Такъ *одѣваетъ бури тѣнь*
Едва рождающійся *день*.

Трудно понять, кто кого одѣваетъ: тѣнь ли бури одѣвается днемъ; или день одѣвается тѣнью? Притомъ — посудимъ, что такое *тѣнь бури?* Для простомысловъ черезъ чуръ уже отважно и подобное выраженіе: буря тѣнью застилаетъ едва раждающійся день.

Поэтъ описываетъ состояніе души Татьяны:

Любви *безумныя страданья*
Не перестали *волновать*
Ея души.

А чрезъ нѣсколько строчекъ продолжаетъ:

Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не *шевелитъ*.

. . . .

Увы! Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ и *молчитъ.*

ивается ли выраженіе словомъ: *молчать.* Что оно послѣ етъ и гаснетъ?

Меня *стѣсняетъ* сожалѣнье.

лѣніе чувство внутреннее; а стѣснять показываетъ дѣйствіе ь. *Меня стѣсняютъ обстоятельства,* сказать можно; но *стѣсняетъ соболѣзнованіе* такъ же какъ и *сожалѣніе,* ли?

Вы, *украшенные* проворно.

должны пострадать или словоударенiе или стопосложенiе: за для спасенія стиха, неизбѣжна.

Конечно вы не разъ видали
Уѣздной барышни Альбомъ,
Что (?) всѣ подружки измарали.
. . . .
Два вѣка ссорить не хочу.

тся, есть правило объ отрицаніи *не:* а то вмѣсто ссорить выдетъ — *много ли времени?*

Случалось ли Поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенія.

ислѣ народныхъ выраженій есть и *говорить въ глаза;* но о сихъ поръ не слыхали, чтобы кто-нибудь сказалъ: *читать ааза, писать въ глаза, рисовать въ глаза* и т. п.

Младой и *свѣжій* поцѣлуй.

вправѣ ожидать, что этотъ поцѣлуй *постарѣетъ, увянетъ* еменемъ: не соображено качество съ предметомъ.

Гусей крикливыхъ *караванъ.*

Это развѣ можно сказать о тѣхъ гусяхъ, которыхъ привозятъ зимою въ Москву замороженныхъ. Караваномъ называется обозъ, составленный изъ разныхъ повозокъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ.

Въ *избушкѣ* распѣвая, *дѣва*
Прядетъ.

Какъ кому угодно, а *дѣва въ избушкѣ,* то же, что и *дѣва на скалѣ*.

. . . . зимнихъ другъ ночей
Трещитъ лучинка передъ ней.

Лучинка, другъ ночей зимнихъ, *трещитъ* передъ *дѣвою, прядущею въ избушкѣ!*... Скажи это кто-нибудь другой, а не Пушкинъ, досталось бы ему отъ нашихъ должностныхъ Аристарховъ.

Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ.

Въ извлеченіи для смысла: ребятишки катаются по льду.

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ.

Не уплыветъ далеко на красныхъ лапкахъ. — Невѣрно также выраженіе: плыть по лону; лоно означаетъ глубину, нѣдро.

Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.

Эпитетъ *невѣрный* ко льду, едва ли *вѣренъ*. Лошадь падаетъ не отъ того, что *цѣпляетъ* ледъ, а потому, кажется, что не цѣпляетъ, скользитъ.

Вдался *въ задумчивую лѣнь*.

Модное, часто повторяемое выраженіе, въ которомъ и съ *раздумчивымъ вниманіемъ* не скоро добьешься смыслу.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему.

:етъ ли это кого занять, кромѣ врача, заботящагося о пище-ніи Автора; и что такое: *измѣнять желудку шумною пѣной?*

И *я бордо благоразумный*,
Ужъ нынче предпочелъ ему.

до благоразуменъ. Открытіе. Попьемъ, попишемъ: можетъ быть,)оемъ въ немъ и еще какія-нибудь достохвальныя качества.

Къ *аи я больше не способенъ.*

жите, гдѣ публика, гдѣ читатели?...

Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой
И своенравной *и пустой.*

емъ снисходительны: согласимся, что любовница можетъ быть и жи-и вѣтреная, но *блестящая* и *пустая,* образы безъ лицъ.

Иль *тихій* раздѣлять *досугъ.*

же, что и задумчивая лѣнь.

. . . . И теплотою
Каминъ чуть дышетъ.

:оторымъ покажется это выраженіе болѣе нежели смѣлымъ: но *нѣкоторые,* вѣроятно, не заботятся о піитическомъ обогащеніи ка. Бездарные, они пожалуй не найдутъ значенія и въ этомъ аженіи:

...Свѣтлый *кубокъ*
Еще *шипитъ* среди стола.
. . . .
И *тайна* брачныя *постели*
И *сладостный* любви *вѣнокъ*
Его восторговъ ожидали.

:орнѣйше прошу читателя переложить это въ прозу.

Мой бѣдный Ленскій, *сердцемъ онъ*
Для оной жизни былъ рожденъ.

Творительный падежъ на Русскомъ языкѣ означаетъ отношеніе по вопросу *кѣмъ* или *чѣмъ*. Онъ преданъ ему *душою*. Онъ любимъ *Музами*, но — онъ рожденъ *сердцемъ?*...

Сто кратъ блаженъ, *кто въ теплой вѣрѣ*
Холодный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ.

Угомонивши *холодный* умъ *въ теплой* вѣрѣ, *покоиться въ сердечной нѣгѣ!!!* Жаль только, что это не можетъ угомонить *холоднаго* разсудка!

Зима!... крестьянинъ *торжествуя*
На *дровняхъ* обновляетъ путь.

Въ первый разъ, я думаю, дровни въ завидномъ сосѣдствѣ *съ торжествомъ*. *Крестьянинъ торжествуя* выраженіе невѣрное.

Летитъ *кибитка удалая.*

Помнится, въ первой главѣ были уже *дрожки удалыя*. Подробности:

Ямщикъ *сидитъ на облучкѣ*
Въ тулупѣ, красномъ кушакѣ,

живописны. —

Сіянье розовыхъ снѣговъ.

Озаренный заходящимъ солнцемъ, снѣгъ можетъ казаться розовымъ, но *сіянье снѣга*... воля ваша, Гг. Нововводители!

По старинѣ *торжествовали*
Въ ихъ домѣ *эти вечера.*

За неимѣніемъ лица, дѣйствіе относится къ *вечерамъ;* т. е. вечера торжествовали по-старинѣ. Скажутъ: привязка. Что дѣлать, какъ читаю, такъ и понимаю.

. . . . . . Надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ *лепетомъ* своимъ.

эжда лжетъ лепетомъ?!

Татьяна на широкій дворъ
Въ *открытомъ платьицѣ* выходитъ
. . . .
То въ хрупкомъ *снѣгѣ* съ ножки милой
. . . .
Упала въ снѣгъ, медвѣдь *проворно*
Ее *подъемлетъ* и несетъ.
. . . .
Визгъ, хохотъ, свистъ и *хлопъ*
Людская молвь, и конскій топъ.

кели первый стихъ ямбъ, и четырестопный? Порадуемся счаст-
й гибкости нашего языка: хлопанье и топотъ не мѣстятся
:тихъ — можно послѣдніе слоги оставить. Будемъ надѣяться,
 эта удачная придумка обрѣжетъ слоги многимъ упрямымъ
кимъ словамъ, которыя не гнутся теперь въ стихъ. Какъ
гно будетъ читать:

Ропъ, вм. ропотъ,
топъ, вм. топотъ,
грохъ, вм. грохотъ,
слякъ, вм. слякоть.

зя не полюбоваться также и *людскою молвью.*
атьяна во снѣ зашла въ *шалашъ убогій,* а къ концу сна
ился *шалашъ хижиною!*

. . . . *Хижина* шатнулась.

впрочемъ во снѣ.

Но вотъ багряною рукою
Заря, отъ утреннихъ долинъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.

ка надъ Ломоносовымъ.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новой годъ.

Такъ, кажется, старикъ начинаетъ Оду свою на день возшествія на Престолъ *Императрицы Елисаветы.*

Какая радость: будетъ балъ;
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.

Какъ эти *дѣвчонки,* готовящіяся на балъ, забавны предъ *дѣвою,* прядущею въ избушкѣ.

. . . .
Такъ пчелъ изъ *лакомаго улья*
На ниву шумный рой летитъ.

Какъ у наборщика не дрогнула рука набрать этотъ *лакомый улій?*

Всѣ *жадной скуки* сыновья.
Предъ *сонной скукою* полей.

Есть ли какой-нибудь изъ Европейскихъ языковъ терпѣливѣе Русскаго при налогахъ именъ прилагательныхъ: что хочешь поставь предъ существительнымъ, все выдержитъ. Скука — жадная, хладная, алчная, гладная, сонная и пр. и пр.

Однообразный и *безумный,*
Какъ вихорь жизни молодой,
Крутится вальса вихорь шумный.

Однообразный, шумный, безумный вихорь, подтвержденіе выше замѣченной гибкости языка нашего, относительно именъ прилагательныхъ. Не назвать ли намъ эпитетовъ, подобныхъ *удалой* кибиткѣ, *лакомому* улью, *безумному* вихрю, не имѣющихъ примѣтнаго отношенія къ своимъ существительнымъ, вмѣсто прежняго: *имена прилагательныя,* новымъ словомъ: *имена прилѣпительныя.* Въ такомъ случаѣ мы по крайней мѣрѣ не затруднились бы, куда отчислить и

Лица *самолюбивыя*,
И негодованіе *ревнивое*,

: сотню другихъ мелочей, которыя такъ заживо цѣпляютъ людей, чившихся по старымъ Грамматикамъ.

В.

* * *

*) У всякаго художественнаго произведенія есть точка, одна очка, съ которой оно представляется во всемъ своемъ величіи. Взгляните вблизи на декорацію Гонзаго, это — мазанье; но изъ реселъ, въ надлежащемъ разстояніи, освѣщенное, оно чаруетъ васъ. Многіе ошибаются въ своихъ сужденіяхъ потому, что не попадаютъ а точку, съ которой должно смотрѣть на произведеніе.

Въ Атенеѣ кто-то насчиталъ множество ошибочныхъ выраженій ъ Онѣгинѣ. — Читалъ ли Г. Критикъ, занимаясь старыми своими 'рамматиками, прочія Стихотворенія Пушкина? Замѣтилъ ли онъ, то у Пушкина особливое достоинство — вѣрность и точность выраженія, и что это достоинство принадлежитъ ему предпочтительно редъ всѣми нашими поэтами? Пушкинъ слѣдовательно могъ, если бы ахотѣлъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ его упрекаютъ впрочемъ, изъ замѣченнаго только $^1/_{10}$ справедливо), но у него менно, кажется, было цѣлію оставить на этомъ произведеніи печать совершенной свободы и непринужденности. Онъ разсказываетъ амъ романъ *первыми* словами, которыя срываются у него съ языка, въ этомъ отношеніи Онѣгинъ есть феноменъ въ Исторіи Русскаго языка и стихосложенія.

Къ нему удачно можно примѣнить, что Тассъ говоритъ о Софроніи:

Non sai ben dir, s'adorna o se negletta,
Se caso od arte il bel volto compose.

* * *

**) *Евгеній Онѣгинъ,* романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Глава VI. Спб., 1828 г., въ тип. Деп. Нар. Просв., in 12, 48 стр. (Ц. 5 р. асс.).

*) «Московскій Вѣстникъ», 1828 г., ч. 8, № 5 («Смѣсь»).
**) «Московскій Телеграфъ», 1828 г., ч. 20, № 5.

Шестою пѣснью Онѣгина оканчивается *первая* часть сего поэтическаго романа: Пушкинъ обѣщаетъ современемъ продолжать его; но *не теперь,* говоритъ онъ —

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему, конечно,
Но мнѣ теперь не до него:
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью риѳму гонятъ,
И я—со вздохомъ признаюсь—
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

Поэтъ прощается съ юностью и съ мечтами; но мы не боимся этого прощанья: оно похоже на ссору любовника. И въ эпилогѣ къ Руслану и Людмилѣ, лѣтъ семь назадъ, Пушкинъ говорилъ объ себѣ:

Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній;
Восторговъ краткій день протекъ
И скрылась отъ меня на вѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Впрочемъ, пусть и за прозу возьмется Пушкинъ.... Но и за поэзію Русскую бояться еще нечего: трагедія Пушкина уже готова, и при нынѣшнемъ прощаньѣ своемъ онъ не разстается съ поэзіею —

... ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай:
Не дай остыть душѣ поэта,

Ожесточиться, очерствѣть
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ;
Среди блистательныхъ глупцовъ;
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей;
Среди кокетокъ богомольныхъ;
Среди холопьевъ добровольныхъ;
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ;
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты;
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ...

стая глава заключаетъ въ себѣ развязку *первой* части Онѣ-
Оскорбленіе Ленскаго раждаетъ ссору; два друга выходятъ
ль: описаніе дуэли образцовое; Ленскій убитъ —

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ —
А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ...
— Быть можетъ онъ для блага міра
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою

Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ...

* * *

*) *Евгеній Онѣгинъ.* Главы IV, V и VI.

У насъ, какъ въ Англіи, время около праздника Рожд. Хр. и Новаго года, начинаетъ быть постоянною эпохою появленія лучшихъ новостей литературныхъ и лучшимъ временемъ года для книжной торговли. Появленіе около этого времени Альманаховъ и успѣшный сбытъ ихъ установили у насъ пору сей — можно такъ назвать — книжной ярмарки; притомъ же зима, не смотря на ея развлеченія, театры, балы, карточные съѣзды и пр., есть у насъ самое приличное, самое удобное время для чтенія.

Съ наступленіемъ нынѣшняго года, явилось въ обѣихъ столицахъ нашего отечества (кромѣ десяти Альманаховъ для читателей всякаго возраста) нѣсколько замѣчательныхъ произведеній Поэзіи. Первое и главное мѣсто между ними, безспорно должны занять IV и V главы *Евгенія Онѣгина,* романа въ стихахъ, сочиняемаго А. С. Пушкинымъ. До сихъ поръ журнальные критики, прочитывая только отдѣльныя главы Онѣгина, не слѣдовали за Поэтомъ въ цѣломъ твореніи, по крайней мѣрѣ до той точки, до которой онъ довелъ ихъ. О каждой главѣ романа давали они отчетъ, какъ о твореніи отдѣльномъ, не оглядываясь назадъ, не составляя себѣ полной картины, если не происшествій, потому что они не кончены, то по крайней мѣрѣ характеровъ, которые Сочинитель успѣлъ уже развернуть, а болѣе всего не угадывая намѣренія Поэта, которыя однако жъ явными чертами отпечатываются въ прекрасныхъ стихахъ его. Между тѣмъ, свѣтскіе, изустные критики предупредили критиковъ журнальныхъ, и съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ (можетъ быть, правильнѣе и ближе еще было бы сказать, безсмысліемъ) произнесли строгій свой судъ новому произведенію. Съ появленіемъ каждой главы, слышали мы въ гостиныхъ повтореніе одной и той же темы, съ нѣкоторыми

*) «Сынъ Отечества» 1828 г., ч. 118, № 7.

варіаціями: «что за романъ, въ которомъ такъ мало происшествій, дѣйствіе подвигается такъ медленно, завязки почти не видно? въ которомъ Авторъ дѣлаетъ безпрестанныя отступленія, говоритъ намъ о такихъ предметахъ, кои не въ связи съ главнымъ его предметомъ и пр. и пр....»

Но что такое романъ?—Романъ есть теорія жизни человѣческой, а наша жизнь внѣшняя не столько богата и разнообразна, какъ жизнь внутренняя. Другими словами: происшествія и случайности не такъ часто смѣняютъ другъ друга въ вещественной жизни человѣка, какъ понятія, мысли, мечты, страсти и движенія душевныя въ нравственной его жизни. Сколько бы человѣкъ ни предавался умственной лѣности, но способности души никогда не могутъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи. Отъ сего-то мы болѣе живемъ жизнью внутреннею, созерцательною, и она менѣе насъ утомляетъ, нежели жизнь внѣшняя, дѣятельная. Романъ, какъ вѣрная и полная картина жизни, долженъ въ ходѣ своемъ подчиняться тѣмъ же условіямъ, тому же порядку. Здѣсь необходимо должно вывести различіе между романомъ и повѣстью, чтобы не смѣшивать ихъ, и отъ перваго не требовать того, что требуется отъ послѣдней. Романъ изображаетъ всю, или по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ жизни человѣка; повѣсть описываетъ изъ сей жизни одно происшествіе. Слѣдовательно, въ повѣсти должно быть болѣе движенія, полноты и живости разсказа; въ романѣ должны быть развернуты болѣе и яснѣе нравственныя свойства дѣйствующихъ лицъ. Герой повѣсти есть для насъ пріятный гость, отъ котораго мы спѣшимъ пользоваться всѣми удовольствіями бесѣды. Герой романа есть такое лицо, съ которымъ мы хотимъ прожить нѣсколько времени вмѣстѣ, и потому желаемъ вызнать его нравъ, страсти, привычки, подмѣчаемъ его странности, вникаемъ въ тайныя его намѣренія; словомъ, стараемся надолго съ нимъ ознакомиться, чтобы знать, чего должны ждать отъ него, чѣмъ можемъ въ немъ пользоваться и чего остерегаться. Посему нѣтъ ничего несноснѣе романовъ безхарактерныхъ: это все равно, что знакомство съ пустыми людьми; съ ними та же скука, послѣ нихъ та же пустота въ умѣ и въ сердцѣ.

Евгеній Онѣгинъ, созданный Пушкинымъ, весьма далекъ отъ сего упрека. Поэтъ нашъ, представивъ сперва своего героя свѣтскимъ, разсѣяннымъ молодымъ человѣкомъ, но не безъ правилъ и

характера, не хотѣлъ оставить его въ столицѣ, гдѣ человѣкъ безпрерывно увлекается обстоятельствами, приличіями и условными правилами свѣта, гдѣ вѣчно онъ кажется не тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ. Для сего Поэтъ перенесъ его въ деревню, поставилъ его въ кругу людей, различающихся съ нимъ и понятіями, и образомъ мыслей, и образомъ жизни. Чтобы еще болѣе вывести и яснѣе обозначить характеръ охладѣвшаго, равнодушнаго ко всему Онѣгина, онъ сблизилъ съ нимъ юнаго, пылкаго Ленскаго, мечтателя, который, не живъ еще въ свѣтѣ, *подозрѣваетъ въ немъ чудеса.*

Во второй и третьей главѣ Поэтъ ознакомилъ уже насъ ближе съ характерами Онѣгина и Ленскаго, съ Ольгою, прекрасною и милою дѣвушкою, но только прекрасною и милою, и наконецъ съ Татьяною, которая хотя не привлекаетъ очей,

Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной;

но плѣняетъ насъ тѣмъ, чего не находимъ мы въ Ольгѣ: своею мечтательностію, своимъ умомъ, настроеннымъ по сердцу и воображенію, и своею вѣрою въ существенность идеаловъ. Вотъ, до сихъ поръ, главные характеры Романа; но какъ богато они обставлены; особливо въ послѣднихъ главахъ! Сколько при нихъ портретовъ, то отдѣланныхъ заботливо, то слегка набросанныхъ; сколько карикатуръ! И какъ искусно Поэтъ мѣняетъ наши наслажденія! Онъ попеременно играетъ то умомъ, то чувствомъ, то воображеніемъ, попеременно веселъ и задумчивъ, легкомысленъ и глубокъ, насмѣшливъ и чувствителенъ, ѣдокъ и добродушенъ; — онъ не даетъ дремать ни одной изъ душевныхъ нашихъ способностей, и, не занимая каждой изъ нихъ на-долго, ни одной не утомляетъ. Романъ съ его дѣйствующими лицами, у Пушкина только рамы для картины обширнѣйшей: въ ней, какъ видно, намѣренъ онъ легкими очерками изобразить свѣтъ (принимая сіе слово въ смыслѣ общества человѣческаго) съ его совершенствами и недостатками нравственными; но чтобы придать картинѣ болѣе правдоподобія, онъ хочетъ оживить ее красками, свойственными мѣсту и времени. Вотъ наше мнѣніе, или справедливѣе, догадка на счетъ поэтическаго романа, сочиняемаго Пушкинымъ. Разсмотримъ теперь двѣ послѣднія главы онаго (IV и V).

посвященіи своемъ П. А. Плетневу, Поэтъ самъ прекрасно,
ı слишкомъ скромно, начерталъ характеристику своего ро-
Это, по словамъ Пушкина,

«Небрежный плодъ *его* забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ».

чало IV-й главы связано съ окончаніемъ III-й. Тамъ мы чи-
что Онѣгинъ, получивъ прелестное письмо Татьяны, явился
мѣ Лариныхъ. Здѣсь онъ откровенно говоритъ Татьянѣ, что
жетъ отвѣчать на ея любовь, хотя и чувствуетъ вполнѣ всю
ея. Нѣсколько строфъ его рѣчи яснѣе выскажутъ причины,
лявшія его отречься отъ любви и семейнаго счастья:

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единый:
То вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

—

Но я не созданъ для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства;
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слёзы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.

Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

—

Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна?
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

—

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты:
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною,
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но....
Учитесь властвовать собою;
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ:
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

Эта черта благороднаго чистосердечія миритъ съ Евгеніемъ самаго строгаго читателя. Поэтъ нашъ хвалитъ за нее своего героя, прибавляя, что недоброхотство людей въ немъ не щадило ничего, что враги и друзья честили его такъ и сякъ. Здѣсь слѣдуетъ сильная, и, къ сожалѣнію, справедливая выходка противъ свѣтскихъ друзей и пр. и пр. Остальная часть главы заключаетъ въ себѣ описаніе любви Ленскаго къ Ольгѣ, нѣжной его угодливости своей невѣстѣ; занятій Онѣгина въ деревнѣ, картину Русской зимы и проч.

Въ V главѣ дѣйствія болѣе, быстрота и живость разсказа *необыкновенныя.* Святочное гаданье Татьяны (въ которомъ такъ живо

рекрасно обрисованы народныя Русскія повѣрья) показываетъ, милая сія мечтательница не есть сама существо мечтательное, вѣрный портретъ съ живыхъ подлинниковъ: Поэтъ, въ семъ ошеніи, не хотѣлъ поставить ее понятіями выше того круга, которомъ она взросла и жила. Чудесный сонъ ея былъ слѣдемъ ея гаданій и предразсудковъ. Нельзя болѣе и лучше приать, набрать и перемѣшать толпы разныхъ призраковъ, несбыыхъ, уродливыхъ, смѣшныхъ, какъ породило ихъ воображеніе та; и нельзя дать себѣ отчета въ томъ дикомъ наслажденіи, ое они доставляютъ воображенію читателя особливо въ сихъ ахъ:

«... Дверь толкнулъ Евгеній:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!»

Ізъ міра карикатуръ мечтательныхъ Поэтъ переноситъ насъ міръ карикатуръ существенныхъ.

... Цѣлыми семьями
Сосѣды съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ,
Въ передней толкотня, тревога,
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

Іо здѣсь же, своенравный Онѣгинъ, мстительный изъ самолюбія, а является рушителемъ счастія мирной, сельской семьи. Чтобъ атить Ленскому досадою за досаду, въ которую сей неумышленно екъ его приглашеніемъ на именины Татьянины, онъ дразнитъ ивую любовь неопытнаго юноши. Поединокъ между друзьями, этся, неизбѣженъ, но каковъ будетъ его жребій — о томъ Поэтъ

въ VI главѣ разскажетъ нетерпѣливо ожидающему читателю.— Вотъ содержаніе двухъ послѣднихъ главъ Онѣгина: самые взыскательные судьи сознаются въ ихъ заманчивости. Нужно ли прибавить, что онѣ написаны прелестными стихами, изъ коихъ многіе затверживаются съ перваго раза; стихами Пушкина, который, кажется, нарочно наложилъ на себя оковы 14-стишной строфы въ этомъ романѣ, чтобы легкостію стиха, выливающагося у него въ сихъ рамахъ свободнѣе самой легкой прозы, доказать, въ какой степени овладѣлъ онъ стихосложеніемъ и богатымъ, звучнымъ языкомъ Русскимъ?

P. S. Разборъ сей давно уже былъ конченъ, когда появилась VI глава Онѣгина, и ею заключилась 1-я часть романа. Въ сей VI главѣ описана дуэль Онѣгина съ Ленскимъ, предвидѣнная въ концѣ главы V-й.

Окончаніе бала у Лариныхъ, размѣщеніе на ночлегъ *тяжелыхъ* гостей отъ сѣней до самой дѣвичьей, и ночная грусть Татьяны, встревоженной появленіемъ Онѣгина и его страннымъ поступкомъ съ Ольгою — составляютъ начало VI главы. Въ слѣдъ за симъ выходитъ на сцену новое лице — Зарѣцкій. Портретъ его обрисованъ рѣзко и живо.

. . . .
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный;
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

—

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ;
И то сказать, что и въ сраженьи,
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь

Съ коня Калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя, пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести Богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери
Въ долгъ осушить бутылки три.

—

Бывало онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль изъ-подтишка;
Хотя ему иныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ въ просакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

—

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткой, враньемъ.
Sed *altri* tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

›го Зарѣцкаго, по славѣ прежнихъ его дуэльныхъ похожденій, ій прислалъ къ Онѣгину съ вызовомъ. Онъ зналъ, что Онѣ- не легко было отъ него отыграться. «*Всегда готовъ*» — отвѣтъ Онѣгина; и Зарѣцкій, строгій формалистъ въ дуэль- дѣлахъ, безъ объясненій уѣхалъ домой.

Евгеній

... На единѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

—

И по дѣломъ: въ разборѣ строгомъ
На тайной судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ не правъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной,
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.
А во-вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится; въ осмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

Но теперь уже поздно...

Къ тому жъ, онъ мыслитъ, въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ:
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно, быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...
И вотъ общественное мнѣнье!
Пружина чести — нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится міръ!

Эти стихи служатъ самымъ лучшимъ отвѣтомъ для тѣхъ, которые находятъ лице Онѣгина совершенно безхарактернымъ, и винятъ Поэта за то, что онъ заставилъ двухъ друзей стрѣляться. Тѣ изъ читателей, которые судятъ не поверхностно или по крайней мѣрѣ дадутъ себѣ трудъ получше вникнуть въ характеръ героя романа, увидятъ, что Пушкинъ глубоко и здраво обдумывалъ сей характеръ, и показалъ въ своемъ созданіи тонкое познаніе человѣческаго сердца. Его Онѣгинъ, произвольный пустынникъ, еще не вовсе распростился съ свѣтомъ, все еще прилѣпленъ къ нему образомъ мыслей и закоренѣлыми привычками. Мнѣніе толпы мучитъ его: *что скажутъ объ этомъ?* есть руководитель его дѣйствій. Хотя онъ и позво-

гъ себѣ нѣкоторыя странности, но онѣ у него не что иное, ъ отрубленный хвостъ Алькивіадовой собаки: средство обратить себя вниманіе и заставить о себѣ говорить. Ему любо, весело ить невѣждъ необыкновенными поступками; но тамъ, гдѣ дѣло гъ о чести, хотя и въ ложномъ примѣненіи сего понятія — онъ въ состояніи сложить съ себя оковы мнѣній и приличій свѣтхъ. По сему-то онъ дерется съ Ленскимъ; а изъ ложнаго стыда, бы не сдѣлать дуэли своей потѣхою для деревенскихъ сплетовъ, онъ убиваетъ своего друга и не прежде выходитъ изъ › онѣмѣлаго хладнокровія, какъ уже тогда, когда смерть друга :ится у него на душѣ.

Характеръ Ленскаго также хорошо выдержанъ до самаго конца. ıкій юноша нетерпѣливо ждетъ Зарѣцкаго съ отвѣтомъ, боится, бъ Онѣгинъ не отступился отъ дуэли, и когда получаетъ отъ) желаемое согласіе, рѣшается — не видѣть болѣе Ольги — и тъ къ ней: —

Онъ думалъ Олиньку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобно вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

—

Зачѣмъ вечоръ такъ рано скрылись?
Былъ первый Олинькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой.
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ;
Ужъ онъ раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенья,
Трепещетъ, не находитъ словъ.
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ.

. . . .

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;

Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни акорды,
То къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ!

Пріѣхавъ домой, онъ осмотрѣлъ пистолеты, раскрылъ Шилле[illegible]ра; но въ мечтахъ его неотступно Ольга

Съ неизъяснимою красою.

Онъ беретъ перо, пишетъ и въ слухъ читаетъ прощальные къ н[illegible]ей стихи, въ которыхъ зоветъ ее на свою могилу. Изъ сихъ стихо[illegible]ъ, послѣдніе два поселяютъ какую-то томную унылость въ ду[illegible]ѣ читателя:

Сердечный другъ, желанный другъ,
Приди, приди: Я твой супругъ!...

Наконецъ онъ засыпаетъ *на модномъ словѣ: идеалъ,* и дремле[illegible]тъ до той минуты, когда Зарѣцкій пріѣзжаетъ везти его на роков[illegible]й барьеръ.

Обстоятельства дуэли описаны превосходно. Здѣсь Поэтъ, н[illegible]сколькими счастливыми чертами, умѣлъ докончить портретъ Зарѣ[illegible]каго. Пока Онѣгинъ не явился, онъ осуждаетъ жерновъ мельниц[illegible], близь которой назначена дуэль; видя Онѣгина одного, онъ съ из[illegible]мленіемъ спрашиваетъ:

...... «Гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ — не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства.»

Когда же Онѣгинъ представилъ за секунданта слугу своего, Француза Monsieur Guillot, то Зарѣцкій закусилъ губу, и по окончаніи дуэли, подойдя къ плавающему въ крови Ленскому, рѣшилъ хладнокровнымъ восклицаніемъ знатока-дуэлиста: «ну, что жъ, убитъ!» положилъ на сани холодный трупъ и повезъ его домой.

Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила
И полетѣли, какъ стрѣла.

[ы не распространяемся о подробностяхъ дуэли, боясь преждеенно разрушить удовольствіе тѣхъ, которые еще не читали сей главы. Повторимъ только, что всѣ сіи подробности отмѣнно) и вѣрно списаны съ натуры. Въ заключеніи, Поэтъ, сожао судьбѣ Ленскаго, дополняетъ къ памяти его догадки о томъ, › могъ бы онъ исполнить или не исполнить прекрасныя надежды, поданныя; указываетъ на скромный сельскій памятникъ юноши, :анчиваетъ первую часть своего романа обращеніемъ къ собяному своему положенію:

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ,
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

›ъ *Московскомъ Вѣстникѣ, Атенеѣ и С.-Петербургскомъ телѣ* помѣщены были статьи о IV и V главахъ Онѣгина. Свѣтафоризмы Московск. Вѣстника, приведенные вмѣсто разбора, ь забавны. Еще забавнѣе *les pourquoi* Атенея: они напомиѓъ критики на Пушкина, печатанныя въ 1820 году, особливо изъ нихъ, въ которой Пушкина бранили за *мужицкія риѳмы*. тикъ Атенея безпрестанно привязывается къ словамъ, которыя не нравятся, къ риѳмамъ, которыя не ласкаютъ его разборчислуха, и къ выраженіямъ, которыя непонятны для него. Кри-

тику С.П.б. Зрителя не нравятся *дѣва на цыпочкахъ,* привѣтствіе Поэта читателямъ: *милые мои,* и весь сонъ Татьяны: De gustibus non est disputandum! *).

* * *

**) *Русланъ и Людмила.* Поэма Александра Пушкина. *Изданіе второе,* исправленное и умноженное. СПб. 1828 г., въ тип. Деп. Нар. Просвѣщ., in 8, XV и 159 стр. съ портретомъ Пушкина (ц. съ портретомъ Пушкина 12 р., безъ портрета 10 р.).

Русланъ и Людмила, первая поэма, которою ознаменованы были успѣхи Пушкина, явилась въ 1820 году. Тогда же она была вся раскуплена, и давно не было экземпляровъ ея въ продажѣ. Охотники платили по 25 руб. и принуждены были списывать ее. Теперь, книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ пріобрѣлъ отъ автора право на новое изданіе Руслана и Людмилы, и Кавказскаго Плѣнника (котораго 1-е изданіе также очень рѣдко). Послѣдняя изъ сихъ поэмъ явится въ непродолжительномъ времени; первая уже выдана.

Къ ней приложенъ портретъ Пушкина, писанный Кипренскимъ и гравированный Уткинымъ (тотъ самый, который былъ при Сѣверныхъ Цвѣтахъ сего года). Вмѣсто *Предисловія,* находимъ выписки изъ критическихъ замѣчаній, какія при появленіи Руслана и Людмилы въ 1820 году были помѣщаемы въ разныхъ журналахъ, и которыя нынѣ можно прочитать для забавы. Въ самой поэмѣ есть перемѣны и прибавки. Драгоцѣнное дополненіе составляетъ новое начало 1-й пѣсни: здѣсь цѣлый міръ Русскихъ сказокъ, въ эскизѣ представленный рукою великаго мастера Русскихъ былей и небылицъ. Выписываемъ это начало вполнѣ:

У Лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ, и ночью, котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,

*) Въ этой же книжкѣ «Сына Отечества» на страницѣ 190 помѣщено краткое извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ *шестой* главы Онѣгина.

**) «Московскій Телеграфъ», 1828 г., ч. 20, № 5.

Примѣч. В. Зелинскаго.

Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ, на курьихъ ножкахъ,
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря,
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ, бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кащей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ;
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

пилогъ къ Руслану и Людмилѣ, напечатанный въ нынѣшнемъ ніи, уже давно извѣстенъ былъ публикѣ.

* * *

'услань и Людмила. (Изданіе 2-е).

) Здѣшній книгопродавецъ, А. Ф. Смирдинъ, пріобрѣлъ отъ Со-:теля право на напечатаніе сего 2-го изданія, и тѣмъ попол-, недостатокъ, дотолѣ весьма ощутительный для любителей поэ-

«Сынъ Отечества», 1828 г., ч. 118, № 7.

зіи Пушкина и для собирателей библіотекъ; ибо экземпляры перваго изданія Руслана и Людмилы годъ отъ году дѣлались рѣже и продавались очень дорого. Многія поправки, сдѣланныя Поэтомъ въ семъ второмъ изданіи, показываютъ болѣе и болѣе пріобрѣтаемую имъ чистоту и вѣрность вкуса, равно какъ благородную его строгость къ самому себѣ. Примѣръ весьма полезный для молодыхъ Поэтовъ! Изъ нихъ, даже изъ самыхъ посредственныхъ, не всякой способенъ къ столь похвальному пожертвованію своими собственными стихами, или, простыми словами, не всякой столь добровольно поднимаетъ руку самъ на себя. Къ дополненіямъ сего изданія принадлежатъ: нѣсколько новыхъ стиховъ въ самой Поэмѣ, предисловіе Сочинителя, вступленіе или прологъ Поэмы — прекрасная, живая фантасмагорія изъ Русскихъ сказочныхъ преданій, — и эпилогъ, не находившійся въ первомъ изданіи, но давно уже извѣстный. Чтобы покритиковать что-нибудь у Пушкина, скажемъ, что, по нашему мнѣнію, эпилогъ его къ Руслану и Людмилѣ не соотвѣтствуетъ прологу и даже не въ духѣ Поэмы. Пушкинъ могъ его написать по обстоятельствамъ, но — съ перемѣною оныхъ, кажется, долженъ былъ бы отбросить и замѣнить новымъ. Къ Руслану и Людмилѣ какъ-то нейдетъ эпилогъ элегическій: для чего бы Поэту не докончить своей Поэмы такъ же, какъ началъ, т.-е. напоминаніемъ о быляхъ и небылицахъ старой Руси, въ видѣ *присказней?* Это бы дало его Поэмѣ форму новую и совершенно Русскую.

* * *

*) *Русланъ и Людмила.* (Изд. 2-е.)

Первое изданіе Руслана и Людмилы напечатано было въ 1820 г. и, не смотря на привязки, кривые толки и прочія сего рода благонамѣренныя выходки Гг. Критиковъ, раскуплено было очень скоро. Чрезъ два года, съ трудомъ и за большую цѣну можно было достать экземпляры сей Поэмы. Нынѣшнее изданіе оной замѣчательно по многимъ поправкамъ, которыя сдѣлалъ самъ Сочинитель: пространство газетной статьи не позволяетъ вычислять ихъ. Скажемъ только, что Поэтъ сгладилъ то, что казалось ему негладкимъ, замѣнилъ другими тѣ выраженія и часто цѣлые стихи, которые ему

*) «Сѣверная Пчела», 1828 г., № 45 (статья С.).

не нравились, прибавилъ нѣсколько новыхъ, прекрасныхъ стиховъ; наконецъ, выпустилъ нѣкоторыя мѣста, казавшіяся ему слишкомъ вольными. Такимъ образомъ, пѣсни его сдѣлались не столь *грѣшными* *). Но самыя важныя и занимательныя дополненія къ сему новому изданію составляютъ Предисловіе, въ которомъ Пушкинъ сдѣлалъ сводъ почти всѣхъ критикъ на его Поэму, появившихся вслѣдъ за первымъ изданіемъ, и упомянулъ о прочихъ критикахъ, кои, будучи тяжелы на подъемъ и въ чтеніи, не могли вмѣститься въ его предисловіи. Потомъ, за посвященіемъ, слѣдуетъ вступленіе или прологъ, въ которомъ Поэтъ, какъ бы въ волшебномъ фонарѣ, быстро перемѣняя картины, показываетъ цѣлый рядъ Русской сказочной старины:

У Лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Это тотъ *котъ-самобай,* знаменитый въ Русскихъ сказкахъ. Далѣе слѣдуетъ вычисленіе чудесъ, извѣстныхъ намъ изъ сказочныхъ преданій:

. . . .
Тамъ царь Кащей надъ златомъ чахнетъ.
Тамъ Русской духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый;
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый,
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

*) Перифраза стиха, коимъ Пушкинъ заключилъ посвященіе своей Поэмы красавицамъ:

«На пѣсни грѣшныя мои».

Симъ прологомъ, или, говоря языкомъ нашихъ сказочниковъ — *присказкою,* Поэма приняла форму болѣе оригинальную, болѣе Русскую. Мы даже думаемъ, что это должно помирить съ Поэтомъ самыхъ неукротимыхъ приверженцевъ классицизма: они, можетъ быть, согласятся, что послѣ такого вступленія, Поэту нельзя было начать первую пѣснь затверженнымъ *пою,* и обращеніемъ къ видимымъ и невидимымъ; имъ, т.-е. реченнымъ приверженцамъ, остается одно: оспорить у произведенія Пушкина названіе Поэмы, назвать его просто Русскою сказкою, или произнести о немъ какое-либо иное рѣшеніе въ этомъ родѣ. Не думаемъ, чтобъ сіе обидѣло нашего Поэта: ему, можетъ быть, часто удается слышать, что Поэмы Байрона не Поэмы, что Трагедіи Шекспира не Трагедіи, и большая часть стиховъ Шиллера и Гете не стихи, потому что безъ риѳмъ. И можетъ ли для него быть обидно, когда его станутъ мѣрять тою же мѣркою?

Наконецъ, въ заключеніи Поэмы, находимъ эпилогъ, напечатанный прежде Сочинителемъ отдѣльно, въ Сынѣ Отечества. — Нѣкорые экземпляры сего изданія украшены портретомъ Пушкина, тѣмъ самымъ, который былъ приложенъ къ Сѣвернымъ Цвѣтамъ.

С.

* * *

Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина*).

Отдавать себѣ отчетъ въ томъ наслажденіи, которое доставляютъ намъ произведенія изящныя, — есть необходимая потребность и вмѣстѣ одно изъ высочайшихъ удовольствій образованнаго ума: отчего же до сихъ поръ такъ мало говорятъ о Пушкинѣ? — Отчего лучшія его произведенія остаются неразобранными **), а вмѣсто разборовъ и сужденій слышимъ мы одни пустыя восклицанія: «Пушкинъ поэтъ! Пушкинъ истинный поэтъ! Онѣгинъ поэма

*) «Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. 8, № 6 (статья подписана цыфрами: 9. 11).

**) Все, что въ Сынѣ Отеч., Дамск. Журн., Вѣстн. Европ. и Моск. Телеграфѣ было сказано до сихъ поръ о Русланѣ и Людмилѣ, Кавк. Плѣнникѣ, Бахч. Фонтанѣ и Онѣгинѣ, ограничивалось простымъ извѣщеніемъ о выходѣ упомянутыхъ поэмъ, или имѣло главнымъ предметомъ своимъ что-либо посторонее, какъ напр., романтическую поэзію и т. п.; но собственно разборовъ поэмъ Пушкина мы еще не имѣемъ.

превосходная! Цыганы мастерское произведеніе!» и т. д. — Отчего никто до сихъ поръ не предпринялъ опредѣлить характеръ его поэзіи вообще, оцѣнить ея красоты и недостатки, показать мѣсто, которое Поэтъ нашъ успѣлъ занять между первокласными Поэтами своего времени? — Такое молчаніе тѣмъ непонятнѣе, что здѣсь публику всего менѣе можно упрекнуть въ равнодушіи. — Но, скажутъ мнѣ, можетъ быть, кто имѣетъ право говорить о Пушкинѣ?

Тамъ, гдѣ просвѣщенная публика нашла себѣ законныхъ представителей въ Литтературѣ, тамъ немногіе, законодательствуя общимъ мнѣніемъ, имѣютъ власть произносить окончательные приговоры необыкновеннымъ явленіямъ словеснаго міра. Но у насъ ни чей голосъ не лишній; мнѣніе каждаго, если оно составлено по совѣсти и основано на чистомъ убѣжденіи, имѣетъ право на всеобщее вниманіе. Скажу болѣе: въ наше время каждый мыслящій человѣкъ не только можетъ, но еще обязанъ выражать свой образъ мыслей передъ лицемъ публики, — если, впрочемъ, не препятствуютъ тому постороннія обстоятельства; ибо только общимъ содѣйствіемъ можетъ у насъ составиться то, чего такъ давно желаютъ всѣ люди благомыслящіе, чего до сихъ поръ, однакоже, мы еще не имѣемъ, и что, бывъ результатомъ, служитъ вмѣстѣ и условіемъ народной образованности, а слѣдовательно и народнаго благосостоянія: я говорю объ общемъ мнѣніи. Къ тому же все, сказанное передъ публикой, полезно уже потому, что сказано: справедливое — какъ справедливое; несправедливое — какъ вызовъ на возраженія.

Но говоря о Пушкинѣ, трудно высказать свое мнѣніе рѣшительно; трудно привесть къ единству все разнообразіе его произведеній и пріискать общее выраженіе для характера его Поэзіи, принимавшей столько различныхъ видовъ. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихотворнаго языка, какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ Русланѣ и Людмилѣ, въ Кавказскомъ плѣнникѣ, въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ и т. д.? — Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія (la manière); но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ Поэзіи, отражая различное воззрѣніе Поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почесть произведеніями не одного, но многихъ авторовъ. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумія, которая въ Русланѣ и Людмилѣ одѣваетъ всѣ предметы въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не

встрѣчается больше въ другихъ призведеніяхъ нашего Поэта: ея мѣсто въ Онѣгинѣ заступила уничтожающая насмѣшка, отголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣнилась здѣсь на мрачную холодность, которая на всѣ предметы смотритъ сквозь темную завѣсу сомнѣній, свои наблюденія передаетъ въ каррикатурѣ и созидаетъ какъ бы для того только, что бы черезъ минуту насладиться разрушеніемъ созданнаго. Въ Кавказскомъ плѣнникѣ, напротивъ того, не находимъ мы ни той довѣрчивости къ судьбѣ, которая одушевляетъ Руслана, ни того презрѣнія къ человѣку, которое замѣчаемъ въ Онѣгинѣ. Здѣсь видимъ душу, огорченную измѣнами и утратами, но еще не измѣнившую самой себѣ, еще не утратившую свѣжести прежнихъ чувствованій, еще вѣрную завѣтному влеченію, — душу растерзанную судьбой, но не побѣжденную: исходъ борьбы еще зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ: Цыганы, характеръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина; то же можно сказать почти про каждое изъ важнѣйшихъ его твореній.

Но разсматривая внимательно произведенія Пушкина, отъ Руслана и Людмилы до пятой главы Онѣгина, находимъ мы, что при всѣхъ измѣненіяхъ своего направленія, поэзія его имѣла три періода развитія, рѣзко отличающихся одинъ отъ другого. Постараемся опредѣлить особенность и содержаніе каждаго изъ нихъ и тогда уже выведемъ полное заключеніе о поэзіи Пушкина вообще.

Если по характеру, тону и отдѣлкѣ, сроднымъ духу искуственныхъ произведеній различныхъ націй, стихотворство, какъ живопись, можно дѣлить на школы, то первый періодъ поэзіи Пушкина, заключающій въ себѣ Руслана и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній, назвалъ бы я періодомъ *школы Итальянско-Французской*. Сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность, чистота отдѣлки, свойственная характеру Французской поэзіи вообще, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста. Но остановимся нѣсколько времени на томъ произведеніи нашего Поэта, которымъ совершилось первое знакомство Русской публики съ ея любимцемъ.

Если въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ, почти во всѣ созданія своей фантазіи вплетаетъ Пушкинъ индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здѣсь является онъ часто *творцомъ-поэтомъ*. Онъ не ищетъ передать намъ свое особенное воз-

зрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человѣка; но просто созидаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его существами новыми, отличными, принадлежащими исключительно его творческому воображенію. Оттого ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и оконченности, какую замѣчаемъ въ Русланѣ. Оттого каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно; оттого каждая часть такъ необходимо вплетается въ составъ цѣлаго созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи. Оттого Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, (выключая можетъ быть одного: самого героя поэмы), получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокій. Оттого, наблюдая соотвѣтственность частей къ цѣлому, Авторъ тщательно избѣгаетъ всего патетическаго, могущаго сильно потрясти душу читателя; ибо сильное чувство несовмѣстно съ охотою къ чудесному комическому и уживается только съ величественно-чудеснымъ. Одно очаровательное можетъ завлечь насъ въ царство волшебствъ; и если посреди плѣнительной невозможности что-нибудь тронетъ насъ не на шутку, заставя обратиться къ самимъ себѣ, то прости тогда вѣра въ невѣроятное! Чудесные призраки разлетятся въ ничто и цѣлый міръ небывалаго рушится, исчезнетъ, какъ прерывается пестрое сновидѣніе, когда что-нибудь въ его созданіяхъ напомнитъ намъ о дѣйствительности. Разсказъ Финна, имѣя другой конецъ, уничтожилъ бы дѣйствіе цѣлой поэмы: какъ въ Виландовомъ Оберонѣ одинъ, — впрочемъ одинъ изъ лучшихъ отрывковъ его, — описаніе несчастій главнаго героя, слишкомъ сильно потрясая душу, разрушаетъ очарованіе цѣлаго, и, такимъ образомъ, отнимаетъ у него главное его достоинство. Но неожиданность развязки, безобразіе старой колдуньи и смѣшное положеніе Финна разомъ превращаютъ въ каррикатуру всю прежнюю картину несчастной любви, и такъ мастерски связываютъ эпизодъ съ тономъ цѣлой поэмы, что онъ уже дѣлается одною изъ ея необходимыхъ составныхъ частей. Вообще можно сказать про Руслана и Людмилу, что если строгая критика и найдетъ въ ней иное слабымъ, невыдержаннымъ; то конечно не сыщетъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго. Рыцарство, любовь, чародѣйство, пиры, война, русалки, всѣ стихи волшебнаго міра совокупились здѣсь въ одно созданіе и, не смотря на пестроту

частей, въ немъ все стройно, согласно, *цѣло*. Самые приступы къ пѣснямъ, занятые у пѣвца Іоанна, сохраняя вездѣ одинъ тонъ, набрасываютъ и на все твореніе одинъ общій оттѣнокъ веселости и остроумія.

Замѣтимъ, между прочимъ, что та изъ поэмъ Пушкина, въ которой всего менѣе встрѣчаемъ мы сильныя потрясенія и глубокость чувствованій, есть однако же самое совершенное изъ всѣхъ его произведеній по соразмѣрности частей, по гармоніи и полнотѣ изобрѣтенія, по богатству содержанія, по стройности переходовъ, по безпрерывности господствующаго тона, и, наконецъ, по вѣрности, разнообразію и оригинальности характеровъ. Напротивъ того, Кавказскій плѣнникъ, менѣе всѣхъ остальныхъ поэмъ удовлетворяющій справедливымъ требованіямъ искусства, не смотря на то богаче всѣхъ силою и глубокостію чувствованій. Кавказскимъ плѣнникомъ начинается *вторый періодъ Пушкинской поэзіи*, который можно назвать *отголоскомъ лиры Байрона*.

Если въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкинъ былъ исключительно *Поэтомъ*, передавая вѣрно и чисто внушенія своей фантазіи; то теперь является онъ *Поэтомъ-философомъ*, который въ самой Поэзіи хочетъ выразить сомнѣнія своего разума, который всѣмъ предметамъ даетъ общія краски своего особеннаго воззрѣнія и часто отвлекается отъ предметовъ, чтобы жить въ области мышленія. Уже не волшебниковъ съ ихъ чудесами, не героевъ непобѣдимыхъ, не очарованные сады представляетъ онъ въ Кавказскомъ плѣнникѣ, Онѣгинѣ и проч.: — жизнь дѣйствительная и человѣкъ нашего времени съ ихъ пустотою, ничтожностью и прозою дѣлаются предметомъ его пѣсенъ. Но онъ не ищетъ, подобно Гёте, возвысить предметъ свой, открывая поэзію въ жизни обыкновенной, а въ человѣкѣ нашего времени — полный отзывъ всего человѣчества; а, подобно Байрону, онъ въ цѣломъ мірѣ видитъ одно противорѣчіе, одну обманутую надежду, и почти каждому изъ его героевъ можно придать названіе *разочарованнаго*.

Не только своимъ воззрѣніемъ на жизнь и человѣка совпадается Пушкинъ съ пѣвцомъ Гяура; онъ сходствуетъ съ нимъ и въ остальныхъ частяхъ своей Поэзіи: тотъ же способъ изложенія, тотъ же тонъ, та же форма поэмъ, такая же неопредѣленность въ цѣломъ и подробная отчетливость въ частяхъ, такое же расположеніе, и даже характеры лицъ по большей части столь сходные, что съ перваго

взгляда ихъ почтешь за чужеземцевъ-эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ творенія Пушкина.

Однако же, не смотря на такое сходство съ Британскимъ Поэтомъ, мы находимъ въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ, въ Кавказскомъ Плѣнникѣ и проч. столько красотъ самобытныхъ, принадлежащихъ исключительно нашему Поэту, такую неподдѣльную свѣжесть чувствъ, такую вѣрность описаній, такую тонкость въ замѣчаніяхъ и естественность въ ходѣ, такую оригинальность въ языкѣ, и наконецъ столько, чисто Русскаго, что даже въ этомъ періодѣ его Поэзіи нельзя назвать его простымъ подражателемъ. Нельзя однако же допустить и того, что Пушкинъ случайно совпадается съ Байрономъ; что воспитанные однимъ вѣкомъ, и, можетъ быть, одинакими обстоятельствами, они должны были сойтись въ образѣ мыслей и въ духѣ Поэзіи, а слѣдовательно и въ самыхъ формахъ ея; ибо у истинныхъ Поэтовъ формы произведеній не бываютъ случайными, но также слиты съ духомъ цѣлаго, какъ тѣло съ душою въ произведеніяхъ Творца. Нельзя, говорю я, допустить сего мнѣнія потому, что Пушкинъ тамъ даже, гдѣ онъ всего болѣе приближается къ Байрону, все еще сохраняетъ столько своего особеннаго, обнаруживающаго природное его направленіе, что для вникавшихъ въ духъ обоихъ Поэтовъ очевидно, что Пушкинъ не случайно встрѣтился съ Байрономъ, но заимствовалъ у него, или лучше сказать, невольно подчинялся его вліянію. Лира Байрона должна была отозваться въ своемъ вѣкѣ, бывъ сама голосомъ своего вѣка. Одно изъ двухъ противоположныхъ направленій нашего времени достигло въ ней своего выраженія. Мудрено ли, что и для Пушкина она звучала не даромъ? Хотя, можетъ быть, онъ уже слишкомъ много уступалъ ея вліянію, и — сохранивъ болѣе оригинальности, по крайней мѣрѣ въ наружной формѣ своихъ поэмъ, придалъ бы имъ еще большее достоинство.

Такое вліяніе обнаружилось прежде всего въ Кавказскомъ Плѣнникѣ. Здѣсь особенно видны тѣ черты сходства съ Байрономъ, которыя мы выше замѣтили; но расположеніе поэмы доказываетъ, что она была первымъ опытомъ Пушкина въ произведеніяхъ такого рода; ибо всѣ описанія Черкесовъ, ихъ образа жизни, обычаевъ, игръ и т. д., которыми наполнена первая пѣснь, безполезно останавливаютъ дѣйствіе, разрываютъ нить интереса и не вяжутся съ тономъ цѣлой Поэмы. Поэма вообще, кажется, имѣетъ не одно,

но два содержанія, которыя не слиты вмѣстѣ, но являются каждое отдѣльно, развлекая вниманіе и чувства на двѣ различныя стороны. За то какими достоинствами выкупается этотъ важный недостатокъ! Какая Поэзія разлита на всѣ сцены! Какая свѣжесть, какая сила чувствъ! Какая вѣрность въ живыхъ описаніяхъ! — Ни одно изъ произведеній Пушкина не представляетъ столько недостатковъ и столько красотъ.

Такое же, или, можетъ быть, еще большее сходство съ Байрономъ является въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ; но здѣсь искуснѣйшее исполненіе доказываетъ уже большую зрѣлость Поэта. Жизнь гаремская также относится къ содержанію Бахчисарайскаго Фонтана, какъ Черкесскій бытъ къ содержанію Кавказскаго Плѣнника: оба составляютъ основу картины, и, не смотря на то, какъ различно ихъ значеніе! Все, что происходитъ между Гиреемъ, Маріею и Заремою, такъ тѣсно соединено съ окружающими предметами, что всю повѣсть можно назвать одною сценою изъ жизни гарема. Всѣ отступленія и перерывы связаны между собою однимъ общимъ чувствомъ; все стремится къ произведенію одного, главнаго впечатлѣнія. Вообще, видимый безпорядокъ изложенія есть неотмѣнная принадлежность Байроновскаго рода; но этотъ безпорядокъ есть только мнимый, и нестройное представленіе предметовъ отражается въ душѣ стройнымъ переходомъ ощущеній. Чтобы понять такого рода гармонію, надобно прислушиваться къ внутренней музыкѣ чувствованій, рождающейся изъ впечатлѣній отъ описываемыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ самые предметы служатъ здѣсь только орудіемъ, клавишами, ударяющими въ струны сердца.

Эта душевная мелодія составляетъ главное достоинство Бахчисарайскаго Фонтана. Какъ естественно, гармонически, восточная нѣга, восточное сладострастіе, слилися здѣсь съ самыми сильными порывами южныхъ страстей! — Въ противоположности роскошнаго описанія гарема съ мрачностью главнаго происшествія виденъ творецъ Руслана, изъ безсмертнаго міра очарованій спустившійся на землю, гдѣ среди разногласія страстей и несчастій, онъ еще не позабылъ чувства упоительнаго сладострастія. Его поэзію въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ можно сравнить съ Восточною Пери, которая, утративъ рай, еще сохранила красоту неземную; ея видъ задумчивъ и мраченъ; сквозь притворную холодность замѣтно сильное волненіе души; она быстро и недвижно, какъ духъ, какъ Зарема, пролетаетъ мимо

насъ, одѣтая густымъ облакомъ, и мы плѣняемся тѣмъ, что видѣли, а еще болѣе тѣмъ, чѣмъ настроенное воображеніе невольно дополняетъ незримое. — Тонъ всей поэмы болѣе всѣхъ другихъ приближается къ Байроновскому.

За то далѣе всѣхъ отстоитъ отъ Байрона поэма: Разбойники, не смотря на то, что содержаніе, сцены, описанія, все въ ней должно назвать сколкомъ съ Шильйонскаго узника. Она больше каррикатура Байрона, нежели подражаніе ему. Бонниваръ страдаетъ для того, чтобы

Спасти души своей любовь;

и какъ ни жестоки его мученія, но въ нихъ есть какая-то поэзія, которая принуждаетъ насъ къ участію, между тѣмъ какъ подробное описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе, чувство, подобное тому, какое произвелъ бы видъ мученія преступника, осужденнаго къ заслуженной казни. Можно рѣшительно сказать, что въ этой поэмѣ нѣтъ ничего поэтическаго, выключая вступленіе и красоту стиховъ, вездѣ и всегда свойственную Пушкину.

Сія красота стиховъ всего болѣе видна въ Цыганахъ, гдѣ мастерство стихосложенія достигло высшей степени своего совершенства и гдѣ искусство приняло видъ свободной небрежности. Здѣсь каждый звукъ, кажется, непринужденно вылился изъ души и, не смотря на то, каждый стихъ получилъ послѣднюю обработку, за исключеніемъ можетъ быть двухъ или трехъ изъ цѣлой поэмы: все чисто, округлено и вольно.

Но соотвѣтствуетъ ли содержаніе поэмы достоинству ея отдѣлки? — Мы видимъ народъ кочующій, полудикій, который не знаетъ законовъ, презираетъ роскошь и просвѣщеніе и любитъ свободу болѣе всего; но народъ сей знакомъ съ чувствами, свойственными самому утонченному общежитію: воспоминаніе прежней любви и тоска по измѣнившей Маріулѣ наполняютъ всю жизнь стараго Цыгана. Но зная любовь исключительную, вѣчную, Цыганы не знаютъ ревности; имъ непонятны чувства Алеко. Подумаешь, Авторъ хотѣлъ представить золотой вѣкъ, гдѣ люди справедливы, не зная законовъ; гдѣ страсти никогда не выходятъ изъ границъ должнаго; гдѣ все свободно, но ничто не нарушаетъ общей гармоніи, и вну-

треннее совершенство есть слѣдствіе не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природнаго. Такая мысль могла бы имѣть высокое поэтическое достоинство. Но здѣсь, къ несчастію, прекрасный полъ разрушаетъ все очарованіе, и между тѣмъ какъ бѣдные Цыганы любятъ *горестно и трудно*, ихъ жены, *какъ вольная луна, на всю природу мимоходомъ изливаютъ равное сіяніе*. Совмѣстно ли такое несовершенство женщинъ съ такимъ совершенствомъ народа? — Либо Цыганы не знаютъ вѣчной, исключительной привязанности, либо они ревнуютъ непостоянныхъ женъ своихъ, и тогда месть и другія страсти также должны быть имъ не чужды; тогда Алеко не можетъ уже казаться имъ страннымъ и непонятнымъ; тогда весь бытъ Европейцевъ отличается отъ нихъ только выгодами образованности; тогда, вмѣсто золотаго вѣка, они представляютъ просто полудикій народъ, не связанный законами, бѣдный, несчастный, какъ дѣйствительные Цыганы Бессарабіи; тогда вся поэма противорѣчитъ самой себѣ.

Но, можетъ быть, мы не должны судить о Цыганахъ вообще по одному отцу Земфиры; можетъ быть, его характеръ не есть характеръ его народа. Но если онъ существо необыкновенное, которое всегда и при всякихъ обстоятельствахъ образовалось бы одинаково, и слѣдовательно всегда составляетъ исключеніе изъ своего народа; то цѣль Поэта все еще остается неразгаданною. Ибо, описывая Цыганъ, выбрать изъ среды ихъ именно того, который противорѣчитъ ихъ общему характеру, и его одного представить передъ читателемъ, оставляя другихъ въ неясномъ отдаленіи: — то же, что, описывая характеръ человѣка, приводить въ примѣръ именно тѣ изъ его дѣйствій, которыя находятся въ разногласіи съ описаніемъ.

Впрочемъ характеръ Алеко, эпизоды и всѣ части, отдѣльно взятыя, такъ богаты поэтическими красотами, что если бы можно было, прочтя поэму, позабыть ея содержаніе и сохранить въ душѣ память одного наслажденія, доставленнаго ею; то ее можно бы было назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина. Но въ томъ-то и заключается отличіе чувства изящнаго отъ простого удовольствія, что оно дѣйствуетъ на насъ еще больше въ послѣдующія минуты воспоминанія и отчета, нежели въ самую минуту перваго наслажденія. Созданія, истино поэтическія, *живутъ* въ нашемъ воображеніи; мы забываемся въ нихъ, развиваемъ неразвитое, разсказываемъ

недосказанное и, переселяясь такимъ образомъ въ новый міръ, созданный Поэтомъ, живемъ просторнѣе, полнѣе и счастливѣе, нежели въ старомъ дѣйствительномъ. Такъ и Цыганскій бытъ завлекаетъ сначала нашу мечту; но при первомъ покушеніи присвоить его нашему воображенію, разлетается въ ничто, какъ туманы Ледовитаго моря, которые, принимая видъ твердой земли, заманиваютъ къ себѣ любопытнаго путешественника и при его же глазахъ, разогрѣтые лучами солнца, улетаютъ на небеса.

Но есть качество въ Цыганахъ, которое вознаграждаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ за нестройность содержанія. Качество сіе есть бо̀льшая самобытность Поэта. Справедливо сказалъ Авторъ Обозрѣнія Словесности за 1827 годъ*), что въ сей поэмѣ замѣтна какая-то борьба между идеальностью Байрона и живописною народностью Поэта Русскаго. Въ самомъ дѣлѣ: возьмите описанія Цыганской жизни отдѣльно; смотрите на отца Земфиры не какъ на Цыгана, но просто какъ на старика, не заботясь о томъ, къ какому народу онъ принадлежитъ; вникните въ эпизодъ объ Овидіи; — и полнота созданій, развитая до подробностей, одушевленная поэзіею оригинальною, докажетъ вамъ, что Пушкинъ уже почувствовалъ силу дарованія самостоятельнаго, свободнаго отъ посторонних вліяній.

Всѣ недостатки въ Цыганахъ зависятъ отъ противорѣчія двухъ разногласныхъ стремленій: одного самобытнаго, другого Байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ залогъ усовершенствованія Поэта.

Еще болѣе стремленіе къ самобытному роду поэзіи обнаруживается въ Онѣгинѣ, хотя не въ первыхъ главахъ его, гдѣ вліяніе Байрона очевидно, не въ образѣ изложенія, который принадлежитъ Донъ-Жуану и Беппо, и не въ характерѣ самого Онѣгина, однородномъ съ характеромъ Чильдъ Гарольда. Но чѣмъ болѣе Поэтъ отдаляется отъ главнаго героя и забывается въ постороннихъ описаніяхъ, тѣмъ онъ самобытнѣе и національнѣе.

Время Чильдъ Гарольдовъ, слава Богу! еще не настало для нашего отечества: молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ, и народъ, какъ человѣкъ, не старѣется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для Русской дѣятель-

*) См. 1 № «Моск. Вѣстн.» 1828 года.

ности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоенными нашему отечеству; намъ дано еще: надѣяться, — что же дѣлать у насъ разочарованному Чильдъ Гарольду?

Посмотримъ, какія качества сохранилъ и утратилъ цвѣтъ Британіи, бывъ пересаженъ на Русскую почву?

Любимая мечта Британскаго Поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѣдность, но преизбытокъ внутреннихъ силъ дѣлаетъ его холоднымъ къ окружающему міру. Безсмертная мысль живетъ въ его сердцѣ и день и ночь, поглощаетъ въ себя все бытіе его и отравляетъ всѣ наслажденія. Но въ какомъ бы видѣ она ни являлась: какъ гордое презрѣніе къ человѣчеству, или какъ мучительное раскаяніе, или какъ мрачная безнадежность, или какъ неутолимая жажда забвенія, — эта мысль всеобъемлющая, вѣчная, — чтò она, если не невольное, постоянное стремленіе къ лучшему, тоска по недосягаемомъ совершенствѣ? Нѣтъ ничего общаго между Чильдъ Гарольдомъ и толпою людей обыкновенныхъ: его страданія, его мечты, его наслажденія, непонятны для другихъ; только высокія горы да голые утесы говорятъ ему отвѣтныя тайны, ему одному слышныя. Но потому именно, что онъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ отражать въ себѣ духъ своего времени и служить границею съ будущимъ; ибо *только разногласіе связуетъ два различныя созвучія.*

Напротивъ того Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также равнодушенъ ко всему окружающему; но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлали его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрѣ забавъ и разсѣяніи; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной, ненасытной души, но на паркетѣ провелъ пустую, холодную жизнь моднаго франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей, но не для того, чтобы въ уединеніи найдти просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ,

..... что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Онъ не живетъ внутри себя жизнью особенною, отмѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираетъ человѣчество потому только, что не умѣетъ уважать его. — Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ.

Вотъ Чильдъ Гарольдъ въ нашемъ отечествѣ, — и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго; ибо, какъ мы уже сказали, это время еще не пришло для Россіи, и дай Богъ, чтобы никогда не приходило.

Самъ Пушкинъ, кажется, чувствовалъ пустоту своего героя и потому нигдѣ не старался познакомить съ нимъ своихъ читателей. Онъ не далъ ему опредѣленной физіогноміи, и не одного человѣка, но цѣлый классъ людей представилъ онъ въ его портретѣ: тысячѣ различныхъ характеровъ можетъ принадлежать описаніе Онѣгина.

Эта пустота главнаго героя была можетъ быть одною изъ причинъ пустоты содержанія первыхъ пяти главъ романа; но форма повѣствованія, вѣроятно, также къ тому содѣйствовала. Тѣ, которые оправдываютъ ее, ссылаясь на Байрона, забываютъ, въ какомъ отношеніи находится форма Беппо и Донъ-Жуана къ ихъ содержанію и характерамъ главныхъ героевъ.

Что касается до поэмы Онѣгинъ вообще, то мы не имѣемъ права судить по началу о сюжетѣ дѣла, хотя съ трудомъ можемъ представить себѣ возможность чего-либо стройнаго, полнаго и богатаго въ замыслѣ при такомъ началѣ. Впрочемъ: кто можетъ разгадать границы возможнаго для Поэтовъ, каковъ Пушкинъ; — имъ суждено всегда удивлять своихъ критиковъ.

Недостатки Онѣгина суть, кажется, послѣдняя дань Пушкина Британскому Поэту. Но всѣ неисчислимыя красоты поэмы: Ленскій, Татьяна, Ольга, Петербургъ, деревня, сонъ, зима, письмо и пр. и пр. — суть неотъемлемая собственность нашего Поэта. Здѣсь-то обнаружилъ онъ ясно природное направленіе своего генія, и эти слѣды самобытнаго созиданія въ Цыганахъ и Онѣгинѣ, соединенные съ извѣстною сценою изъ Бориса Годунова*), составляютъ, не истощая, третій періодъ развитія его Поэзіи, который можно назвать *періодомъ поэзіи Русско-Пушкинской.* Отличительныя черты его суть: живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь Русскому сердцу; ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи Русскихъ пѣсенъ, къ которому чаще всего воз-

*) Мы не говоримъ объ мелкихъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя обнаруживаютъ также три періода развитія его поэзіи.

вращается Русскій народъ и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни? —

Въ этомъ періодѣ развитія поэзіи Пушкина особенно замѣтна способность: забываться въ окружающихъ предметахъ и текущей минутѣ. Та же способность есть основаніе Русскаго характера: она служитъ началомъ всѣхъ добродѣтелей и недостатковъ Русскаго народа; изъ нея происходитъ смѣлость, безпечность, неукротимость минутныхъ желаній, великодушіе, неумѣренность, запальчивость, понятливость, добродушіе, и проч. и проч.

Не нужно кажется, высчитывать всѣхъ красотъ Онѣгина, анатомировать характеры, положенія и вводныя описанія, чтобы доказать превосходство послѣднихъ произведеній Пушкина надъ прежними. Есть вещи, которыя можно чувствовать, но нельзя доказать иначе, какъ написавши нѣсколько томовъ комментарій на каждую страницу. Характеръ Татьяны есть одно изъ лучшихъ созданій нашего Поэта; мы не будемъ говорить объ немъ, ибо онъ самъ себя выказываетъ вполнѣ.

Для чего хвалить прекрасное не такъ же легко, какъ находить недостатки? — Съ какимъ бы восторгомъ высказали мы всю несравненность тѣхъ наслажденій, которыми мы одолжены Поэту, и которыя, какъ самоцѣнные камни въ простомъ ожерельѣ, блестятъ въ однообразной нити жизни Русскаго народа!

Въ упомянутой сценѣ изъ Бориса Годунова особенно обнаруживается зрѣлость Пушкина. Искусство, съ которымъ представленъ, въ столь тѣсной рамѣ характеръ вѣка, монашеская жизнь, характеръ Пимена, положеніе дѣлъ и начало завязки; чувство особенное, трагически спокойное, которое внушаетъ намъ жизнь и присутствіе лѣтописца; новый и разительный способъ, посредствомъ котораго Поэтъ знакомитъ насъ съ Гришкою; наконецъ языкъ, неподражаемый, поэтическій, вѣрный, — все это вмѣстѣ заставляетъ насъ ожидать отъ трагедіи, скажемъ смѣло, чего-то *великаго*.

Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода. Онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ*), чтобы быть лирикомъ; въ каждой изъ его поэмъ замѣтно невольное стремленіе: дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часто клонящееся

*) Мы принуждены употреблять это выраженіе, покуда не имѣемъ однозначительнаго на нашемъ языкѣ.

но вреду цѣлаго въ твореніяхъ эпическихъ, но необходимое, драгоцѣнное для драматика.

Утѣшительно въ постепенномъ развитіи Поэта замѣчать безпрестанное усовершенствованіе; но еще утѣшительнѣе видѣть сильное вліяніе, которое Поэтъ имѣетъ на своихъ соотечественниковъ. Немногимъ, избраннымъ судьбою, досталось въ удѣлъ еще при жизни наслаждаться ихъ любовью. Пушкинъ принадлежитъ къ ихъ числу, и это открываетъ намъ еще одно важное качество въ характерѣ его поэзіи: *соотвѣтственность съ своимъ временемъ.*

Мало быть Поэтомъ, чтобы быть народнымъ; надобно еще быть воспитаннымъ, такъ сказать, въ средоточіи жизни своего народа, раздѣлять надежды своего отечества, его стремленія, его страсть, — словомъ, жить его жизнію и выражать его невольно, выражая себя. Пусть случай такое счастіе; — но не такъ же ли мало зависятъ отъ насъ красота, умъ, прозорливость, всѣ тѣ качества, которыми человѣкъ плѣняетъ человѣка? и ужели качества сіи существеннѣе достоинства: отражать въ себѣ жизнь своего народа?

9. 11.

* * *

*) *Эвтерна. Подарокъ любительницамъ и любителямъ пѣнія на 1828-й годъ.*

Жаль, что у насъ нѣтъ Ареопага Литтературнаго. Этотъ подарокъ могъ бы быть предметомъ тяжбы, и не знаемъ, какъ отвѣчалъ бы неизвѣстный собиратель пѣсенъ, если бы ему предложили слѣдующій вопросъ: имѣлъ ли онъ отъ всѣхъ Поэтовъ, стихотворенія коихъ помѣщены въ его Альманахѣ, законное на то полномочіе? Вѣроятно онъ не нашелъ бы на то удовлетворительнаго отвѣта; но по крайней мѣрѣ въ оправданіе свое могъ бы сослаться на давность такихъ злоупотребленій при составленіи пѣсенниковъ и на другихъ, даже извѣстныхъ Литтераторовъ, которые то же самое дѣлаютъ. А чтобы отвѣчалъ собиратель, если бъ Литтературный Ареопагъ предложилъ ему вопросы еще потруднѣе, а именно: по какому праву онъ съ такими ошибками печаталъ стихи Пушкина: *Вчера за чашей пуншевою* и *Кубокъ янтарной?* По какому праву такъ безчеловѣчно исказилъ ихъ и поднялъ руку на

*) „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 7, № 3.

Поэта — любимца Публики? Что сказалъ бы собиратель, если бъ обви-нители представили ему слѣдующіе имъ безжалостно изувѣченные стихи:

Еще попей: ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ.

Или:

Къ груди приникнувъ головою
Я скоро просвисталъ.

Или припѣвъ въ 3-й и 4-й строфѣ:

Сказалъ и замолчалъ.

Или въ *Кубкѣ янтарномъ:*

Бранной забавы
Любить не льзя.

Но всего забавнѣе ошибка въ первыхъ стихахъ. Вмѣсто: *Еще по ней,* Издатель, руководствуясь неправильнымъ стихомъ, прочелъ и напечаталъ: *Еще попей.* Мы сочли бы это за опечатку, если бъ двоеточіе, слѣдующее за словомъ *попей,* не увѣрило насъ въ противномъ. Противъ этого вопіетъ Ареопагъ здраваго вкуса, но противъ одного ли этого? За недостаткомъ Ареопага Литтературнаго онъ тѣмъ болѣе обнаруживаетъ права свои и торжественно обвиняетъ Издателя въ безвкусномъ выборѣ піэсъ, въ неумѣніи отличить элегіи отъ романса, въ дурномъ изданіи, въ дурной бумагѣ, въ дурной виньеткѣ, въ дурной оберткѣ и проч., и проч., и проч.*)

*) Сюда не вошли еще появившіяся въ 1828 году: маленькая замѣтка по поводу статьи Булгарина о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» (напечатанная въ «Славянинѣ», ч. 5, № 13, стр. 510—511) и рецензія Б. Федорова 4 и 5 главы «Евгенія Онѣгина» (помѣщенная въ «Санктпетербургскомъ Зрителѣ», ч. 1, кн. 1, стр. 139).

Примѣч. В. Зелинскаго.

1829 г.

*) *Евгеній Онѣгинъ,* романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. СПб. 1829 г., въ тип. Департ. Нар. Просв., in 12, VIII, XXII и 59 стр.

Какъ на стараго друга взглянули мы на первую главу *Онѣгина,* напечатанную, кажется, вторымъ изданіемъ. Говоримъ: кажется, потому что кромѣ года, выставленнаго на заглавномъ листкѣ, догадаться объ этомъ не по чемъ: самая наружность сей первой главы точно такова же, какъ въ изданіи 1825 года. Можно, правда, замѣтить еще исправленіе нѣкоторыхъ опечатокъ. Такимъ образомъ, почти всѣ произведенія Пушкина напечатаны теперь *вторымъ* изданіемъ, и вѣроятно вскорѣ потребуется третье, четвертое изданіе оныхъ и слѣдующія. Скажите послѣ этого, не *Классическій ли* Авторъ Пушкинъ? ибо Классическій Авторъ есть тотъ, чьи сочиненія составляютъ потребность народную, а не временную, чьи произведенія поэтическія выучиваются наизусть и составляютъ непремѣнную часть литтературнаго богатства народа. Да, ММ. ГГ.! Пушкинъ *Классикъ,* если понимать это слово такъ, какъ понимаютъ его Французы, а не называть Классическими однихъ произведеній Греческаго и Римскаго міра: ибо послѣдователи Классицизма не признаютъ своими *древнихъ* Индійскихъ Авторовъ. Если же слово, *Классическій Авторъ,* принять въ смыслѣ: *употребляемый въ классахъ, образцовый* для юношей, то конечно Пушкинъ имѣетъ и на сіе болѣе правъ, нежели многіе изъ Грековъ и Латинцовъ: это поэтъ міра современнаго, и что еще ближе къ намъ, міра Русскаго. Нравственности въ немъ, для Русскаго читателя, болѣе нежели во всѣхъ поэтахъ Греціи и Рима, у которыхъ, вездѣ, или языческія причуды, или сладострастныя и часто безнравственныя картины, или, наконецъ, рѣзня на повалъ. Вспомните о Гомерѣ: у него боги — настоящіе простолюдины, герои — драчуны, и вся Иліада — настоящая *бойня,* въ сравненіи съ которою наши романтическія кровавыя сцены — *бой пѣтуховъ;* вспомните о пьяницѣ и шалунѣ Анакреонѣ, о буйномъ Гораціи (изъясняемомъ на каѳедрахъ), о развратномъ Овидіи, о соблазнительномъ Петро-

*) „Московскій Телеграфъ“ 1829 г., ч. 26, № 8. («Современная библіографія»).

нія и проч. и проч. Скажутъ, можетъ быть, что мы уже слишкомъ бранимся; но въ этомъ виноваты нескромные критики, ругающіе добрыхъ нашихъ Романтиковъ въ Вѣстникѣ Европы уже не по нашему: они сами подаютъ намъ примѣръ и оружіе. У нихъ кромѣ этого нечему и научиться.

* * *

*) Какъ непріятно иногда видѣть важные недостатки въ хорошемъ Писателѣ, особенно въ такомъ, каковъ А. Пушкинъ, который по всей справедливости можетъ назваться образцовымъ стихотворцемъ нашего времени. Знать наизусть его стихи вошло даже въ моду. Многіе пробормочутъ вамъ нѣсколько сотъ стиховъ изъ Онѣгина, Кавказскаго плѣнника и проч.; но жаль, что многіе изъ такихъ Любителей Словесности не понимаютъ сами, что читаютъ; а желая показать, что они также люди свѣдущіе, часто не впопадъ восклицаютъ: *прелестно, безподобно, не подражаемо.* — Пушкинъ чрезвычайно живъ въ картинахъ: самыя ничтожныя подробности онъ умѣетъ описать увлекательно; а уподобленія, которыя довольно часто встрѣчаются въ его произведеніяхъ, иногда весьма милы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Онѣгина:

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный;
Но пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, и проч.

Или:

Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она (Ольга)
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ странѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

Или:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, какъ утро, весела;
Какъ жизнь Поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила.

*) «Сѣверная Звѣзда» 1829 г. («Мысли и замѣчанія литературнаго наблюдателя»).

Вотъ истинныя красоты Поэзіи, какихъ у Пушкина много. Но припомните ли вы то мѣсто въ 3-й главѣ, когда Онѣгинъ, ѣхавъ съ Ленскимъ къ Ларинымъ, вздумалъ подшучивать надъ этою же Ольгою, которая въ двухъ выше приведенныхъ примѣрахъ изображена такими прелестными стихами. По словамъ Онѣгина,

Кругла, красна лицемъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.

Что бы сказали Критики, если бъ два послѣдніе стиха встрѣтили они въ сочиненіи Поэта, менѣе извѣстнаго, нежели А. Пушкинъ?... А у сего послѣдняго и эти стихи идутъ за образцовые, и намъ случалось слышать, что ихъ твердятъ также съ энтузіазмомъ и даже находятъ въ нихъ блестящую черту великаго Генія!! Не ясно ли, что у насъ большая половина цѣнителей дарованія походитъ на попугаевъ, которые сами не знаютъ, что лепечутъ?

Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ...

Человѣкъ, въ лихорадочномъ бреду находящійся, едва ли скажетъ что нелѣпѣе. Мы уже ничего не говоримъ о глупой лунѣ: ей и дѣйствительно не мудрено поглупѣть отъ разныхъ нелѣпостей, обращаемыхъ къ ней нашими стихотворцами. Но глупый небосклонъ!!! Едва смѣешь вѣрить глазамъ своимъ, что видишь это въ печатной книгѣ, и притомъ въ сочиненіи хорошаго Писателя!... Стараясь сколь возможно болѣе оправдывать въ своихъ мысляхъ Пушкина, мы должны полагать, что подъ словомъ небосклонъ, онъ, вѣроятно, разумѣетъ что-нибудь другое, а не то, что мы всѣ понимаемъ подъ симъ выраженіемъ. Не взирая на все наше уваженіе къ его дарованію, мы не можемъ дать симъ двумъ стихамъ другаго приличнаго эпитета, кромѣ того, который два раза употребленъ въ нихъ.

* * *

*) *Стихотворенія Александра Пушкина. Первая часть.* — С.П.б. въ типогр. Департам. Народн. Просвѣщенія. 1829.— 224 стр., въ 8-ю д. л. (цѣна 10 р.).

Въ 1826 году изданы были Стихотворенія А. С. Пушкина въ одной книгѣ, и теперь не осталось уже ихъ ни одного экземпляра въ продажѣ. Сіе первое собраніе было расположено по родамъ поэзіи. — Новое собраніе всѣхъ его стихотвореній, написанныхъ донынѣ (кромѣ поэмъ), будетъ состоять изъ двухъ частей, и расположеніе его кажется намъ гораздо лучше придумано: стихотворенія помѣщены въ немъ по годамъ, въ которыхъ написаны Поэтомъ. Такимъ образомъ въ собраніи семъ, во-первыхъ, будетъ болѣе разнообразія, а во-вторыхъ, по немъ мы можемъ видѣть постепенный ходъ таланта Пушкина. Въ изданной нынѣ первой части заключаются стихотворенія, написанныя Пушкинымъ въ 1815, 1816, 1817, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ, — и книга сія оканчивается *Подражаніями Корану.* Всѣхъ стихотвореній въ ней числомъ 81... (Далѣе идетъ перечисленіе тѣхъ стихотвореній, которыя напечатаны здѣсь сверхъ помѣщенныхъ въ первомъ изданіи)...

Стихотворенія Пушкина краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и потому мы удерживаемся отъ всякихъ сужденій и похвалъ, которыя прежде и часто были повторяемы нашему Поэту. Сдѣлаемъ одно только замѣчаніе, которое, безъ сомнѣнія, приходило на мысль и другимъ читателямъ и почитателямъ Пушкина. Въ Элегіяхъ своихъ, Посланіяхъ и мелкихъ стихотвореніяхъ, онъ является истинно *эклектическимъ* Поэтомъ: иногда строгимъ, отчетливымъ *классикомъ,* иногда смѣлымъ, полнымъ жизни *романтикомъ.* Кажется, Муза его — своенравная красавица, которая любитъ переряжаться, но всегда умѣетъ одѣться къ лицу.

Наружная красота изданія соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству сихъ стихотвореній.

---

*) «Сѣверная Пчела» 1829 г., № 77. (Отдѣлъ библіограф.)

* * *

*) *Стихотворенія Александра Пушкина.* Первая часть.

Объявляя о выходѣ въ свѣтъ втораго изданія первой главы *Онѣгина,* мы шутя замѣтили, что если такъ смотрѣть на знаменитыхъ древнихъ авторовъ, какъ смотрятъ на Пушкина Русскіе классики, то и классическія произведенія покажутся картинами, изображающими рѣзню, бойню, безнравственность, и проч. и проч. Противъ замѣчанія нашего возвысили голосъ не только педанты Русскіе, но и люди, столько же знакомые даже съ Латинью, сколько съ поэзіею баснословной Атлантиды. Близорукіе называли насъ варварами, неблагодарными, не понимающими высоты древнихъ авторовъ. Слѣдственно цѣль наша достигнута. Противники наши осудили *свой взглядъ,* ибо мы питаемъ въ себѣ величайшее, неизмѣнное уваженіе къ древнимъ авторамъ, составляющимъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе просвѣщеннѣйшаго міра: въ статьѣ объ Онѣгинѣ мы показали только, какъ ложенъ взглядъ нашихъ судей, видящихъ въ сочиненіяхъ Пушкина рѣзню и соблазнительныя картины; въ примѣненіи къ древнимъ, взглядъ сей явился во всей своей ложности. Такъ легко имѣть дѣло съ нашими литтературными судьями! Совѣтуемъ имъ впредь быть осторожнѣе.

Новое доказательство противъ осуждающихъ Пушкина находится передъ нами: это первый томъ полнаго собранія мелкихъ его стихотвореній. Если человѣкъ можетъ гордиться чѣмъ-либо, то конечно своею способностью совершенствоваться. Исторія человѣчества есть не иное что, какъ исторія его совершенствованія: только оно и отличаетъ насъ отъ всѣхъ другихъ существъ. Нашъ Русскій Поэтъ со славою поддерживаетъ достоинство своего народа въ кругу человѣчества. Какой шагъ сдѣлалъ онъ самъ, и заставилъ сдѣлать другихъ, со времени своего появленія на литтературномъ поприщѣ! Говорятъ, что въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ онъ такъ же хорошъ, какъ въ послѣднихъ; касательно стихосложенія, это нѣкоторымъ образомъ и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническою душою, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, онъ не могъ писать дурныхъ стиховъ. Но поэтическій даръ его, его взглядъ на предметы, его обзоръ, во время пятнадцатилѣтней службы Музамъ увеличился удивительно. Живая, пламенная душа его, глубокая проницательность ума, необыкновенная способность и ненасы-

*) «Московскій Телеграфъ» 1829 г., ч. 27, № 11.

тимое стремленіе его къ ученію оправдываютъ Русскую поговорку, что человѣкъ можетъ, по крайней мѣрѣ нравственно, *расти не по годамъ, а по часамъ**). Пушкина можно назвать нынѣ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей въ Россіи, и вмѣстѣ первымъ Поэтомъ своего народа.

Изданная нынѣ часть Стихотвореній особенно любопытна потому, что въ ней стихотворенія сіи помѣщены по годамъ сочиненія оныхъ, начиная отъ 1815 по 1825 годъ. Это исторія впечатлѣній нашего Поэта. Здѣсь можно наблюдать, чтò, когда и какъ поражало и волновало его. Наслажденіе удивительное — наблюдать ходъ человѣка, отличеннаго геніемъ! Не говоримъ о прелести сихъ сочиненій: кому неизвѣстны они? Читатели не найдутъ здѣсь ничего незнакомаго имъ, но найдутъ одну изъ тѣхъ книгъ, которыя можно уподобить другу: чѣмъ болѣе мы узнаемъ его, тѣмъ сильнѣе привязываемся къ нему.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія втораго тома Стихотвореній Пушкина. Изданіе перваго тома весьма хорошо.

* * *

**) *Стихотворенія Александра Пушкина. Вторая часть.* С.П.б. въ типогр. Департам. Народн. Просвѣщенія, 1829.—176 стр. въ 8-ю д. л. (Цѣна 10 р., обѣ части — 20 р., съ перес. 22 руб.).

Вотъ и вторая часть Стихотвореній Пушкина, которою, на сей разъ, заключается собраніе всѣхъ его поэтическихъ произведеній, кромѣ тѣхъ, кои, по объему своему, напечатаны особыми книжками. Со временемъ мы, конечно, увидимъ, къ удовольствію нашему, и еще нѣсколько томовъ, расположенныхъ въ такомъ же порядкѣ, т. е. по годамъ. Сія вторая часть содержитъ въ себѣ Стихотворенія, написанныя Пушкинымъ въ 1825, 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ, и въ заключеніе всего, мелкія его стихотворенія: эпиграммы,

---

*) Въ послѣдніе годы Пушкинъ выучился Англійскому языку — кто повѣритъ тому? — въ четыре мѣсяца! Онъ хотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по Англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ.

**) «Сѣверная Пчела» 1829 г., № 79.

иси и т. п., написанныя имъ въ разныхъ годахъ; въ ней съ стихотвореній 76. (Далѣе слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ стиворeній по ихъ названіямъ).

* * *

) *Стихотворенія Александра Пушкина.* Вторая часть.

Въ сей второй части помѣщены мелкія стихотворенія, написан- Пушкинымъ въ 1825, 1826, 1827, 1828 годахъ и одно отвореніе, написанное въ 1829 году. Кажется, сіе послѣднее цѣ не было напечатано, и потому, надѣемся доставить удоволье нашимъ читателямъ, выписывая оное вполнѣ:

Е. Н. У***вой.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить не мудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ,
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память, по неволѣ,
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр*** поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Кромѣ означенныхъ годами въ сей части помѣщено 25-ть стиoреній разныхъ годовъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь ое собраніе мелкихъ стихотвореній Пушкина. Радуемся, вѣно, вмѣстѣ со всею Русскою публикою, сему прелестному поу.

«Московскій Телеграфъ» 1829 г., ч. 28, № 13.

Замѣтимъ, что въ стихотвореніи: *Андрей Шенье,* выставлены цифры, указующія на примѣчанія, но въ настоящемъ изданіи сихъ примѣчаній нѣтъ. Это недосмотръ Гг. Издателей. Наружность второй части точно такова же, какъ и первой.

*
* *

*) *Полтава, Поэма Александра Пушкина.* С.П.б. въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія. 1829, въ 8, 91 стр. (Цѣна 10 р., за пересылку 1 р.).

Вотъ новое произведеніе любимца нашей публики! О сей Поэмѣ объявлено уже было въ Сѣверной Пчелѣ. Сообщившій предварительное извѣстіе, назвалъ сію Поэму *Мазепа,* но это то же самое сочиненіе, о которомъ было говорено. Заглавіе перемѣнено послѣ. Въ сей Поэмѣ описаны: любовь Мазепы къ дочери Кочубея, Матренѣ, которая названа въ Поэмѣ Маріею; бѣгство сей несчастной изъ дома родительскаго; доносъ Кочубея и Искры на Мазепу, въ измѣнѣ; казнь Кочубея и Искры; Полтавскій бой; торжество Петра Великаго; бѣгство Карла XII и Мазепы; встрѣча сего послѣдняго съ Маріею, лишившеюся ума, послѣ смерти отца. Поэма раздѣляется на три пѣсни; пѣсни состоятъ изъ отрывковъ, или отдѣльныхъ происшествій, представляющихся, какъ въ волшебномъ фонарѣ. Въ Сынѣ Отечества будетъ помѣщенъ подробный разборъ сего сочиненія; а теперь, чтобъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о Поэмѣ, выписываемъ лучшее, по нашему мнѣнію, мѣсто, а именно: изображеніе казака, везущаго къ Петру доносъ на Мазепу.

«Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?
Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.
Какъ стекло, булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ.
Не спотыкаясь конь ретивой,
Бѣжитъ, размахивая гривой.

---

*) «Сѣверная Пчела» 1829 г., № 39. (Статья подписана: ***).

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца;
Ретивый конь — потѣха тоже, —
Но шапка для него дороже.
За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея».

Повторяемъ, что это *лучшее,* по нашему мнѣнію, мѣсто въ цѣлой Поэмѣ, и не взирая на то, что цѣлая Поэма прекрасная, Пушкинская, но если бъ въ ней было такихъ *десять* страницъ, то она была бы въ-десятеро лучше. Безъ дальнѣйшихъ объясненій (которыя будутъ въ Сынѣ Отечества) скажемъ, что Поэму *Полтава* мы почитаемъ третьею по достоинству сочиненій Пушкина, т. е. послѣ *Цыганъ* и *Бахчисарайскаго фонтана.* Это весьма много еще, чтобъ Поэма *Полтава* была читана, перечитана и расхвалена. Можетъ быть, многіе Литераторы, друзья нашего первокласнаго Поэта, и онъ самъ, будутъ съ нами въ этомъ не согласны. Что жъ дѣлать, это наше мнѣніе, которое мы подкрѣпимъ доказательствами, а между тѣмъ поздравляемъ публику съ новою прелестною Поэмою, съ новымъ перломъ нашей Словесности.

***

* * *

*) *Полтава,* поэма Александра Пушкина, СПб. 1829 г.

Съ появленіемъ въ свѣтъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговора новому его произведенію. Доселѣ Русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подъ каждою его страницею должно подписывать: *прекрасно! превосходно!* Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, а послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ

*) «Московскій Телеграфъ» 1829 г., ч. 26, № 7,

самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о *Полтавѣ,* мы скажемъ однакожь, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое: народность. Въ *Полтавѣ,* съ начала до конца, вездѣ Русская душа, Русскій умъ, чего, кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина. Сердце трепещетъ, когда читается, напримѣръ, слѣдующій отвѣтъ Кочубея Орлику:

Такъ, не ошиблись вы! три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой — честь была —
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть!
Ее готовъ я Богу снесть.

Это голосъ Русскій, доходящій прямо до нашего сердца. Скажутъ, можетъ быть, что это подробности; но мы упомянули уже, что вся поэма проникнута однимъ духомъ. Блестящихъ мѣстъ, въ коихъ видна особенная сила генія, въ ней множество. Выписываемъ одно: ночной разговоръ Мазепы съ Орликомъ, наканунѣ Полтавской битвы.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно цѣль моя.
Что дѣлать? далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже Русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ ныньче, казака
И обмѣнять на рану рану;

Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ Великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ;
Богъ вѣсть, какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Орликъ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войдти въ сношенья:
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненный злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь, въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.

Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца!
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.
    Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

Библіографическая точность заставляетъ насъ прибавить здѣсь, что за нѣсколько времени до выхода въ свѣтъ *Полтавы,* въ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ Журналовъ было упоминаемо о поэмѣ Пушкина, которую именовали: *Мазепа*. Это одно и то же произведеніе, которое послѣднимъ изъ сихъ именъ называли по имени главнаго дѣйствующаго лица. Впрочемъ, литтературнымъ вѣстовщикамъ не въ первый уже разъ ошибаться подобнымъ образомъ. Пушкинъ, при каждой изъ послѣднихъ своихъ поэмъ, поправлялъ ихъ: они говорили *Бакчисарайскій Фонтанъ,* а онъ написалъ *Бахчисарайскій;* они писали *Онегинъ, Цыгане,* а онъ написалъ: *Онѣгинъ, Цыганы*. Наконецъ, вмѣсто *Мазепы,* явилась *Полтава.*

* * *

*) *Полтава,* поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 г.

Въ Русской публикѣ давно слышны жалобы на безотчетныя похвалы сочиненіямъ Пушкина. Но если похвалы сіи составляютъ мнѣніе самой публики и поддерживаются каждымъ новымъ произведеніемъ любимца ея, то жаловаться, кажется, не на кого. Онъ нравится и его хвалятъ. Такъ быть должно и не можетъ быть иначе. «Но», спрашиваютъ, «почему онъ нравится? Почему не докажутъ, что онъ достоинъ хвалы, что онъ пользуется славою заслуженною?» Этотъ вопросъ рѣшить гораздо труднѣе, хотя и онъ достовѣрно рѣшается повтореніемъ уже сказаннаго нами. Пушкинъ геніемъ своимъ сходствуетъ съ идеаломъ своихъ читателей, или по крайней мѣрѣ сближается съ нимъ: вотъ причина всѣхъ успѣховъ и славы его, разумѣется, заслуженной, если онъ возбуждаетъ не-

*) «Московскій Телеграфъ» 1829 г., ч. 27, № 10 (статья Кс. Полеваго, подъ общимъ заглавіемъ: О сочиненіяхъ Пушкина»).

ерпѣливость ожиданія, оправдываетъ оную и заставляетъ снова
ждать новыхъ своихъ произведеній. Какъ указать на то, что именно
равится публикѣ въ сочиненіяхъ Пушкина и въ какой степени нра-
вится? Недавно, при появленіи въ свѣтъ *Полтавы,* мы видѣли
примѣръ несходства въ мнѣніяхъ: одни назвали сію поэму *первою*
о достоинству, другіе *третьею,* третьи *второю;* одни нашли, что
писаніе Полтавской битвы превосходно, другіе увидѣли въ немъ
евѣрный очеркъ; одни убѣдились, что *Полтава* есть шагъ къ со-
ершенству, другіе увѣрились въ противномъ. Это нисколько не уди-
ительно. Это живой урокъ, что пора перестать привязываться
ъ словамъ и отдѣльнымъ картинамъ, которыя *непремѣнно должны*
роизводить различное дѣйствіе *на каждаго читателя.* Разсказъ
живописцѣ, выставившемъ свою картину для поправокъ, есть урокъ
удрости. Критика, указующая на мѣста въ сочиненіяхъ, есть для
асъ наслѣдственная болѣзнь схоластизма. Только въ то время,
огда не знали стихій искуства, можно было по убѣжденію одного
еловѣка называть то и то прекраснымъ, а то и то дурнымъ.
Въ нашу эпоху существуютъ другія требованія. Нынѣ можно на-
вать слишкомъ дерзкимъ того критика, который, признавая какое-
ибо поэтическое произведеніе созданіемъ необыкновеннаго дарованія,
талъ бы указывать на стихи, по *его мнѣнію,* не хорошіе. Кто
что ручается намъ за его мнѣніе? И не правъ ли Пушкинъ, ска-
авшій одному своему критику, осуждавшему его стихъ въ *Цыганахъ:*

«И съ камня на траву свалился»,

«Я именно такъ хотѣлъ, такъ долженъ былъ выразиться». Какіе
ргументы могутъ въ семъ случаѣ опровергнуть мнѣніе не только
амого Пушкина, но и каждаго изъ его читателей? Мы займемся
овершенно другимъ предметомъ.

Сказавъ въ началѣ сей статьи, что успѣхъ и слава Пушкина
правдываются сею же славою и симъ же успѣхомъ, мы говорили
о славѣ, раздаваемой современниками. Чего желать имъ, если они
аслаждаются Авторомъ? Слезы, пролитыя въ Парижѣ при пред-
тавленіи Мармонтелевыхъ трагедій, и въ Петербургѣ при пред-
тавленіи трагедій Сумарокова, были пролиты дѣльно, не даромъ,
хотя въ наше время смѣются надъ трагедіями Мармонтеля и Сума-
рокова. Сіи трагедіи нравились современникамъ, трогали ихъ, уми-
ляли — и довольно!

Но именно здѣсь скрывается тайная причина общихъ и частныхъ жалобъ на славу Пушкина. Публика не надѣется на себя и боится подвергнуться тому же упреку, какой произноситъ она противъ современниковъ Сумарокова. У насъ, даже въ журналахъ, гдѣ занимаются критикою, указываютъ на приведенные нами примѣры непрочности современной славы и силятся примѣнить ихъ къ Пушкину. Предметъ сей такъ важенъ, что мы почитаемъ долгомъ объясниться о немъ.

Не только современныя славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобныхъ имъ, но вѣковыя славы разрушились въ наше время. Не только слава частныхъ лицъ, но слава цѣлыхъ литтературъ пала, и слава другихъ возстала въ прочной, безсмертной силѣ. Давно ли Латинскую Литтературу ставили рядомъ съ Греческой — и кто осмѣлится теперь сдѣлать это? Давно ли Французская Литтература первенствовала у всѣхъ народовъ — и кто теперь не отрицаетъ ея первенства? Давно ли Шекспира называли варваромъ, Буало законодателемъ поэзіи, Тасса предпочитали Данту, и у насъ имя Ломоносова произносили вмѣстѣ съ именемъ Державина? Кто теперь станетъ поддерживать сіи положенія? Теперь самые закоснѣлые староверы литтературные отрекаются отъ подобныхъ мнѣній. И все это совершилось въ девятнадцатый вѣкъ! Гдѣ же причина сего непостижимаго для многихъ явленія? Что вдругъ просвѣтило благословенный XIX вѣкъ?

Осьмнадцатое столѣтіе можно назвать эпохою переворотовъ: конецъ его ознаменовался великими политическими перемѣнами на обоихъ полушаріяхъ земли, и такимъ же великимъ движеніемъ въ умственномъ мірѣ. Зерно многихъ столѣтій развернулось въ наше время: мы ли виноваты въ томъ, что судьба заставила насъ быть современниками сего развитія? Свѣтъ истинной философіи отразился въ наукахъ и искусствахъ; въ литтературу внесенъ свѣтильникъ критики, и вѣка всѣхъ временъ явились намъ въ настоящемъ своемъ видѣ, тогда какъ для предшественниковъ нашихъ, не освѣщенныхъ симъ животворнымъ свѣтомъ, они находились во тьмѣ. Здѣсь причина всѣхъ новыхъ измѣненій въ мірѣ литтературы. Критика утвердилась не на понятіяхъ толпы, всегда прикованной къ своему вѣку, но на истинныхъ понятіяхъ объ изящномъ и на разсмотрѣніи современной исторіи, всегда отражающейся въ произведеніяхъ литтературы. Будемъ ли удивляться послѣ сего, что еще въ недавнее

время толпа восхищалась одними наружными формами и потому плакала, глядя на ложный ужасъ и жалость въ трагедіяхъ Мармонтеля и Сумарокова, читая описаніе семейственныхъ картинъ въ романахъ Лафонтена и въ драмахъ Коцебу, и слишкомъ высоко цѣнила гладкіе, цвѣтистые стихи Аббата Делиля? Человѣка можно уподобить человѣчеству: что восхищаетъ его въ младенчествѣ, то смѣшитъ въ лѣта ума. Однако-жь не долженъ ли онъ сказать, что только въ лѣта зрѣлыя началъ понимать истинное достоинство и мѣсто предметовъ, представляющихся ему?

Предслышимъ одно возраженіе: неужели въ наше время *всѣ* читающіе могутъ истинно оцѣнивать достоинство литтературныхъ произведеній? и спѣшимъ прибавить: не только *не всѣ,* но весьма *небольшое число.* Однако-жь небольшое число понимающихъ существуетъ, а общее мнѣніе искони повиновалось ему. Общаго распространенія здравыхъ понятій надобно ожидать отъ слѣдующихъ поколѣній. Когда во Франціи изданы были книга Г-жи Сталь *О Германіи* (произведеніе чужаго климата, и, можетъ быть, чужою рукою написанное) и Шлегелевъ *Курсъ Драматической Литтературы,* то дерзость многихъ мыслей въ сихъ сочиненіяхъ изумила всѣхъ, даже умнѣйшихъ людей. Теперь, когда послѣ сихъ явленій прошло немного болѣе пятнадцати лѣтъ, полъ-Франціи согласно съ основаніемъ мнѣній Г-жи Сталь и Шлегеля. Это время настаетъ и у насъ. Въ наше время критицизмъ столько уже распространился и до такой степени проникнулъ въ общее мнѣніе, что нынѣ говорить о ложной славѣ могутъ только тѣ люди, которые не принадлежатъ къ вышеупомянутому *небольшому числу,* и берутся быть судіями въ литтературѣ. Они должны повиноваться общему мнѣнію, всегда достойному своего вѣка, всегда вѣрному руководителю современниковъ.

Понимаемъ, отчего сочиненія Пушкина мало подвергались печатной критикѣ. Причина сего заключается въ томъ, что для критики не доставало данныхъ, на коихъ бы она могла основать свои выводы. Теперь, съ появленіемъ въ свѣтъ *Полтавы,* можно судить о Пушкинѣ.

Признавая послѣднюю его поэму однимъ изъ совершеннѣйшихъ его произведеній, мы намѣрены здѣсь показать, на чемъ основываемъ свое мнѣніе. Для сего необходимо бросить взглядъ на все поэтическое поприще Пушкина. Литтература Русская всегда была

наперсницею Литтературъ иностранныхъ. Перенявъ просвѣщеніе у иноземцевъ, мы надолго остались ихъ нравственными данниками. Даже донынѣ, кромѣ гиганта Державина, кто изъ нашихъ поэтовъ могъ похвалиться своимъ, незаемнымъ вдохновеніемъ? Жуковскій, сей очаровательный поэтъ, не можетъ быть названъ творцемъ. Даже тѣ изъ его сочиненій, коихъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему, навѣяны изъ подъ чуждаго неба. Мы привели одинъ примѣръ, но ихъ можно отыскать очень много. Причины такого направленія литтературы сокрыты глубоко. Онѣ идутъ отъ безпримѣрнаго въ Исторіи преобразованія Россіи Петромъ Великимъ и отъ безмѣрнаго множества иноземцовъ, наводнившихъ собою Россію, изъ коихъ иные поселились у насъ и стали давать тонъ Русскому просвѣщенію, другіе образовывали и образовываютъ донынѣ юныхъ Россіянъ. Это намъ нужно припомнить себѣ, дабы согласиться, что просвѣщенный Русскій, собственно не Россіи обязанъ своимъ просвѣщеніемъ. Онъ любитъ Россію какъ свою мать, давшую ему жизнь и средства — сдѣлаться чужеземцомъ по образу мыслей. Правда, что самое просвѣщеніе сіе заставляетъ его любить свою мать, однако жь она не можетъ замѣнить ему чужеземныхъ учителей, подъ именемъ коихъ мы разумѣемъ Европейскихъ писателей Франціи, Германіи и Англіи. Вотъ гдѣ скрывается начало чужеземнаго направленія нашей Словесности, ибо замѣтьте, что каждый необыкновенный Русскій писатель, увлекавшій своихъ современниковъ, былъ исполненъ духомъ не Россіи, ему чуждой и неизвѣстной, но духомъ какой-нибудь литтературы, или даже одного писателя иностраннаго. Такъ Карамзинъ, впрочемъ не понявши высокой ироніи Стерна надъ чувствительностью, въ юности своей наполнилъ насъ мнимымъ духомъ Стерновымъ, извѣстнымъ подъ названіемъ сантиментальности. Такъ Жуковскій увлекъ насъ къ одностороннему направленію Шиллера и заставилъ летѣть въ небеса, забывъ что у насъ есть Россія, которая имѣетъ свой міръ. Во время направленія, даннаго поэзіи нашей Жуковскимъ, явился Пушкинъ.

Сей необыкновенный человѣкъ, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ ознаменовавшій себя прекрасными стихотвореніями и какимъ-то оригинальнымъ взглядомъ на предметы, тотчасъ обратилъ на себя общее вниманіе знаменитыхъ современниковъ, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова. Можетъ быть, дружба съ послѣднимъ и раннее знакомство съ Итальянскою поэзіею, ибо въ домѣ Пушкиныхъ Итальянскій

языкъ былъ въ употребленіи, породили мысль о Русланѣ и Людмилѣ. Эта поэма, Русская по своему названію, по многимъ картинамъ и собственнымъ именамъ, напоминаетъ не Россію, а поэму Аріоста. Въ Русланѣ также странствующіе рыцари ищутъ красавицу, дерутся за нее, и питаютъ въ душѣ своей чувства не русскихъ витязей, и даже не героевъ нашего сказочнаго міра, происходящихъ въ свою очередь не по прямой линіи отъ Русскихъ богатырей, но чувства рыцарей среднихъ вѣковъ. Несообразность сія тѣмъ страннѣе въ поэмѣ Пушкина, что Авторъ имѣлъ передъ глазами превосходный образецъ *стараго времени въ Пѣсни о полку Игоря*. Если читатель приметъ на себя трудъ сравнить безсмертное произведеніе древняго Барда нашего съ Русланомъ и Людмилою, то онъ увидитъ, какъ несообразенъ духъ новой поэмы съ временемъ, въ немъ изображаемымъ. Что же причиною этого? Вліяніе Итальянскаго поэта, котораго Пушкинъ передѣлалъ на Русскіе нравы. Русланъ и Людмила имѣетъ высокое достоинство по своимъ отдѣльнымъ картинамъ и стихосложенію, удивившему читателей новостью и силою, но вообще поэма сія столько же сообразна съ древнимъ духомъ, какъ *Orlando furioso* съ какимъ нибудь историческимъ лицомъ старой нашей Руси.

Въ это время имя юнаго поэта сдѣлалось славно между молодыми современниками его другимъ родомъ поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь мелкія стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ — кто не знаетъ этого? — является истиннымъ Протеемъ. Но не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ духъ, отъ котораго послѣ самъ Пушкинъ освободился и причисляетъ его къ заблужденіямъ своей юности. Здѣсь главнымъ его *путеводителемъ* (если можно такъ сказать) были А. Шенье, несчастная жертва Французской революціи, поэтъ съ дарованіемъ возвышеннымъ, исполненный поэтическаго негодованія къ извергамъ, терзавшимъ его отечество. Пушкинъ прекрасно изобразилъ сего достопамятнаго человѣка въ извѣстныхъ стихахъ, названныхъ имъ по имени Французскаго поэта. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ, но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ.

Человѣкъ столь высокій, какъ Пушкинъ, не могъ долго покор-

ствовать чуждому души его влеченію. Онъ вскорѣ освободился отъ своего ложнаго направленія, жилъ въ уединеніи, стараясь, какъ самъ онъ выражался: *въ просвѣщеніи стать со всѣми наравнѣ* — и плодомъ его изученій былъ *Кавказскій Плѣнникъ*. Здѣсь видимъ направленіе совершенно новое! Для насъ ясно теперь, что поэма сія, какъ и другія поэмы Пушкина, слѣдовавшія за нею, была слѣдствіемъ Байрона, овладѣвшаго на время всѣмъ міромъ. Байронъ, по справедливому замѣчанію Нодье, не изобрѣлъ особеннаго рода поэзіи, ибо это невозможно, а только положилъ на ноты пѣсню своего времени. Мотивомъ сей пѣсни были прощальные звуки разочарованнаго міра, исчерпавшаго, какъ казалось ему, всѣ средства міра. Байронъ былъ послѣднимъ отголоскомъ философіи осьмнадцатаго вѣка, истребившей своею страшною ироніею всѣ вѣрованія въ добро, которое неизмѣнно цвѣтетъ въ мірѣ. Ошибка Байроновскаго направленія состоитъ именно въ томъ, что онъ видѣлъ, по слѣдамъ мнимыхъ философовъ, одну сторону предметовъ, одно злое, черное направленіе человѣчества, вышедшее изъ границъ, какъ скоро благотворное дѣйствіе религіи перестало смягчать его. Рожденный быть необъятнымъ геніемъ, Байронъ обстоятельствами жизни своей былъ приготовленъ къ выраженію того страшнаго взгляда, той неумолимой ироніи, разочаровывающей міръ, которую Пушкинъ изобразилъ въ превосходномъ своемъ стихотвореніи *Демонъ:*

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искуства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою,

Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Это Байронъ! это послѣднiй, высочайшiй пѣвецъ разочарованнаго мiра, склонившагося тотчасъ послѣ него къ новому, религiозно-философическому направленiю. Лиры современныхъ ему пѣвцовъ отзываются и донынѣ его пѣснею: въ струнахъ ихъ и донынѣ еще слышенъ напѣвъ Байроновъ, но онъ становится тише, тише, пока растроганныя струны совершенно остановятъ свое дрожанiе, дабы отозваться новому всемiрному пѣвцу, котораго ожидаетъ мiръ отъ грядущихъ поколѣнiй, воспитанныхъ иною философiею.

Пѣвецъ иронiи сдѣлалъ сильнѣйшее впечатлѣнiе на Пушкина. Русскiй поэтъ не могъ освободиться отъ него ни въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ,* ни въ *Цыганахъ,* ни въ *Онѣгинѣ,* ни въ современныхъ имъ мелкихъ стихотворенiяхъ. Всѣ сiи сочиненiя носятъ на себѣ печать Байронова влiянiя, ибо всѣ они основаны на несоразмѣрности средствъ съ дѣйствiями, образующей иронiю. Впрочемъ *Онѣгинъ* выходитъ нѣсколько изъ сего круга, ибо въ немъ виденъ болѣе спокойный взглядъ и какое-то желанiе примирить несообразности данныхъ явленiй. Татьяна представляетъ намъ собою благородную борьбу человѣка съ несчастiемъ; она является героинею, и слѣдственно возвышается надъ обыкновенными событiями, тогда какъ ни въ поэмахъ Байрона, ни въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, ни въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, ни въ Цыганахъ, нѣтъ ни одного лица, которое не падало бы подъ бременемъ встрѣчающихся ему золъ или не было ничтожно и достойно своихъ бѣдствiй. Пушкинъ невольно сдѣлалъ Татьяну героинею.

Уже въ *Онѣгинѣ* можно было замѣтить, что генiй нашего поэта требуетъ новаго направленiя, что онъ не доволенъ самъ собою. Это показываетъ необычайную силу души, ибо человѣкъ обыкновенный, хорошiй поэтъ, былъ бы навсегда окованъ Байроновскимъ направленiемъ, достойнымъ образомъ имъ выражаемымъ и доставляющимъ ему славу. Мы нерѣдко видимъ, какъ цѣлому поколѣнiю трудно отставать отъ своихъ привычныхъ стремленiй; но Пушкинъ

рѣшился на гигантскій подвигъ—и совершилъ его. Сей переходъ нашего поэта чрезвычайно любопытенъ для ума наблюдательнаго.

Шекспиръ и Гёте занимали его вниманіе; но послѣдній не надолго. *Фаустъ* Пушкина, внушенный ему, разумѣется, *Фаустомъ* Германскаго поэта, остался въ однихъ отрывкахъ. Болѣе ни одна пьеса, кажется, не ознаменовала сего мгновеннаго стремленія Пушкина, ибо таинственный смыслъ гиганта-современника и собственно ему принадлежащій идеалъ, не соотвѣтствовали генію нашего поэта. Другой геній, болѣе обширный, болѣе всеобъемлющій, невидимо привязалъ его къ себѣ и *преобразилъ*, къ счастію нашей поэзіи. Мы не знаемъ трагедіи Пушкина *Борисъ Годуновъ;* но судя по извѣстнымъ намъ отрывкамъ, видимъ въ ней переходъ къ этому идеалу, который уже выразительнѣе осуществленъ въ *Полтавѣ*. Этому надлежало быть. Если поэтъ нашъ имѣлъ силу оставить блестящаго, современнаго Байрона, то могъ ли онъ не понять великаго Шекспира? Пушкинъ и понялъ его, какъ высокій поэтъ: онъ не сталъ подражать Шекспиру, но, угадавъ въ Англійскомъ поэтѣ основные элементы исторической его трагедіи, открылъ ихъ и въ Русскомъ мірѣ. Это имѣло двояко счастливое послѣдствіе для нашей литтературы: во первыхъ, обогатило ее созданіемъ, безъ сомнѣнія, необыкновеннымъ, во вторыхъ, перенесло въ нее, аналогически, духъ Шекспира, и, слѣдовательно, открыло новый путь къ отысканію истинно изящнаго-Русскаго. Кто, безъ Пушкина, могъ бы совершить сей подвигъ? И не ясно-ли видна здѣсь сила его генія, не успокоившагося до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ своего истиннаго пути, котораго начало мы видимъ—въ *Полтавѣ*.

Обозрѣвъ, хотя кратко, но точно, все поприще нашего поэта, означимъ главные выводы всего сказаннаго выше. Пушкинъ повторилъ собою всю исторію Русской Литтературы. Воспитанный иностранцами, онъ переходилъ отъ одного направленія къ другому, пока наконецъ нашелъ тайну своей поэзіи въ духѣ своего отечества, въ мірѣ Русскомъ, и испытавъ силы въ борьбѣ съ Британскимъ великаномъ, сдѣлался его послѣдователемъ, такъ же, какъ тотъ, въ свою очередь, умѣлъ угадывать духъ Эсхила, Софокла, и выражать, не подражательно, но аналогически, духъ романтическихъ пѣвцовъ Италіи и героевъ Рима. Шекспиръ недоступенъ для подражателей, но людямъ, умѣющимъ постигать внутренній смыслъ его, онъ отверзаетъ небо и землю. Мы должны показать, какимъ образомъ *Пушкинъ* воспользовался Русскимъ міромъ и какъ онъ осу-

ществилъ его въ *Полтавѣ*, которую мы ставимъ, по вѣрности направленія, выше всѣхъ извѣстныхъ намъ его сочиненій. Указать на это въ настоящее время тѣмъ необходимѣе, что многіе не хотятъ видѣть великаго шага, сдѣланнаго нашимъ поэтомъ.

Что видѣли мы доселѣ въ созданіяхъ Пушкина? Если не выраженіе чуждаго духа, то подражаніе тому, что уже развито было геніями другихъ странъ и вѣковъ. Но всякій вѣкъ имѣетъ свои требованія. Замѣтивъ выше сего, что направленіе, данное всемірной поэзіи Байрономъ, не можетъ удовлетворять нашихъ современниковъ, мы должны предполагать, что въ наше время существуетъ требованіе другое, возвышеннѣйшее, ибо человѣчество идетъ впередъ, а не обращается вспять. Нынѣ не только народы, но даже отдѣльныя лица начинаютъ дорожить своимъ достоинствомъ и стараются отдѣльно быть достойными участниками общихъ требованій; государства необходимо слѣдуютъ сему же направленію. Требованіе вѣка всегда бываетъ выше настоящаго его состоянія; требованіе народа тоже. Слѣдственно подражаніе, вдохновеніе чуждое, не могутъ производить въ наше время никакого впечатлѣнія, ибо вѣкъ требуетъ самобытности. Пушкинъ оживилъ въ *Полтавѣ* событіе изъ Русской Исторіи. Доселѣ подобныя событія представляемы были въ поэзіи нашей совершенно романическимъ образомъ, то-есть затемненныя восклицаніями, увеличеніями, небывалымъ геройствомъ, поддѣльными характерами. Этого нѣтъ въ *Полтавѣ*. Ненависть Мазепы къ Петру, служащая тайною пружиною всей поэмы, и любовь Маріи къ гордому старцу, завязывающаяся въ началѣ поэмы, узелъ всего сочиненія, взяты изъ Исторіи. Явленіе другихъ историческихъ лицъ есть необходимое слѣдствіе сей завязки. Характеры ихъ совершенно естественны, ибо не таковы, какими представляетъ ихъ намъ Исторія; слѣдственно происшествіе, самое простое, развито безъ всякихъ натяжекъ и возведено къ поэтическому идеалу. Искуство поэта состоитъ въ томъ, чтобы не сказать ни болѣе, ни менѣе надлежащаго. Это сдѣлалъ Пушкинъ. Въ *Полтавѣ* его господствуетъ совершенное, Шекспировское спокойствіе поэта, и живая игра страстей дѣйствующихъ лицъ. Но если происшествіе взято, почти безъ измѣненій, изъ Исторіи, если характеры естественны исторически, если въ нихъ нѣтъ лирическихъ восторговъ поэта, то что же составляетъ поэзію сей поэмы? Это невидимая сила духа Русскаго, которою поэтъ оживилъ каждое положеніе, каждую рѣчь дѣйствующихъ лицъ. Только тамъ, гдѣ

говоритъ онъ отъ себя, разсказъ его принимаетъ величественный тонъ Эпопеи. Однимъ словомъ, это совершенно новый родъ поэзіи, извлекаемый изъ Русскаго взгляда поэта на предметы. Этого нѣтъ и слѣда въ Русланѣ и Людмилѣ, это первый опытъ, блестящій, увлекательный, открывающій новый міръ для послѣдователей Пушкина. Не входимъ въ мелочной разборъ стиховъ, изъ коихъ иные могутъ отступать отъ цѣлаго: полагаемъ, что самъ Поэтъ лучше насъ замѣтитъ ихъ. Но кто не видитъ новыхъ для Русской поэзіи красотъ *Полтавы*, тому напрасно стали бы мы указывать на нихъ. Онѣ не въ отдѣльныхъ словахъ поэмы, а въ выраженіи всѣхъ отдѣльныхъ частей, исходящемъ отъ одного начала.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія, и многимъ даже не имѣла счастія понравиться. Это естественно. Красоты ея слишкомъ новы для Русскихъ читателей, еще не готовыхъ понимать оныя. Но мы увѣрены, что Поэтъ понимаетъ своихъ читателей. Онъ уже освободился отъ обольстительныхъ цѣлей современнаго успѣха. Успѣхъ *Полтавы* показалъ бы или малое измѣненіе въ поэзіи Пушкина, или высокое совершенство его читателей, чего, кажется, нельзя было и ожидать. Если, донынѣ еще, о безсмертномъ созданіи Шекспира, Фальстафѣ, многіе судятъ по отдѣльнымъ рѣчамъ сего лица, если донынѣ находятъ въ нихъ несообразности и неблагопристойности, то чего ожидать созданіямъ Русскаго поэта, когда сей послѣдній пересталъ угождать прихотямъ своего вѣка? При умертвительной холодности, досугъ ли читателямъ отставать отъ привычекъ и вникать во внутренній смыслъ поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на нихъ самихъ: только это еще нравится имъ, ибо, не забудемъ, что мы современники Байроновыхъ читателей. Но, къ утѣшенію своему, вспомнимъ, что настаетъ новая эра. Байронъ былъ необходимъ для полнаго обнаженія всѣхъ чувствъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ и поколѣніямъ: онъ пробудилъ умы къ новому требованію. Эпоха словъ и выраженій прекратилась — настаетъ эпоха мыслей и чувствованій, принадлежащихъ народамъ. Глядя съ сей точки зрѣнія, какихъ великихъ успѣховъ мы вправѣ ожидать отъ нашего Поэта, въ его лѣта зрѣлой юности, украшеннаго всѣми дарами возвышеннаго генія!

Кс. П.

* * *

*) Прежнія Поэмы, такъ называемыя классическія, были не что иное, какъ подробное описаніе какого-нибудь происшествія, цѣлой эпохи или вымышленнаго событія, родъ стихотворной Исторіи, украшенной вымыслами суевѣрія, преданій о волшебствѣ, о чудесномъ. Въ сихъ Поэмахъ всѣ почти страсти представлялись олицетворенными, и каждый герой дѣйствовалъ, какъ машина, по внушенію какого-нибудь божества, волшебницы и чародѣя. Въ Поэмѣ не было ни одного лица дѣйствующаго произвольно, включительно до самого Автора, который долженъ былъ подчинять злому школьному духу порывы своего восторга и воображенія. Не нужно, кажется, повторять, что мы говоримъ о Поэмахъ новой Литературы, которыя были сочинены по образцамъ Иліады и Энеиды, съ примѣненіями къ нравамъ новыхъ временъ. Между эпическими Поэтами новыхъ временъ, до 19 столѣтія, Тассъ, Аріостъ и Камоэнсъ сіяютъ, какъ свѣтила во мракѣ.

Но природа человѣческая непостоянна, какъ воздухъ, вода и огонь, какъ всѣ *видимые* предметы жизни. Этотъ родъ Поэмъ наконецъ наскучилъ. Въ школахъ проповѣдывали о классицизмѣ, ученики выучивали наизусть стихи и правила, — но умы дремали. Единообразная отчетливость въ дѣлахъ и происшествіяхъ, описываемыхъ въ Поэмахъ, утомительныя битвы, сумасбродная любовь, олицетворенныя страсти, заводящія сердце человѣческое, какъ часы, въ условленное время, когда должно герою дѣйствовать, волшебство или сила свыше, которыя появляются всегда, когда Автору нужно выпутаться изъ какого-нибудь хитро сплетеннаго обстоятельства, всѣ эти пружины слишкомъ ослабли отъ излишняго употребленія, и множество Поэмъ находило весьма мало читателей. Не менѣе утомительными сдѣлались эти вѣчные приступы къ пѣснямъ, эпизоды, подробныя описанія мѣстоположеній, родословныя героевъ, и эти вѣчныя восклицанія: *пою!* или призванія Музы. Однимъ словомъ, люди требовали отъ Поэмъ чего-то другаго; чувствовали, что можетъ быть что-нибудь лучше, сильнѣе, занимательнѣе — и ожидали.

Явился геній — и сотворилъ новый родъ или, лучше сказать, воспользовался всѣми начинаніями и всѣми созрѣлыми матеріями

*) «Сынъ Отечества» 1829 г. ч. 125, № 15. (Статья подъ заглав.: «Разборъ Поэмы: Полтава, соч. Александра Сергѣевича Пушкина»).

для сооруженія новаго рода. Байронъ, чувствуя потребность своего вѣка, заговорилъ языкомъ, близкимъ къ сердцу сыновъ девятнадцатаго столѣтія, и представилъ образцы и характеры, которыхъ жаждала душа, принимавшая участіе въ ужасныхъ переворотахъ, потрясшихъ человѣчество въ послѣднія времена. Байронъ сдѣлался представителемъ духа нашего времени. Постигая совершенно потребности своихъ современниковъ, онъ создалъ новый языкъ для выраженія новыхъ формъ. Методическое, подробное описаніе, всѣ предварительности, объясненія, введенія, изысканія ab ovo, отброшены Байрономъ. Онъ сталъ разсказывать съ средины происшествія или съ конца, не заботясь вовсе о спаяніи частей. Поэмы его созданы изъ отрывковъ, блистательныхъ выдержекъ изъ жизни человѣческой. Байроновы Поэмы не суть огромныя картинныя галлереи или многочисленныя книгохранилища, гдѣ утомленный любитель долженъ скучать и мучиться, разсматривая посредственное и дурное, чтобъ найти превосходное. Напротивъ того, Поэмы сего современнаго генія суть собраніе картинъ, избранныхъ знатокомъ изъ твореній первокласныхъ Художниковъ всѣхъ школъ: не книгохранилище для удовлетворенія страсти библіомана, но извлеченіе лучшихъ мѣстъ изъ первокласныхъ Писателей, для угожденія разборчивому вкусу, обильная пища сердцу и уму. Отъ того то люди образованные, просвѣщенные, люди съ чувствомъ и умомъ, бросились на Поэмы Байрона, какъ алкающіе въ Аравійской пустынѣ къ источнику ключевой воды; а педанты ужаснулись новости, безпорядка, и стали порицать то, чего постигнуть были не въ состояніи. О невѣждахъ молчимъ.

Байронъ далъ новое направленіе Поэзіи, возбудилъ новыя желанія въ читающемъ, т.-е. въ мыслящемъ сословіи рода человѣческаго, и, какъ каждый преобразователь, каждый сектаторъ, породилъ множество послѣдователей и подражателей. Просимъ нашихъ читателей не принимать сихъ двухъ словъ синонимами. *Послѣдовать* должно хорошему, и геній можетъ *послѣдовать* другому генію, имѣвшему счастье прежде его устремиться на новое поприще; но только одни мелочные умы, люди безталантные, могутъ быть *подражателями*. Вальтеръ Скоттъ создалъ новый родъ историческихъ Романовъ, не взирая на то, что и прежде него писали историческіе Романы. Публика любитъ родъ, изобрѣтенный Вальтеръ-Скоттомъ; итакъ надобно писать въ этомъ родѣ, не будучи подражателемъ, а извле-

кая существо дѣла изъ обычаевъ своей страны, излагая по своему. Американцы называютъ Купера не *подражателемъ* Вальтеръ-Скотта, а *послѣдователемъ*, такъ какъ Нѣмцы своего фонъ-деръ-Фельда. Аддиссонъ писалъ о нравахъ Англійскихъ и Жуи не *подражатель* Аддиссона, а *послѣдователь*. Это названіе не отнимаетъ литературной славы, ибо будучи *послѣдователемъ*, можно быть оригинальнымъ, изобрѣтателемъ. У Байрона весьма много *подражателей*, и весьма мало *послѣдователей*, достойныхъ того, чтобъ ихъ сравнивать съ учителемъ. Нѣкоторые изъ спутниковъ сего свѣтила озарились его свѣтомъ, и проникнулись его теплотою. Но до сихъ поръ въ Байроновой планетной системѣ солнце только одно!

Я сказалъ выше, что Поэмы Байрона составлены изъ отрывковъ, изъ важнѣйшихъ эпизодовъ жизни человѣка, или блистательнѣйшихъ событій, въ которыхъ герой Поэмы игралъ главную, или значительную ролю. Между сими отрывками нѣтъ *риторической* связи, и они спаиваются узами общей занимательности. Послѣ Байрона, всѣ почти Поэты стали такимъ образомъ писать свои Поэмы или Повѣсти, называемыя Поэмами. Что жъ изъ этого выходитъ? Такъ какъ прежде скучно было единовременное раздѣленіе Поэмъ на пѣсни и эпохи, какъ утомительны были эти олицетворенія, приступы съ восклицаніемъ *пою*, описанія битвъ и родословныя, такъ нынѣ скучны и единообразны всѣ эти кучи отрывковъ, которые, какъ отломки разныхъ сосудовъ, и драгоцѣнныхъ и самыхъ обыкновенныхъ, представляются намъ въ одномъ мѣшкѣ, подъ именемъ Поэмъ! — Отъ единообразія въ формахъ и пріемахъ, всѣ новыя Поэмы кажутся похожими одна на другую, какъ запасъ фраковъ или жилетовъ одного покроя. Таковы ли Поэмы Байрона? — Нѣтъ. — Его *Лара* не похожъ на *Чайльдъ Гарольда*, *Гяуръ* не похожъ на *Донъ-Жуана*, *Абидосская невѣста* не похожа на *Паризину*. Одна изъ отличительныхъ чертъ сочиненій Байрона есть *разнообразіе;* напротивъ того, отличительная черта не только его подражателей, но и большей части послѣдователей — единообразіе.

Сказавъ нѣсколько словъ о новомъ родѣ Поэзіи, введенной Байрономъ, обратимся къ сему роду, введенному у насъ Пушкинымъ.

Кто таковъ Пушкинъ въ нашей Словесности? На этотъ вопросъ, можетъ быть не надлежало бы отвѣчать при жизни Сочинителя,

но какъ въ Журналахъ Русскихъ безпрестанно говорятъ о семъ Поэтѣ, иногда съ величайшимъ энтузіазмомъ и выспренними похвалами, иногда съ неуваженіемъ, даже оскорбительнымъ, то я почитаю себя также въ правѣ безпристрастно высказать свое мнѣніе.

Сомнѣваюсь, что между явными противниками Пушкина были такіе, которые бы не сознались, что онъ геній. Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда не возможно дѣлать усилій, чтобъ быть Стихотворцемъ. Природа создала его Поэтомъ!

Не упоминая о мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина, изъ коихъ большая часть носитъ на себѣ отпечатокъ величайшаго дарованія, и между которыми вовсе нѣтъ дурныхъ пьесъ, сознаемся, что Поэмы его дали другой видъ нашей Словесности. Первая его Поэма, Русланъ и Людмила, составлена имъ въ родѣ Аріостовомъ, и хотя писана въ юности Автора, когда онъ не могъ глубоко постигать сердца человѣческаго, но воображеніе юнаго Поэта дополнило недостатки естественности, и Поэма причтена къ первокласнымъ произведеніямъ Словесности. Должно предполагать, что Пушкинъ уже послѣ сочиненія Руслана и Людмилы проникнулся духомъ новой романтической школы, и, такъ сказать, вступилъ въ планетную систему Байрона. Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья разбойники, Цыганы, Онѣгинъ принадлежатъ къ Байроновской школѣ, и вылиты въ формы, созданныя великимъ пѣвцомъ Британіи. Однакожъ Пушкинъ есть не *подражатель* Байрона, а *послѣдователь* его, и у насъ имѣетъ тѣмъ большее достоинство, что онъ первый ввелъ этотъ родъ, и заставилъ полюбить его геніальными своими произведеніями.

Описательная часть въ Кавказскомъ плѣнникѣ, характеръ Заремы въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ, характеры Земфиры и старца въ Цыганахъ, тюрьма въ Братьяхъ разбойникахъ, подробности въ Онѣгинѣ, множество отдѣльныхъ стихотвореній — суть истинно мастерскія (chef d'oeuvres) произведенія, которыя признаны были бы таковыми у всѣхъ народовъ. Для насъ, Русскихъ, сіи произведенія генія тѣмъ драгоцѣннѣе, что мы, кромѣ общихъ піитическихъ красотъ, наслаждаемся прелестями языка роднаго, который подъ чародѣйскимъ перомъ Пушкина во сто разъ сильнѣе и благозвучнѣе.

Тѣ, которые сравниваютъ Пушкина съ Байрономъ, вѣрно не понимаютъ въ подлинникѣ произведеній Британскаго Поэта. Бай-

ронъ сотворилъ новый міръ, населилъ его существами мрачными, презирающими человѣчество и все, что только создано человѣкомъ. Герои Байроновскіе дышатъ не воздухомъ, а пламенемъ, и душа ихъ, какъ адамантъ, несгараема среди пожара страстей; желѣзное сердце неприкосновенно ударамъ рока. Любовь Байроновская — или изступленіе или развратъ; дружба его — роковая клятва самоотверженія или союзъ расчета; наслажденіе — истребленіе, гибель, опасности или совершенное бездѣйствіе. Однимъ словомъ, у Байрона во всемъ крайности, которыя или приводятъ душу въ ужасъ, или трогаютъ ее до глубины, или возбуждаютъ неизъяснимую холодность къ человѣчеству. Ни одной строфы Байрона нельзя прочесть безъ того, чтобъ всѣ способности ума и души не пришли въ движеніе. Характеры его героевъ отдѣланы вполнѣ; картины природы писаны сильною кистью; языкъ Байрона есть нарѣчіе, которому нѣтъ названія. Байронъ все изъяснилъ, все высказалъ, все описалъ, и тѣ даже изъ его соотчичей, которымъ доступенъ высокій языкъ Поэзіи, могутъ только *понимать* Байрона, но не въ силахъ изъясняться его языкомъ. Надлежало какъ-нибудь назвать его, и Поэты согласились называть его *языкомъ Байроновскимъ*.

Напротивъ того, у Пушкина (кромѣ характера Заремы въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ) вовсе нѣтъ сильныхъ, пламенныхъ, мрачныхъ, неукротимыхъ характеровъ Байроновскихъ. Языкъ Пушкина сладкозвученъ и силенъ; фактура стиховъ легкая, пріятная; но Пушкинъ только воспользовался красотами нашего языка, а не создалъ своего собственнаго; стихосложенію далъ онъ легкость и звучность Россиніевской школы, а не сотворилъ новыхъ формъ. Байронъ вездѣ глубокомысленъ, даже въ предметахъ легкихъ; онъ каждый предметъ, даже низкій, возвышаетъ силою своего генія. Напротивъ того Пушкинъ вездѣ и во всемъ слишкомъ легокъ, и даже въ предметахъ величайшей важности; онъ только прикасается къ предмету, а не углубляется въ него. Поэмы Пушкина суть великолѣпныя панорамы, природа въ отдаленіяхъ; въ этихъ видахъ много прекраснаго, но — все показывается что-то неявственно. Не менѣе того заслуги Пушкина въ Русской Литературѣ и языкѣ чрезвычайно велики, и не сравнивая его съ Байрономъ, мы, въ теперешнемъ нашемъ быту, должны почитать его, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, главами романтической школы, которая нынѣ въ цѣлой

Европѣ беретъ верхъ надъ классицизмомъ. Не будучи ни Байрономъ, ни Шиллеромъ, ни Гете, можно еще стоять очень высоко, и быть первоклассными Писателемъ.

Я не хочу продолжать сравненій, которыя увлекли бы меня весьма далеко и заставили бы прибѣгнуть къ разбору всѣхъ Поэмъ Пушкина. Скажу вкратцѣ мое мнѣніе о новой его Поэмѣ *Полтава.*

Отчего она не произвела такого впечатлѣнія въ публикѣ, какъ другія произведенія сего Поэта? Оттого, что Поэтъ былъ въ правѣ не давать отчета въ характерахъ и положеніяхъ *вымышленныхъ* лицъ, а отъ лицъ *историческихъ* мы требуемъ полноты характера и желаемъ видѣть событія въ ихъ настоящемъ, правдоподобномъ видѣ, даже въ волшебномъ зеркалѣ вымысла. Этого нѣтъ въ Поэмѣ Полтава. Разныя эпохи и дѣйствія, представленныя въ отрывкахъ развлекаютъ вниманіе, и не сплочены такъ, чтобъ составляли одно цѣлое, общая занимательность гибнетъ въ подробностяхъ. Какъ изображены характеры дѣйствующихъ лицъ? Кочубей не изъ любви къ отечеству пишетъ доносъ на Мазепу, а изъ мщенія, за похищеніе своей дочери. Герой Малороссійской Исторіи, Кочубей, представленъ ниже самого Мазепы, ибо Гетманъ открылъ тайну свою Кочубею, какъ другу, и *честно* требовалъ руки его дочери, прежде нежели рѣшился похитить ее изъ родительскаго дома, не насильно, но по доброму согласію. Даже бунтъ произвелъ Мазепа, слѣдуя общему мнѣнію войска, какъ сказано въ Поэмѣ. Напротивъ того, Кочубей представленъ въ самомъ черномъ видѣ, злобнымъ, мстительнымъ, вовсе чуждымъ дѣлъ отечественныхъ, претерпѣвающимъ пытку, чтобъ не открыть сокровищъ, а между тѣмъ сознающимся въ небывалыхъ винахъ, изъ одного страха! Все это несогласно съ Исторіею. Жена Кочубея представлена злобною и мстительною фуріею, а не нѣжною матерью. — Изъ чего бросился Искра въ пропасть доносовъ? Въ Поэмѣ объ этомъ не сказано. Должно догадываться, что или изъ дружбы къ Кочубею, или изъ ненависти къ Мазепѣ, но любовь къ отечеству и вѣрность къ престолу также не входятъ въ виды благороднаго Искры, героя правоты. Мазепа въ Поэмѣ жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ изображаетъ его Исторія. Одна Дума, сочиненная Мазепою, и напечатанная въ Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго, сильнѣе рисуетъ характеръ Мазепы, нежели всѣ бранчивые эпитеты, данные ему Авторомъ Поэмы Полтава. Страннѣе всего, что Авторъ

хочетъ представить Мазепу безразсуднымъ и мстительнымъ старичишкой, который поднялъ знамя бунта за то, что Петръ Великій подралъ его за усы, во время пиршества, хотя послѣ осыпалъ своими милостями. Въ то время это не почиталось даже обидою, и на пирахъ нерѣдко господа Гетманы и Полковники дрались между собою и съ подчиненными. Мазепа могъ нѣкоторое время гнѣваться за эту шутку, но доказано, что главнымъ побужденіемъ къ бунту его было честолюбіе, а цѣлію желаніе сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ Малороссіи. Марія, дочь Кочубея, непостижимое существо. Отчего она такъ сильно влюбилась въ сѣдаго старца, презрѣла всѣхъ юношей, бѣжала изъ родительскаго дома, и нѣжится съ дряхлымъ, больнымъ Гетманомъ, какъ съ Адонисомъ? Мнѣ кажется, что не любовь, а женское тщеславіе ввергло въ пропасть дочь Кочубея. Но въ Поэмѣ, Марія представлена нѣжною, пламенною любовницей, а не тщеславною красавицей, которая презрѣла всѣ обязанности, чтобъ быть первою въ Малороссіи, *Панею Гетманшею.* Читатель не можетъ этому вѣрить. Если бы мы напротивъ того подслушали разговоръ соблазнителя съ несчастною жертвою, въ которомъ бы хитрый старецъ представлялъ юной красавицѣ всю прелесть величія, знатности, могущества, то повѣрили бы, что неопытная дѣвица могла забыться и послѣдовать за *больнымъ старикомъ съ сѣдыми усами* и *головою, съ впалыми глазами!* Но чтобъ она могла влюбиться въ старика и еще такого гнуснаго, какъ онъ представленъ въ Поэмѣ, этому вѣрить не можемъ и не будемъ. — Кто таковъ Карлъ въ Поэмѣ Пушкина?

Онъ *мальчикъ бойкій* и отважный;
Два, три сраженья разыграть
Конечно можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать *на бомбу* смѣхомъ; (?)
Не хуже Русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить какъ нынче казака,
И обмѣнять на рану — рану:
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ:
Онъ *слѣпъ,* упрямъ, нетерпѣливъ,

И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть, какому счастью вѣритъ; —
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломать ему свои рога (?!)
Стыжусь; *воинственнымъ бродягой* (?!)
Увлекся я на старость лѣтъ, и проч.

Итакъ Карлъ XII, *мальчикъ бойкій и отважный, воинственный бродяга!* Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ! это ужъ вольность пiитическая, чрезъ край! Надобно при этомъ вспомнить, что Мазепа говоритъ такъ о Карлѣ XII *прежде* Полтавскаго сраженія, когда самъ Петръ Великій не вѣрилъ своему успѣху, и не полагался на будущее. Вотъ, что говоритъ объ этомъ самъ же Авторъ Поэмы, въ своемъ предисловіи: «Ошибка Шведскаго Короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно *послѣ* неудачъ. Карлъ однакожъ симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана, и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ *), что наконецъ 25 т. Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ предъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, *яко зѣло опаснаго дѣла*. Въ семъ походѣ Карлъ XII, менѣе, нежели когда-нибудь, ввѣрялся своему счастію: оно уступило генію Петра».

Вотъ какъ самъ Авторъ описываетъ обстоятельства того времени. Итакъ, когда самъ Петръ признавалъ планъ кампаніи Карла XII мудрымъ, когда самъ Авторъ называетъ его *умнѣе* Наполеона, можно ли назвать его *бойкимъ мальчикомъ, воинственнымъ бродягой?* Если Мазепа почиталъ его такимъ, зачѣмъ же соединилъ свою судьбу, судьбу своего отечества съ прихотями безразсуднаго? — Мазепа изображенъ не честолюбцемъ, не хитрецомъ, не злодѣемъ, но просто — *злымъ дуракомъ.*

---

*) Вѣрно опечатка, вмѣсто: разбиваемъ. Соч.

Характера Петра Великаго нѣтъ въ Поэмѣ, но есть прекрасный портретъ его.

Допуская въ романтическомъ родѣ всѣ возможныя вольности піитическія, и не налагая никакихъ узъ на воображеніе Поэта, я не скажу, чтобъ въ Поэмѣ Полтава всѣ лица были безъ характеровъ. Нѣтъ! всякое лицо имѣетъ свой характеръ, но только не такой, какъ намъ представляетъ Исторія, и слѣдовательно историческія событія разногласятъ съ вымышленными характерами. Пружины слишкомъ слабы для сильнаго дѣйствія, и отъ того мы видимъ огромную машину — въ бездѣйствіи. Исторія побѣждаетъ вымыселъ, и отъ того потеряна въ немъ занимательность.

* * *

*) Долженъ ли я разбирать всѣ подробности, указывать на всѣ стихи и выраженія, которыя заставили меня поставить сію Поэму ниже безсмертнаго творенія *Цыганы* и прелестнаго *Бахчисарайскаго фонтана?* Слѣдовало бы, чтобъ не вовлечь въ искушеніе безчисленныхъ подражателей А. С. Пушкина, которые, не будучи въ состояніи возвыситься до красотъ его, рады, когда могутъ скропать стишки, подходящіе къ стихамъ, неудачно вылившимся изъ обворожительнаго пера перваго Русскаго Поэта. Я было и началъ, хотѣлъ выписать все, что мнѣ не понравилось, какъ напримѣръ:

Вокругъ высокаго чела,
Какъ *тучи,* локоны чернѣютъ **) и т. п.

Хотѣлъ было распространиться, но наконецъ раздумалъ. Драгоцѣнное ожерелье, отдѣланное со вкусомъ, немного потеряетъ изъ своей цѣны, если въ немъ отыщутъ нѣсколько поблекшихъ жемчужинъ или алмазовъ низшей воды отъ прочихъ. Предоставляю Издателю Славянина удовольствіе отрывать и нанизывать стихи и слова, не сіяющія одинаковымъ блескомъ съ другими, и обращаюсь къ красотамъ Поэмы.

---

*) «Сынъ Отечества» 1829 г., ч. 125, № 16. (Продолженіе статьи, подъ заглавіемъ: «Разборъ Поэмы: Полтава, соч. Александра Сергѣевича Пушкина»).

**) Не слишкомъ ли сильна гипербола: *локоны*, какъ *тучи?* При семъ замѣчу, что во время Мазепы не носили локоновъ въ Малороссіи. О нынѣшнихъ локонахъ можно это сказать, но только въ насмѣшку.

Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы:
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ;
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башень, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьи,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый,
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?...

Въ темницу къ Кочубею приходитъ клевретъ Мазепы, Орликъ, и допрашиваетъ его, гдѣ онъ скрылъ свои клады: отвѣтъ Кочубея — прелесть.

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.

И первый кладъ мой — честь была,
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣднiй,
Мой третiй кладъ: святую месть.
Ее готовлюсь Богу снесть.

Наканунѣ казни Кочубея, Мазепа приходитъ въ свѣтлицу до-и его Марiи и находитъ ее спящею. Вотъ картина Рубенсова:

И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой:
А завтра, завтра... содрогаясь
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ, и тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.

зепа прогуливается ночью въ саду, наканунѣ казни Кочубея:

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ
И протяжный слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Картина народной толпы, стремящейся на казнь, удивительно съ хороша:

Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.

Марія, послѣ казни своего отца, бѣжала отъ Мазепы:

И слѣдъ ея существованья
Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во тракѣ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

Сраженіе подъ Полтавою рѣшило участь Карла XII. Онъ бѣжитъ съ своими приближенными въ Турцію. Утомленная его дружина останавливается въ полѣ, чтобъ отдохнуть. Мазепа заснулъ.

Но сонъ Мазепы смущенъ былъ.
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена....
«Иль это сонъ?... Марія... ты ли?»

Марія.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли....
Постой... услышать могутъ насъ.

Мазепа.

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

Марія.

Послушай: хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной!
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову. — Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,

А волчья — видишь: какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? Чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно ль?
Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но, вихрю мыслей предана,
Однакожъ, говоритъ она,
Я помню поле... Праздникъ шумной...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
Ахъ! вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

акихъ недостатковъ не выкупятъ эти красоты, красоты перво-
:ныя! Жаль, что Поэтъ никогда не былъ зрителемъ сраженія,
тому картина битвы наполнена невѣроятностями, которыя за-
аютъ всю прелесть Поэзіи. Напримѣръ:

. . . . Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, *скрежетъ,* (?)
Громъ пушекъ, шопотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Военный человѣкъ скажетъ на это: если кавалерія своя и непріятельская рубится между собою, то ядра не могутъ между ними прыгать и разить, потому что въ толпу непріятеля, смѣшаннаго съ своими, стрѣлять не станутъ. Ядра могутъ шипѣть въ крови, когда они раскалены, но раскаленными ядрами въ полевыхъ сраженіяхъ не стрѣляютъ. Скрежету въ битвахъ понынѣ не слыхивали, а прочее все благополучно и новаго ничего нѣтъ, о чемъ донесть честь имѣю. Любитель отечественной Исторіи прибавитъ: какъ жаль, что первый герой послѣ Петра Великаго, въ Полтавской битвѣ, князь Меньшиковъ, — не улегся въ стихѣ! А. С. Пушкинъ, — какъ всѣ великіе поэты и благородные люди, имѣетъ безусловныхъ почитателей, которые вѣроятно и за благонамѣренныя мои замѣчанія прогнѣваются, назовутъ меня Вандаломъ, дикаремъ. Но самъ А. С. Пушкинъ защититъ меня, удостовѣрясь, что никакая личность не водила моимъ перомъ, когда я говорилъ о характерахъ дѣйствующихъ лицъ въ Поэмѣ, и о самомъ Поэтѣ. Давнымъ давно я уже назвалъ его первымъ изъ современныхъ Русскихъ Поэтовъ, и нынѣ, хотя Полтава не нравится мнѣ столько, какъ Цыганы и Бахчисарайскій фонтанъ, я все остаюсь при томъ же мнѣніи.

* * *

*) Хотя до сихъ поръ еще въ одномъ только Сынѣ Отечества и Сѣв. Арх. былъ подробный разборъ новой поэмы Пушкина, но уже почти всѣ Журналы, больше или меньше, высказали свое мнѣніе о Полтавѣ. Еще молчатъ Атеней и Вѣстникъ Европы. Но ихъ молчаніе краснорѣчиво для того, кто о будущемъ судитъ по прошедшему.

Я не буду разбирать журнальныхъ мнѣній, не основанныхъ на доказательствахъ, почитая ихъ не входящими въ кругъ литтературнаго быта, но принадлежащими къ семейнымъ обстоятельствамъ Господъ Критиковъ. Ибо вѣроятно только для пріятелей ихъ интересна такая исповѣдь въ ихъ чувствахъ. Публикѣ нѣтъ дѣла до впечатлѣній, произведенныхъ Полтавою на сочинителя той или другой статьи; ей совсѣмъ не любопытно знать, что такому-то, безъимян-

*) «Галатея» 1829 г. ч. IV, № 17 («О разборѣ Полтавы въ Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ»)

ному, Бахчисарайскій Фонтанъ нравится больше Цыганъ, а другому, неизвѣстному, Цыганы понравились больше Бахчисарайскаго Фонтана. Ей отъ того нѣтъ ни пользы, ни удовольствія; и что могутъ отвѣчать на это люди посторонніе, не связанные съ Авторомъ ни родствомъ, ни дружбою и, слѣдовательно, неимѣющіе права ни хвалить его за справедливый образъ мыслей, ни порицать за ложный?

Другое дѣло, когда Критикъ опирается на доказательствахъ; тогда правое слово можетъ интересовать публику, а неправое должно вызвать на отвѣтъ. Вотъ почему, прежде нежели я стану говорить о Полтавѣ, я считаю за нужное сказать нѣсколько словъ о разборѣ ея, помѣщенномъ въ 15 № Сына Отечества. Онъ еще не конченъ, но напечатано весьма довольно для того, чтобы показать образъ мыслей Автора и довѣренность, какую мы можемъ имѣть къ его осужденіямъ.

Начнемъ съ начала. Вмѣсто вступленія Авторъ разсказываетъ о томъ, какъ ввелись въ Европѣ романтическія поэмы. Прежде, говоритъ онъ, всѣ поэмы были писаны по образцамъ Илліады и Энеиды. «*Въ школахъ проповѣдывали о классицизмѣ; ученики вытчивали наизусть стихи и прозу,— но умы дремали.* Наконецъ это наскучило, и *люди требовали отъ поэта чего-то другаго, чувствовали что можетъ быть что-то лучшее, сильнѣе, занимательнѣе*».

«*Явился Геній — и сотворилъ новый родъ*».

Этотъ Геній, по словамъ Автора, есть Байронъ, который, слѣдовательно, ввелъ первый романтическія поэмы. И такъ, по мнѣнію Автора, и Данте, и Аріостъ, и Камоэнсъ, и Мильтонъ, и Клопштокъ, и Гёте и всѣ великіе поэты, которыхъ до сихъ поръ мы считали представителями Романтизма, были Классиками и подражателями Илліады и Энеиды. Такой образъ мыслей весьма оригиналенъ и достоенъ всякаго уваженія, ибо онъ доказываетъ — независимость Автора отъ чужихъ мнѣній; но Авторъ проститъ намъ, если, слѣдуя его примѣру, мы не повѣримъ ему на слово, какъ онъ не хочетъ вѣрить другимъ, и не прежде согласимся съ его новою системою, какъ тогда, когда онъ, во первыхъ, объяснитъ намъ ее, а во вторыхъ, докажетъ. Смѣемъ надѣяться, что онъ не замедлитъ удовлетворить нетерпѣливымъ ожиданіямъ публики.

Съ этою сладкою надеждою приступимъ къ разсмотрѣнію того, что̀ Авторъ говоритъ о новомъ родоначальникѣ романтизма. Не ста-

немъ, впрочемъ, повторять всѣхъ словъ его; большую часть его мыслей мы прежде уже читали въ Московскомъ Телеграфѣ, откуда Авторъ, какъ кажется, заимствовалъ и образъ изложенія статьи своей: замѣтимъ только то, что намъ показалось новымъ.

«*Одна изъ отличительныхъ чертъ сочиненій Байрона,* говоритъ Авторъ, *есть разнообразіе*». Весьма важный подарокъ сдѣлалъ бы Г. Рецензентъ просвѣщенной Публикѣ, если бы къ изложенію своей новой системы о Романтизмѣ присоединилъ и доказательство сей новой мысли о Байронѣ, и опровергъ такимъ образомъ всѣхъ Байроновскихъ критиковъ, упрекавшихъ его совершенно въ противномъ качествѣ. Ибо многіе, какъ вѣроятно извѣстно Г. Рецензенту, находятъ большое сходство между всѣми его героями, видятъ одну оттѣнку во всѣхъ его чувствахъ, одно направленіе во всѣхъ мысляхъ, и почти одну форму во всѣхъ поэмахъ. Далѣе говоритъ Г. Рецензентъ: «*Любовь Байроновская — или изступленіе, или развратъ; дружба — роковая клятва самоотверженія, или союзъ разсчета; наслажденіе — истребленіе, гибель, опасности, или совершенное бездѣйствіе*». Не разбирая любви и наслажденій Лорда Байрона, довольно ново здѣсь характеризованныхъ, я спросилъ бы у Г. Рецензента: гдѣ нашелъ онъ у родоначальника романтизма такое представленіе дружбы? — «*Поэмы Байрона составлены изъ отрывковъ. Между сими отрывками нѣтъ риторической связи и они не спаены узами общей занимательности. Послѣ Байрона всѣ поэты стали такимъ образомъ писать свои поэмы или повѣсти, называемыя поэмами*». — Но кого разумѣетъ Авторъ подъ словомъ: *всѣ поэты?* — Ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни въ Польшѣ, и даже въ самой Англіи, ни одинъ изъ славныхъ поэтовъ не перенялъ у Байрона формы его поэмъ. Если же подъ словомъ: *всѣ*, онъ разумѣетъ только Русскихъ поэтовъ, то и здѣсь, выключая Пушкина, никто не присвоилъ себѣ отрывистую форму Байроновскаго изложенія. Поэмы Баратынскаго полны искуственныхъ переходовъ и того, что Г. Рецензентъ называетъ *риторическою* связью. О комъ же говоритъ онъ? Посмотримъ, что Г. Рецензентъ говоритъ о Пушкинѣ.

«*Кто таковъ Пушкинъ въ нашей Словесности?* спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: *онъ Геній*». Такое отношеніе Пушкина къ нашей *Словесности и ясно*, и удовлетворительно; особенно же потому, что

Авторъ доказываетъ геніальность Пушкина тѣмъ, что онъ началъ писать въ молодыхъ лѣтахъ. Замѣчательно, что при отличномъ образѣ мыслей самую извѣстную вещь можно сказать и ново, и оригинально, и — деликатно.

О поэмѣ: *Русланъ и Людмила,* Г. Рецензентъ говоритъ, что «*хотя она писана въ юности Автора, когда онъ не могъ постигнуть глубины сердца человѣческаго, но воображеніе юнаго поэта дополнило недостатки естественности и поэма причтена къ первокласнымъ произведеніямъ Словесности*».

Но оставимъ г. Рецензента искать естественности въ волшебныхъ поэмахъ Александра Сергѣевича, и посмотримъ, какъ онъ сравниваетъ его съ Байрономъ.

«*Тѣ, которые сравниваютъ Пушкина съ Байрономъ,* говоритъ Г. Рецензентъ, *вѣрно не понимаютъ въ подлинникѣ произведеній Британскаго поэта*». Далѣе: «*характеры его* (Байрона) *героевъ отдѣланы вполнѣ... Языкъ Байрона есть нарѣчіе, которому нѣтъ названія... Напротивъ того у Пушкина (Кромѣ Заремы въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ) нѣтъ сильныхъ, пламенныхъ, мрачныхъ, неукротимыхъ характеровъ*». Говоря о характерахъ съ сильными страстями, отъ чего Г. Рецензентъ выбралъ одну Зарему и позабылъ черкешенку, Алеко, Земфиру и Разбойниковъ?

«*Пушкинъ только воспользовался красотами нашего языка, а не создалъ своего собственнаго*».

А Байронъ развѣ сочинилъ Англійскій языкъ? *Полтава,* говоритъ Г. Рецензентъ, *не произвела такого впечатлѣнія, какъ другія поэмы Пушкина.* — Но кто-же она, Публика? и черезъ кого призналась она Г. Рецензенту въ своихъ чувствахъ? Развѣ есть хотя одинъ образованный человѣкъ, знающій по Русски, который бы не читалъ ее съ наслажденіемъ? Какое же право имѣетъ Г. Рецензентъ обвинять Публику въ томъ, въ чемъ она, можетъ быть, совсѣмъ невиновата? Бѣдная Русская Публика? Кромѣ почтовой лошади и Китайскаго солдата, я не знаю существа несчастнѣе ея, послѣ всѣхъ напраслинъ, которыя она терпитъ отъ нашихъ писателей.

Вотъ мнѣніе Г. Рецензента объ исторической достовѣрности характеровъ въ Полтавѣ: Онъ не вѣритъ, что ненависть къ Мазепѣ рѣшила Кочубея послать на него доносъ Петру и думаетъ,

что Кочубей руководствовался одною любовью къ отечеству. Но развѣ не Украйна была отечествомъ Кочубея? и отъ чего не доносилъ онъ на Гетмана прежде ихъ ссоры?—Рецензентъ говоритъ, что Мазепа *честью* требовалъ руки Маріи. Но какъ же могъ онъ, при тогдашнемъ образѣ мыслей, *честью* требовать руки своей *крестницы?* — Рецензентъ говоритъ, что *Кочубей* (въ поэмѣ Пушкина) *претерпѣваетъ пытку, чтобы не открыть сокровищъ.* Можно ль отвѣчать на это обвиненіе? и какую довѣренность можемъ мы имѣть къ Критику, который *такъ* понялъ одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы?

«*Жена Кочубея представлена злобною, мстительною фуріею... Мазепа представленъ злымъ дуракомъ*». Гдѣ нашелъ все это Г. Рецензентъ? — *Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная въ Исторіи Малороссіи Б. Каменскаго, сильнѣе рисуетъ характеръ Мазепы, нежели всѣ эпитеты, данные ему Авторомъ поэмы: Полтава.*

Но неизвѣстно *когда* написана сія дума и даже недостовѣрно, точно ли она сочинена Мазепою. Характеръ же Мазепы вѣрнѣе всѣхъ возможныхъ думъ рисуютъ намъ договоръ его съ Королемъ Станиславомъ, коимъ онъ передавалъ Польшѣ всю Украйну, выговаривая себѣ нѣкоторыя личныя выгоды. — Можно ли вѣрить такому человѣку, когда онъ говоритъ объ отечествѣ? —

Рецензенту кажется еще, будто описаніе Шведскаго Короля не согласно съ Исторіей и будто Пушкинъ называетъ его умнѣе Наполеона. Лучшій отвѣтъ на это обвиненіе сама поэма и любая исторія Карла XII.

Рецензентъ жалѣетъ, что Пушкинъ не представилъ подробно причинъ, побудившихъ Искру участвовать въ доносѣ на Гетмана. — Признаюсь, что и мнѣ этого весьма жаль; но чтожъ дѣлать? видно въ планъ Автора не входило: сдѣлать первокласными, второстепенныхъ героевъ своей поэмы.

Г. Рецензенту кажется невѣроятнымъ, что Марія любитъ Мазепу, что Мазепа не забылъ обиды Петра и что прежде еще Полтавской битвы онъ умѣлъ разгадать Шведскаго Короля. Я охотно бъ отвѣчалъ на это г. Рецензенту, если бы не считалъ неприличнымъ занимать такого рода разговоромъ большую часть книжки журнала. Но буду говорить объ исторической достовѣрности Полтавы, разбирая её — *безъ отношенія къ ея Критикамъ.*

* * *

*) *Полтава, Поема Александра Пушкина.*

Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam Viribus!
Horat. de art. Poët.

Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ!
Перев. А. Ѳ. Мерзл.

Говорить правду — потерять дружбу! такъ гласитъ старинная Русская пословица: и ничто не доказываетъ столько ея справедливости, какъ повседневныя явленія литтературнаго нашего міра. Чудное дѣло! Истинная *красота*, кажется, одна: и посему всѣ, посвящающіе себя ея служенію, не должны бъ ли были составлять единаго священнаго братства, проникаемаго и оживотворяемаго единымъ духомъ любви? Но между тѣмъ — какое странное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнассъ нашъ!... Сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ Музъ — только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы. Куда ни обернись — вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брани. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ сѣчахъ, и перяныя стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе. Ето чудное состояніе нашей литтературы имѣетъ однако свои основанія, изъ коихъ легко изъясняется. Времена безначалія и самоуправства были всегда временами междоусобій — и въ политическомъ мірѣ. По нисproверженіи всѣхъ законовъ и правъ, назидающихъ всеобщее благоденствіе на сосредоточеніи всѣхъ умовъ и воль въ единое гармоническое цѣлое, остается только одно *кулачное право!* — Имъ сопровождалась нѣкогда анархія, порожденная политическимъ романтизмомъ среднихъ вѣковъ: и, по естественному порядку вещей, оно же является теперь и въ нашей литтературѣ, увлеченной во всѣ ужасы безначалія лживымъ призракомъ *романтической* свободы. Послѣ того, какъ законодательная власть здраваго вкуса признана торжественно несовмѣстною съ безусловною свободою генія и отвергнута, какъ туранское злоупотребленіе; послѣ того какъ освященныя древностью и оправданныя вѣковыми опытами правила, составлявшія доселѣ коренное *уложеніе* кріотическаго судопроизводства, провозглашены постыдными оковами, осрамляющими безграничное самодержавіе творящаго духа, и отринуты съ поруганіемъ и презрѣніемъ,

*) «Вѣстникъ Европы» 1829 г., № 8 (Статья (Н. Надеждина?) подписана: «*Съ Патріаршихъ прудовъ*»).

какъ ребяческія погремушки, забавляющія раболѣпную посредственность: послѣ того — удивительно ли, что каждая оторви-голова, упоенная шумною *Іппокреною вдовы Клико или Моста,* безбоязненно восхищаетъ себѣ право литтературнаго Робеспьера и готова отстаивать возвышенный постъ, захваченный ею въ смутныя времена всеобщаго треволненія?... *Своя рука владыка* — когда законы теряютъ владычество!—И ежели *правда*, ограждаемая всею силою законовъ, рѣдко находитъ благопріятный доступъ къ слуху обличаемаго самолюбія: то чего должно ожидать ей въ сіи бурныя времена своеволія и самоуправства, когда каждое литтературное насѣкомое расправляетъ съ гордостію свое крапивное жалишко, чтобы колоть всякаго, осмѣливающагося отказывать въ незаслуженномъ удивленіи его великимъ подвигамъ, которые *дивятъ* весь, обитаемый имъ *муравейникъ?... Говорить правду* на нашихъ литтературныхъ торжищахъ нынѣ — значитъ не только *терять дружбу,* но еще наживать лютѣйшую, непримиримѣйшую ненависть! Оскорбленное самолюбіе литтературнаго временщика неумолимѣе презрѣнной любви обветшавающей кокетки: и — увы!

«Я самъ то испыталъ,
Когда мои *статьи* въ журналы посылалъ!» —

Такъ разсуждалъ я самъ съ собой, выбираясь, третьяго дня, изъ топучаго переулка, змѣящагося вокругъ уединеннаго моего жилища, на шумный Тверскій булеваръ. Мутный потокъ грязной воды, катившійся вскрай попираемаго мною тротуара, препнулъ внезапно стопы мои, и я остановился въ недоумѣніи, какимъ образомъ проложить себѣ путь чрезъ сію неожиданную преграду. «Смѣлѣй!» раздался вдругъ знакомый мнѣ голосъ: «одинъ скачокъ — не болѣе!» Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собой измятую шляпу на головѣ, суковатую, толстую палку въ рукѣ, зеленый плащъ на плечахъ и плутовскую улыбку на губахъ пріятеля моего, почтеннаго *Флюгеровскаго.* «*Nihil fit per saltum!*» отвѣчалъ я ему смѣючись; «но крайней мѣрѣ — у насъ, *Московскихъ классиковъ!* Дай-ка мнѣ лучше руку и помоги переправиться чрезъ етотъ грязный Рубиконъ потихоньку!» — *Флюгеровскій* исполнилъ мою просьбу. — Куда ето ваша милость тащится? — спросилъ меня онъ: — а я было пробирался къ тебѣ поточить балы! — «Куда?» отвѣчалъ я: «куда больше, какъ не *подъ Новинское?* Праздникъ на исходѣ,

и я, по старинной привычкѣ, почитаю такимъ же смертнымъ грѣхомъ не побывать объ Святой подъ качелями, какъ — на горахъ объ Масляницѣ.» — Шутишь! — возразилъ *Флюгеровскій:* — а я думалъ, что подобныя зрѣлища не по твоему *классическому* вкусу! — «Провались ты съ етимъ проклятымъ епітетомъ!» перервалъ я: «Хоть бы для праздника-то пощадилъ меня! Вѣдь ты знаешь, что у насъ теперь слыть *классикомъ* то же, что бывало во времена Терроризма носить бѣлую кокарду! Но, шутки въ сторону: хочешь, что-ли, прогуляться туда со мною? такъ пойдемъ! Сказать правду, я не охотникъ зѣвать на романтическія проказы паяцовъ, которыхъ довольно и не подъ Н-о-в-и-н-с-к-и-м-ъ; но мнѣ хочется совершить *оптическое путешествіе* у Лексы, который, говорятъ, выставилъ нынѣ прекрасные виды». — Я бы радъ былъ проводить тебя; — отвѣчалъ *Флюгеровскій:* но ты видишь, каково на небѣ: того и гляди, что ударитъ дождикъ; куда жъ тебѣ въ твоемъ дряхломъ екипажѣ? За *путешествіемъ* же ходить не нужно такъ далеко. Здѣсь *въ домѣ Чистякова* можно набродиться досыта, если ты любишь подобные вояжи. Идемъ туда! — «И то правда!» сказалъ я: «зачѣмъ искать въ дали того, что подъ руками? Пойдемъ! Доброму совѣту *Флюгеровскаго* — грѣшно не послѣдовать... Хотя, правда, мнѣ уже досталось за то, что я однажды тебя послушался».

Двери святилища отворились предъ нами. «Небо!» закричалъ *Флюгеровскій,* приникнувъ къ первому отверстію панорамы, между тѣмъ какъ я расплачивался съ услужливымъ придверникомъ: «Праведное Небо! что я вижу? — Ето *Бахчисарайскій Фонтанъ!* — Сочиненіе А. С. Пушкина, знаменитаго стихотворца! — подхватилъ съ улыбкою самодовольной важности ражій мущина, поглаживая свою русую окладистую бороду, въ коемъ синяя суконная сибирка и величавый видъ заставляли очевидно подозрѣвать вице-хозяина панорамы: — мы не любимъ, какъ другіе нѣмцы, подчивать господъ всякою всячиной. У насъ все самое лучшее, самое свѣжее. — «Благоговѣю предъ могуществомъ великаго генія!» продолжалъ не оглядываясь *Флюгеровскій:* его всеоживляющая длань воззвала изъ праха забвенія сіи величественныя руины и исторгла изъ челюстей всепожирающаго времени память протекшаго величія славныхъ *Гиреевъ.* Кто зналъ объ нихъ прежде Поемы *Пушкина?*... — И кто знаетъ объ нихъ теперь — изъ Поемы *Пушкина?* — возразилъ

одинъ незнакомый голосъ тономъ хладнокровнаго равнодушія. Я устремилъ глаза въ ту сторону, откуда происходилъ сей голосъ, и взоры мои упали на лице почтеннаго старика, оснѣженнаго, но не изможденнаго временемъ. На челѣ его, изрытомъ глубокими браздами, лежала печать опытности, и во взорѣ его, не погашенномъ лѣтами, свѣтилось кроткое величіе, плодъ заслуженнаго довѣрія къ самому себѣ. — «Молодость всегда опрометчива и безразсудна, — продолжалъ онъ съ тѣмъ же спокойнымъ хладнокровіемъ: — Она не любитъ умѣренности въ сужденіяхъ, подобно какъ не знаетъ границъ въ чувствованіяхъ. Первое легкое впечатлѣніе, проскользнувшее по необыграннымъ струнамъ юнаго сердца, уже все рѣшитъ для него: и то, что пробудило въ немъ однажды привѣтный отзывъ, есть уже для него идеалъ совершенства. Молодые люди! Молодые люди! не будьте слишкомъ расточительны на восторги! Поберегайте ихъ для того, что достойно ихъ». — Я смотрѣлъ съ изумленіемъ на незнакомца. Флюгеровскій обернулся и прервалъ молчаніе. «Если ваша рацея относится къ намъ, государь мой; то я очень жалѣю, что ваше краснорѣчіе не нашло слушателей, болѣе достойныхъ проповѣдуемаго вами безстрастія. По несчастію, мы еще столько молоды, что сердцамъ нашимъ было бы и смѣшно и стыдно приняться за подобную економію. Благодаря Бога, мы столько богаты чувствами, что еще долго не прожить намъ ихъ и не дожить до того сердечнаго обнищанія, коимъ вы, безъ сомнѣнія, съ собственнаго вашего опыта намъ угрожаете!»

Незнак. *(съ горькою улыбкою)*. Мнѣ очень жаль васъ, любезный молодой человѣкъ! Вы, какъ кажется, не принадлежите къ числу верхоглядовъ, преслѣдующихъ каждый возгарающійся метеоръ невѣжественнымъ удивленіемъ. Васъ томитъ жажда истинно *Прекраснаго!* — Повѣрьте же искренности старика, что етой жажды не утолить тысячѣ *Фонтановъ*, подобныхъ *Бахчисарайскому!...*

Флюгер. *(понизивъ нѣсколько тонъ)*. Но отчего же етотъ *Фонтанъ* такъ вамъ не нравится? Вы, конечно, принадлежите къ партіи антагонистовъ великаго...

Незнак. Я не принадлежу ни къ какой партіи!... Я не въ силахъ даже понять, какъ могутъ существовать партіи въ области Искусствъ Изящныхъ, кои должны быть отглашеніями вѣчной гармоніи! — Для меня понятно существованіе различныхъ школъ художества, отличающихся другъ отъ друга особенными оттѣнками

въ способахъ воплощать единое *прекрасное:* но чтобы сіе различіе могло быть виною раздора и междоусобій въ святилищѣ кроткихъ Харитъ — етаго я не умѣю постигнуть! — Флюгер. И такъ вы не противъ *Пушкина?*...— Незнак. По несчастію — противъ!— Флюгер. Стало-быть вы самый заматорѣлый классикъ?—Незнак. Ничего не бывало! — Флюгер. Неужели же романтикъ? — Незнак. Еще менѣе! — Флюгер. Что же вы за Амфівій?... Ни классикъ, ни романтикъ!... Я не умѣю понять васъ!—Незнак. Я!... просто любитель прекраснаго!... Флюгер. А между тѣмъ прекрасныя творенія *Пушкина* не по вашему вкусу?...—Незнак. Кто вамъ сказалъ ето?... Никто больше меня не любуется цвѣтущею игривостью воображенья, доставшагося *Пушкину* въ столь роскошномъ изобиліи!... Его картины, не смотря на грязныя пятна, коими онѣ обыкновенно бываютъ запачканы, обнаруживаютъ талантъ мощный, богатый... — Флюгер. Талантъ!... Вы слишкомъ скупитесь на выраженія! — говорите искреннѣе: *геній!* — Незнак. Молодой человѣкъ! мнѣ конечно не у васъ учиться искренности и точности выраженій. Я знаю, что я говорю!... *Геній!*... понимаете ли вы всю силу етого слова? — *Я (обращаясь къ незнакомцу).* Позвольте мнѣ, м. г., вмѣшаться въ разговоръ, возбуждающій во мнѣ живѣйшее участіе. Я не смѣю говорить въ слухъ того, что самъ думаю о такомъ необыкновенномъ явленіи литтературнаго нашего міра, каковъ *А. С. Пушкинъ.* Но мнѣ случилось заглянуть въ одинъ изъ нашихъ журналовъ, присвоивающихъ себѣ авторитетъ верховнаго судилища. Тамъ напечатано, помнится такъ: *Сомнѣваюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такіе, которые бы не сознались, что онъ геній. Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда невозможно дѣлать усилій, чтобъ быть стихотворцемъ. Природа создала его поэтомъ...*» Что вы на ето скажете?... — Незнак. То, что сей странный наборъ словъ едва ли понятенъ самому тому, съ чьего пера стекъ онъ. Что такое значитъ: *начать писать въ такихъ лѣтахъ, когда не возможно дѣлать усилій, чтобъ быть стихотворцемъ?* Начать писать слишкомъ рано?... Такъ ето еще не признакъ генія! — Въ противномъ случаѣ пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ намъ такъ забавно почтеннѣйшій дядюшка обсуживаемаго нами теперь Поета, *) былъ бы по всѣмъ

*) Незнакомецъ вѣроятно разумѣлъ прекрасную басню *В. Л. Пушкина,* въ коей Аполлонъ вершитъ судъ свой надъ однимъ пятнадцатилѣтнимъ поетомъ.

признакамъ — *геній!* — Признаюсь, я самъ читалъ статью, на которую вы теперь ссылаетесь; и, не любя притворствовать, долженъ сказать вамъ, что по моему мнѣнію, Авторъ ея врядъ ли имѣетъ понятіе о томъ, что такое *геній*. По его собственному сознанію, *Пушкинъ вступилъ въ планетную систему Байрона*, и слѣдовательно обращается не окрестъ самого себя, а окрестъ высшаго солнца: что же ето за *геній?*... Отличительная черта *генія* есть оригинальная самобытность. Его солнце есть идеалъ вѣчныя *красоты!* Онъ можетъ составлять звено въ планетной системѣ *геніевъ*, обращающихся вокругъ *одного* средоточнаго начала; но никогда не можетъ и не долженъ быть спутникомъ другаго *генія!* — Флюгер. Что же, по вашему мнѣнію, долженъ быть *геній?*... — Незнак. Творческій, зиждительный *духъ*, воззывающій изъ нѣдръ своихъ собственныя, самородныя и самообразныя изящныя формы, для воплощенія вѣчныхъ идей, созерцаемыхъ имъ во всей небесной ихъ лѣпотѣ! — Ето есть — я говорю языкомъ, конечно, извѣстнымъ вамъ! — ето есть... *Deus in nobis!*... — Флюгер. Такъ не ужели вы захотите оспаривать у *Пушкина* зиждительную силу творчества?... Сколько прекраснѣйшихъ поэтическихъ зданій имъ воздвигнуто!... Не онъ-ли сотворилъ *Руслана и Людмилу, Бахчисарайскій Фонтанъ, Кавказскаго Плѣнника?* Не онъ-ли создалъ *Братьевъ разбойниковъ, Цыганъ, Онѣгина?*... — Незнак. И *Графа Нулина?*... Считайте вѣрнѣе! Но позвольте васъ спросить: чья зиждительная десница *сотворила* для васъ етотъ фракъ, отливающій такъ прелестно весеннимъ цвѣтомъ надежды и усѣянный, подобно звѣздному небу, блестящими пуговицами?... Или чьей творческой дланью *созданъ* етотъ пышный жилетъ, роскошествующій всѣми радужными цвѣтами на груди вашей?... — Флюгер. *(съ досадою оскорбленнаго самолюбія)*. М. г.! я не позволю никому смѣяться надо мной безнаказанно! — Незнак. *(съ добродушною улыбкою)*. Но не воспретите конечно любоваться творческимъ искусствомъ *генія*, соорудившаго для васъ столь плѣнительную, столь очаровательную одежду?... Какая восхитительная гармонія въ подборѣ цвѣтовъ! Какое неподражаемое изящество въ отдѣлкѣ! Какой богатый фасонъ!... Наименуйте мнѣ сего великаго зодчаго!... *Сатіасъ* — или *Отто!*... — Флюгер. М. Г.! терпѣніе мое имѣетъ границы! Говорите яснѣе, что вы хотите сказать мнѣ! Ваша иронія становится слишкомъ пересоленною!... Что ето зна-

читъ?... — *Я.* Полно! полно!... Не ужели ты не видишь, что почтенный собесѣдникъ нашъ хочетъ дать тебѣ понять, сколь неумѣстно употреблены тобою выраженія: *творить* и *созидать* — когда дѣло шло о произведеніяхъ *Пушкина?...* (Обращаясь къ незнакомцу.) Не правда ли, что я угадалъ ваше намѣреніе?... — Незнак. Совершенная правда! — Нашъ языкъ очень богатъ: въ немъ для каждаго дѣйствія сыщется особое выраженіе! Самое пріятное филограмовое колечко у насъ *плетется,* а не *творится;* самая роскошная мозаическая тафта *вытыкается,* а не *созидается;* самыя фигурныя балясы *точатся,* а не *сооружаются!...* Ахъ! любезные друзья мои! Для *генія* не довольно смастерить *Евгенія!* — Флюгер. Понимаю!... Ето старинные возгласы школяровъ, уличающихъ *Пушкина* ничтожностью обработываемыхъ имъ предметовъ! — Но и отъ етого упрека — если только онъ можетъ имѣть какую-нибудь значительность — *Пушкинъ* нынѣ освобождается. Вы, конечно, читали Полтаву!... — Незнак. *(хладнокровно).* Читалъ. — Флюгер. И что же? — Незнак. И — ничего!... — *) Флюгер. Какъ — ничего?... Не является ли здѣсь нашъ Поэтъ достойнымъ соревнователемъ, или лучше опаснымъ соперникомъ *Байрона?* — Незнак. Сомнѣваюсь!... Да мнѣ кажется, что и самъ онъ едвали имѣлъ намѣреніе входить въ состязаніе съ *Байрономъ!* По крайней мѣрѣ онъ добровольно отказался отъ удовольствія столкнуться съ нимъ даже въ имени Поемы; и разманивъ насъ *Мазепою,* грянулъ внезапно *Полтавой!...* — Флюгер. Но ето послѣднее названіе предпочтено Поетомъ вѣроятно потому, что оно звучитъ знакомѣе и роднѣе сердцу каждаго Русскаго. *Полтава* есть драгоцѣннѣйшее перло въ вѣнцѣ славы нашего отечества!... Одно имя ея пробуждаетъ въ насъ драгоцѣннѣйшія воспоминанія... — Незнак. Которыя сама Поема опять усыпляетъ!... Странное дѣло!... Въ етомъ поетическомъ зданьицѣ, носящемъ величественное имя *Полтавы,* сама *Полтава* составляетъ такой непримѣтной уголокъ, что его едва и отыскать можно. Описаніе Полтавскаго сраженія, вставленное въ третью пѣснь Поемы, столь маловажно для цѣлаго ея состава, что при совершенномъ уничтоженіи онаго потеряла бы только толщина книжки. Воля ваша, господа!... а мнѣ кажется, что нашъ Байронъ поступилъ бы гораздо

*) «Вѣстникъ Европы» 1829 г., № 9.

лучше, еслибъ удержалъ для своей Поемы имя *Мазепы,* прославленное его принципаломъ. Тогда бъ по крайней мѣрѣ никто не осмѣлился утверждать, что между имъ и *Байрономъ* нѣтъ ни малѣйшаго сходства! — Флюгеръ. А теперь — развѣ вы осмѣлитесь ето сдѣлать?... — Незнак. Не обинуясь ни мало! Я не знаю еще, какъ вы разумѣете *Байрона!...* У насъ объ немъ говорятъ очень много: и все почти безъ толку! Если принять вмѣстѣ съ Авторомъ журнальной статейки, на которую ссылался недавно почтенный вашъ товарищъ, что отличительный характеръ Байронизма состоитъ *въ умѣньи разсказывать съ средины происшествія или съ конца, не заботясь вовсе о спаяніи частей;* то мы можемъ вести счетъ нашимъ Байронамъ дюжинами. Неблагодарная забота *о спаяніи частей* въ наши времена у нашихъ поетовъ, — отнюдь не диковинка!... но *Байронъ,* кажется, имѣлъ кое-что побольше и поважнѣе: и ежели *люди бросились на его поемы, какъ алкающіе въ Аравійской пустынѣ къ источнику ключевой воды;* то вѣрно не по причинѣ царствующаго въ нихъ *безпорядка,* котораго *ужасаются* не одни только *педанты.* У *Байрона* былъ точно геній — и какой геній!... Онъ всегда вѣренъ самому себѣ: и тогда, когда пытается святотатски обнажить дѣвственныя таинства *неба и земли;* и тогда, когда унижается до постыднаго лаянія площаднаго памфлетиста. Вездѣ то же мрачное всененавидѣніе; вездѣ тѣ же безотрадныя картины сиротствующаго бытія, коего летаргическое усыпленіе взрывается только буйными порывами бунтующей жизни. *Байроновы* поемы суть запустѣвшія кладбища, на которыхъ плотоядные коршуны отбиваютъ съ остервененіемъ у шипящихъ змѣй полуистлѣвшіе черепы. Его міръ есть — адъ: и — какое исполинское величіе потребно для Полѵфема, избравшаго себѣ жилищемъ сію безпредѣльную бездну?... Къ чести нашего Поета должно сказать, что подобное величіе ему чуждо. Онъ еще не переросъ скудной мѣры человѣчества: и душа его — даже слишкомъ — дружна съ земною жизнію. Ни отъ одной изъ его поемъ не пышетъ етою могильною сыростью, отъ которой кровь стынетъ въ жилахъ при чтеніи *Байрона.* Его герои — въ самыхъ мрачнѣйшихъ произведеніяхъ его фантазіи — каковы: *Братья разбойники* и Цыгане — суть не дьяволы, а бѣсенята. И ежели иногда случается ему понегодовать на міръ; то ето бываетъ просто — съ сердцовъ, а не изъ ненависти. Какъ же можно сравнивать его съ *Байрономъ?...*

Они не имѣютъ ничего общаго, кромѣ развѣ внѣшней формы изложенія, которая никогда и нигдѣ не можетъ составлять главнаго. Доказательство у насъ предъ глазами. И тотъ и другой написали двѣ поемы, имѣющія предметомъ одного и того же главнаго героя и долженствовавшія даже носить одно и то же имя...» (Далѣе сравнивается Мазепа Байрона съ Мазепой Пушкина. Мазепа Байрона, по словамъ критика, «разстилаетъ гигантскую тѣнь»; а Мазепа Пушкина «есть не что иное, какъ лицемѣрный, бездушный старичишка!»)— *Я.* Но позвольте сказать вамъ, м. г.! что ето самое несходство съ *Байрономъ* въ изображеніи характера *Мазепы* можетъ, кажется, служить къ чести нашего Поета, а не къ укоризнѣ. *Байронъ* точно создалъ своего *Мазепу,* или лучше — созданный имъ идеалъ названъ *Мазепою; Пушкинъ* же, по собственному своему признанію, хотѣлъ только — *развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно историческаго лица;* и слѣдовательно долженъ былъ заключиться въ тѣсныхъ рамкахъ неблагодарной достовѣрности. — Незнак. Хорошо бы, когда бъ такъ!... Но если бы *Мазепа* былъ дѣйствительно таковъ, каковымъ онъ представленъ въ Поемѣ *Пушкина;* то я не знаю, стоилъ ли бы онъ поетической обработки?... Лѣпить горшки можно изъ всего: но — изъ простой печной глины выработывать прекрасную статую, назначаемую для украшенія святилища Музъ, было бы — безрасудно и смѣшно!— И такъ *Пушкинъ* — или неудачно выбралъ, или... неудачно — выполнилъ!...— Флюгер. Послѣднее невозможно!... Можетъ-ли *Пушкинъ* выполнить неудачно то, за что примется?...— Незнак. И не *Пушкины* надрывались тогда, когда брали дѣло не — по силамъ! — Флюгер. Не по силамъ?... Гдѣ я?... не въ землѣ ли Коряковъ и Чукчей?... — Незнак. *(улыбаясь).* Молодой человѣкъ! будьте скупѣе на риторическія фигуры!... Что удивительнаго находите вы въ словахъ моихъ?... Въ мірѣ все устроено по числу, мѣрѣ и вѣсу: каждая сила имѣетъ свой кругъ, свой масштабъ, свои пропорціи. Что жь мудренаго, если и для духа человѣческаго, на какой бы степени ни стоялъ онъ — одно по силамъ, а другое не по силамъ?... Самому великому Ломоносову не по силамъ было епическое величіе вѣка Петрова: а — *Мазепа* есть не послѣднее созвѣздіе въ планетной системѣ сего незападающаго солнца!... Самое проклятіе, тяготѣющее надъ его па-

мятью, обличаетъ въ немъ силу характера, коей для истиннаго величія недоставало только достойнаго направленія: старыхъ волокитъ награждаютъ не проклятіями, а — жалкимъ пожатіемъ плечъ и презрительнымъ смѣхомъ!... Грѣшно было бы думать, *что не было ни отчизны, ни свободы* для человѣка, утѣшавшаго себя сею мыслію:

Нехай вѣчна будетъ слава,
Же презъ шаблю маемъ права!

Я. Но историческая достовѣрность?... Незнак. Я цитовалъ вамъ теперь собственныя слова *Мазепы*... Ето стоитъ, кажется — слуховъ! — Но у насъ есть другія очевиднѣйшія свидѣтельства, доказывющія, что пѣвецъ Полтавы не слишкомъ много стѣснялся историческою достовѣрностію!... Не говорю о героинѣ Поемы, которая не сохранила даже подлиннаго своего имени, бывъ перекрещена изъ *Матрены* въ *Марію,* въ силу поетическаго самоуправства. Что такое *Кочубей?*... Не самообрекшаяся жертва вѣрности къ престолу и любви къ отечеству, а злобный, мстительный старикъ, затѣявшій доконать вѣроломнаго кума, во что бы то ни стало, и не умѣвшій скрасить послѣднихъ минутъ своихъ ни благородною твердостью невинности, ни всепрощающимъ смиреніемъ любви Христіанской! — Что такое *Карлъ XII?*... Извольте слушать (приводится выдержка изъ Полтавы, начинающаяся стихомъ:

«*Онъ мальчикъ бойкій и отважный*» и кончающаяся стихомъ: «*Сломить ему свои рога!*»).

Что такое самъ Петръ — Великій Петръ?...

Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы!

А!... каковы портреты!... Подумаешь, что дѣло идетъ о *Фарлафѣ* и *Рогдаѣ!* И всему виной — историческая достовѣрность? Не гораздо-ли естественнѣе догадаться, что Пѣвецъ *Руслана* и *Людмилы* просто *зарубилъ дерево не по себѣ?* Подобные гротески въ своемъ мѣстѣ посмѣшили бы конечно въ сладость; но здѣсь онѣ, право, возбуждаютъ сожалѣніе!... Флюгер. Какое же понятіе вы имѣете о чародѣйской Музѣ *Пушкина?*... — Незнак. Самое настоящее! ни болѣе, ни менѣе, какъ чтó она въ самомъ дѣлѣ! Ето есть,

по моему мнѣнію, рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копейку. Ея стихія — пересмѣхать все — худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто — изъ охоты позубоскалить. Ето-то сообщаетъ особую фѵзіономію поэтическому направленію *Пушкина,* отличающую оное рѣшительно отъ *Байроновой* мисанѳропіи и отъ *Жан-Полева* юморизма. Поезія *Пушкина* есть *просто — пародія.* Нечего Бога гнѣвить!.. что правда то правда!.. мастеръ посмѣяться и посмѣшить... когда только, разумѣется, знаетъ честь и мѣру! — И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то *Пушкина* можно назвать по всѣмъ правамъ геніемъ — *на каррикатуры!..* Пускай спорятъ прочіе: *Бахчисарайскому* его *Фонтану* или *Цыганамъ* принадлежитъ первенство между произведеніями *Пушкина?* По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть — *Графъ Нулинъ!..* ***Я** (съ изумленіемъ). Графъ Нулинъ!..* Что вы говорите!.. — **Незнак.** Да! да! *Графъ Нулинъ!* — Здѣсь Поетъ находится въ своей стихіи: и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи. За симъ слѣдуетъ непосредственно *Русланъ и Людмила.* Какое обиліе самыхъ уродливыхъ гротесковъ, самыхъ смѣшныхъ каррикатуръ! Истинно — животики надорвешь!... — **Флюгер.** У меня не станетъ силъ болѣе!... А *Бахчисарайскій Фонтанъ?* а *Кавказскій плѣнникъ?* а *Братья разбойники?* а *Цыгане?* а *Полтава?* Ето все также — *пародіи?...* — **Незнак.** Безъ сомнѣнія не *пародіи!* и — тѣмъ для нихъ хуже!.. Но между тѣмъ во всѣхъ ихъ проскакиваетъ болѣе или менѣе характеристическое направленіе Поета — даже, можетъ быть, противъ собственной его воли. Ето конечно и неудивительно! Привыкши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный видъ, не измѣняя самому себѣ: вѣроломныя гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддѣльной сановитости. За примѣрами не за чѣмъ ходить далеко: развернемъ *Полтаву!...* На чемъ движется весь поетическій машинизмъ сей Поемы, назначенной, по предположенію самого Поета, увѣковѣчить *одно изъ самыхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго?..* Основное колесо ея есть непримиримая ненависть *Мазепы* къ Полтавскому Герою: и чѣмъ же заблагоразсудилось завесть ето колесо нашему Поету?.. Послушаемъ, какъ разглагольствуетъ объ етомъ самъ Мазепа (приводится отрывокъ, начинающійся стихомъ: «*Нѣтъ поздно. Русскому Царю*»... и кончающійся — «*Младенца носитъ. Срокъ насталъ*»). И отъ этихъ

усовъ — столько шуму!... Ай да *усы!..* Ето былъ бы кладъ для покойнаго *выворачивателя Енеиды на изнанку!* — Хотите ли имѣть понятіе объ епохѣ, изъ которой заимствована Поема?...

Была то смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ не-жданый и кровавый
Задалъ ей Шведскій Паладинъ.

Ета аллегорія въ прозаическомъ переводѣ значитъ, что Карлъ XII не одинъ разъ *сѣкалъ Россію до крови.* Можетъ быть, Поетъ совсѣмъ не думалъ шутить, употребивъ сіе слишкомъ памятное для молодыхъ людей сравненіе; но для насъ стариковъ — подобныя воспоминанія не столько больны, сколько забавны! — Вамъ желательно видѣть послѣ Полтавскаго боя етаго *Карла?* Милости просимъ полюбоваться!

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ,
Огонь козачій пламенѣлъ.
Пшеницу козаки варили;
Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ».

Надобно же имѣть богатый запасъ веселости, чтобы заставить *Карла* въ столь роковыя минуты такъ бурлацки покрикивать надъ ухомъ несчастнаго Гетмана! Жаль однако, что ета неистощимая веселость выступаетъ иногда изъ предѣловъ!.. Описаніе *палача, гуляющаго по роковому помосту съ алчнымъ ожиданіемъ и веселостью* — есть лучшее мѣсто изъ всей Поемы — по живописной вѣрности!!! Но каково хладнокровное самоуслажденіе, съ коимъ оно начертано!

Топоръ блеснулъ съ размаху
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, *мигая.*
Зардѣлась кровію трава —

И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ *поймалъ* ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Нѣтъ ужъ, право! Надобно имѣть слишкомъ много стоическаго безстрастія, чтобы шутить подобными зрѣлищами! — Равнымъ образомъ — ни то смѣхъ, ни то горе возбуждаетъ ночное появленіе сумасшедшей *Маріи* пробужденному отъ безсонницы *Мазепѣ*.

Послушай: хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову — Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: ета голова
Была совсѣмъ *не человѣчья*,
А *волчья* — видишь: какова!...

Ну — что ето такое!...

И съ дикимъ смѣхомъ *завизжала*...

Фай!... етакъ говорятъ только объ обваренныхъ собакахъ!... Бѣдная *Матрена-Марія!*... Ея сумасшествіе возбуждаетъ сожалѣніе — но не объ ней, а о... Поетѣ!... — Флюгер. Поберегите ето сожалѣніе для самихъ себя!... Ваше предубѣжденіе противъ *Пушкина* заставляетъ васъ находить однѣ пятна въ етомъ блистательномъ солнцѣ литтературнаго нашего міра. Но вы не осмѣлитесь, конечно, оспоривать у него *естественности*... — Незнак. И очень осмѣлюсь!... Естественно ли, напр., что семидесятилѣтній старикъ, который, по словамъ самого же Поета,

...Не любитъ ничего —

на порогѣ гроба

...Вѣдаетъ любовь?...

И какую же любовь?... *Раскаленную!*... Говоритъ, правда, Русская пословица: *сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро!* Но — подобные фарсы развѣ называются любовью?... Да и пусть бы ето

было возможно! — Статочное-ли дѣло, чтобы етотъ бѣлоусый Селадонъ, который, по собственному своему признанію, любилъ *Марію*

...больше славы, больше власти —

пожертвовалъ такъ безчеловѣчно отцемъ ея и рѣшился осудить его на пытку — для удовлетворенія низкому корыстолюбію? Я не говорю уже ничего о любви самой *Маріи* — хотя собственный горькій опытъ давно удостовѣряетъ меня, что

...старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые —

рѣдко, очень рѣдко

Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты!

Флюгер. Но — *народность* — *народность,* которою дышетъ *Полтава!*... — Незнак. И етотъ духъ для меня мало слышенъ!... Друзья мои! *Народность* не состоитъ въ искусствѣ накидывать Русскія пословицы и поговорки, гдѣ ни попало! А иначе *Иванъ Выжигинъ* былъ бы самымъ *народнѣйшимъ* произведеніемъ!... Чтобы быть *народнымъ,* надобно уловить *духъ* народный: а онъ — не продается, подобно газамъ, въ бутылкахъ!... — Флюгер. Но что скажете вы о прекрасномъ отвѣтѣ *Кочубея Орлику?* — Незнак. Что хорошо, то хорошо! — Флюгер. А прекрасное описаніе гонца, посланнаго къ Петру *Кочубеемъ?*... — Незнак. Очень недурно!... — Флюгер. А изображеніе Петра предъ Полтавской битвой?... — Незнак. Стóитъ всей Поемы!... — Флюгер. И послѣ всего етаго?... — Незнак. И послѣ всего етаго — ничего!... Я не мастеръ опредѣлять есѳетическое достоинство произведенія *по числу долъ* чистаго поетическаго метталла, заронившагося нечаянно въ смѣсь, изъ которой оно составлено: и будь хоть ихъ *восемдесятъ четыре* въ составѣ Поемы — я никогда не приму ее за *чистое* золото. Ето предоставляется людямъ болѣе искуснымъ въ литературной ариѳметикѣ!... — Флюгег. И такъ, по вашему мнѣнію, *Полтава*.. — Незнак. По моему мнѣнію — *Полтава* есть настоящая Полтава для *Пушкина!* Ему назначено было *здѣсь* испытать судьбу Карла XII!... И — какая чудная аналогія! Сѣверный Александръ, про-

игравъ Полтавское сраженіе, пустился въ ребяческіе фарсы, недостойные его генія и славы: онъ вцѣпился Великому Визирю въ бороду, разорвалъ шпорами его платье и, какъ упрямое дитя, отбивался и руками и зубами отъ исполнителей воли Султана, утомившагося наконецъ зѣвать на закатившееся свѣтило. Карлъ XII литературнаго нашего міра точно также изволитъ забавляться послѣ *Полтавы:* онъ ударился въ язвительные стишонки и ругательства!... Одна только небольшая разница! Еще доселѣ, по увѣренію самого пѣвца *Полтавы,*

Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.

Ето суть тѣ, съ которыхъ

...отражалъ *герой безумный*
Одинъ въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумной!

Переживутъ ли нашего героя два или три камешка, пущенные имъ изъ Телеграфической пращи — ето еще пока дѣло нерѣшенное!... Несомнительно одно только то, что онъ самъ уже *познаѣтъ свой западъ:* ибо — принимается стоять самъ за себя, не жалѣя ногтей и зубовъ! Поздравляемъ!... — *Я.* Но неужели вы не отдадите чести и языку *Полтавы?...* Будьте справедливы!... — Незнак. О языкѣ *Пушкина* вообще говорить нечего!... Между тѣмъ я долженъ таки опять сказать, что, и въ отношеніи къ наружной отдѣлкѣ, его *Полтава* несравненно ниже всѣхъ прочихъ его произведеній. Стиховъ прозаическихъ и вялыхъ такое множество, что не вѣришь: Пушкинъ ли полно писалъ ихъ? Для образца можно прочесть теперь... чтобы напримѣръ?... Ну! хоть вотъ отвѣтъ *Мазепы* на обвиненія *Кочубея:*

Мазепа въ горести притворной,
Къ царю возноситъ гласъ покорной.
И знаетъ Богъ и видитъ свѣтъ:
Онъ бѣдный Гетманъ двадцать лѣтъ
Царю служилъ душею вѣрной;
Его щедротою безмѣрной...

Что-то будто Славянское!

Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, *дивно вознесенъ*...
О какъ слѣпа, безумна злоба!...
Ему ль теперь у двери гроба
Начать *ученіе измѣнъ*...

Витіевато! очень витіевато!

И потемнять *благую* славу...
Не онъ ли *помощь* Станиславу
Съ негодованьемъ *отказалъ?*

У насъ, кажется, можно *отказывать что-нибудь* только въ завѣщаніяхъ послѣ смерти! Но куда, правда, соваться намъ съ подобными замѣчаніями, когда въ Полтавѣ — *самъ Мазепа сваталъ свою крестницу и былъ отказанъ?*...

Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ и письма *тайны*...

Вѣрно усѣченія опять входятъ въ моду!...

Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ ли *наущеньямъ* Хана
И Цареградскаго Салтана
Былъ *глухъ?*

Кажется, можно быть *глухимъ къ чему-нибудь,* а не чему-нибудь!

Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго Царя,
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!...
И съ *кровожадными* слезами,
Въ *холодной дерзости* своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй...

Я ужъ не знаю, какой *воды* показались ети жемчужины литтературнымъ нашимъ оцѣнщикамъ! — Въ глаза также бросается неудачное покушеніе поддѣлываться подъ тонъ простонароднаго разговора, обличающее себя нерѣдко въ *Полтавѣ;* напримѣръ:

Нѣтъ, вижу *я*, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Расчетъ и дерзкой *и плохой,*
И въ немъ не будетъ *благодати.*
Пропала, видно *цѣль* моя.
Что дѣлать? далъ я *промахъ важной.*

ѣто говоритъ — *Мазепа,* Гетманъ Малороссійскій!... Но то ли , правда, говоритъ онъ!... Какова покажется вамъ ета апоф-ıа, коею *Мазепа* приправляетъ свой паѳетическій монологъ:

Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.

я ли *вульгарнѣе* выразиться о блаженномъ состояніи супру-кой жизни?... Жаль лишь, что всю силу етой слишкомъ *народ*- поговорки вполнѣ можетъ чувствовать не вся Русская чернь, олько — *Архангелогородская!* — Или еще уродливѣе и смѣшнѣе:

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа: *въ оны дни,*
Какъ солью, хлѣбомъ и *елеемъ,*
Дѣлились чувствами они.

У насъ на Руси — *хлѣбъ* точно не разлученъ съ *солью*; но о ъ упоминается только вмѣстѣ съ *виномъ* — да и то въ однихъ гцахъ!... Не говорю о многихъ другихъ выраженіяхъ, извиняе-ъ *обычнымъ* своеволіемъ нашего Поэта. Такъ напр., Карла XII называетъ *любовникомъ бранной славы:* иной проказникъ, для должненія аллегоріи, пожалуй скажетъ, что нашъ Петръ при-лъ *рога* этому волокитѣ. Но я не знаю, что подумать о по-ныхъ емфатическихъ фразахъ:

Ты проклянешь и день и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ часто чашу
Тебѣ я полну наливалъ;
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!

Ето ужь — ни то слишкомъ *малярно,* ни то слишкомъ *марально!* очѳ можно примѣтить, что и языкъ *Пушкина,* ета острая бритва инаетъ иззубриваться!... — Флюгер. Но... — Незнак. *(Вы-*

нимая свои часы). Но... я примѣчаю, что и такъ уже заговорился съ вами слишкомъ долго. Простите болтливости старика!... Одно только служитъ мнѣ извиненіемъ, что языкомъ моимъ управляла истина и желаніе быть вамъ полезнымъ. Достигъ ли я своей цѣли — не знаю! Прощайте!... — *Я (удерживая его)*. Но вы, по крайней мѣрѣ, скажете намъ свое имя!... — Незнак. *(Улыбаясь)*. Мое имя? На что вамъ знать его?... Оно совсѣмъ неизвѣстно въ литтературномъ Адресъ-календарѣ нашемъ! Я — *Пахомъ Силичъ Правдивинъ*, отставной корректоръ ....овской Университетской Типографіи. Вотъ весь мой послужной списокъ!... — *Я*. Позвольте же, почтеннѣйшій Пахомъ Силичь, попросить мнѣ у васъ позволенія обременить васъ моимъ посѣщеніемъ. Ваши разговоры такъ... — Незнак. Безъ комплиментовъ! безъ комплиментовъ!... Милости просимъ!... Я къ вашимъ услугамъ. Моя квартира *у Спаса въ Чигасахъ за Яузою*, въ домѣ мѣщанина Иванова. Прощайте!... Тутъ Пахомъ Силичь пожалъ намъ обоимъ руки и вышелъ — «Каковъ старичокъ-то?» сказалъ я *Флюгеровскому*. — Вандалъ! — отвѣчалъ онъ съ негодованіемъ. — «По крайней мѣрѣ — не временъ Гензериковыхъ!» перервалъ я съ усмѣшкою. — Мнѣ надобно также домой! сказалъ *Флюгеровскій*, посмотрѣвъ на часы. Етотъ старикъ задержалъ насъ такъ долго враньемъ своимъ!... Мы вышли. Разставаясь на булеварѣ, я сказалъ *Флюгеровскому*: «Какъ ты думаешь приятель! Мнѣ приходитъ въ голову напечатать разговоръ нашъ!» — Съ умомъ ли ты! — отвѣчалъ онъ: — Такія дерзкія выходки противъ величайшаго изъ нашихъ Поетовъ!... — «Е! е!» возразилъ я: Ето-то не великое дѣло! Я могу опереться на собственный же стихъ *Пушкина:*

Тутъ не лице, а только литтераторъ!

Сверхъ того *Александру Сергѣевичу* безусловныя похвалы вѣрно прискучили. Можетъ быть, и голосъ истины будетъ ему приятенъ — по крайней мѣрѣ для разнообразія!» — Какъ ты хочешь, отвѣчалъ мой приятель: но только меня не путай сюда, пожалуйста! — «Передамъ все какъ было» сказалъ я: «Повѣрь, что если кому за ето достанется, такъ ужъ вѣрно не тебѣ! — Прощай! Будь здоровъ и покоенъ!»

Возвратившись домой, я сдержалъ свое слово. Что будетъ, то будетъ!... Утѣшаюсь, по крайней мѣрѣ, тою мыслію, что ежели пѣвцу *Полтавы* вздумается швырнуть въ меня епіграммой — то ето будетъ для меня *незаслуженное* удовольствіе!

Съ Патріаршихъ прудовъ.

* * *

*) Новая Поэма Пушкина *Полтава*, болѣе чѣмъ прежнія Поэмы его, произвела разногласныхъ мнѣній и споровъ между читателями и критиками. По мнѣнію многихъ, Поэтъ нашъ въ Полтавѣ является мужественнѣе и сильнѣе, съ болѣе глубокимъ знаніемъ сердца и обширнѣйшими видами, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ; нѣкоторые обнаружили противное мнѣніе. Одни полагаютъ, что выгоднѣе было бы для Поэмы характеры дѣйствующихъ лицъ измѣнить и возвысить по идеалу, чѣмъ стѣснить себя историческою вѣрностью, какъ сдѣлалъ Пушкинъ; другіе думаютъ, что показанный Пушкинымъ опытъ соединенія Исторіи съ Поэзіей, есть именно тотъ родъ, который наиболѣе сходственъ съ духомъ нашей народной Поэзіи; третьи напротивъ говорятъ, что въ Поэмѣ Пушкина «всякое лице имѣетъ свой характеръ, но только не такой какъ намъ представляетъ Исторія, и слѣдовательно Историческія событія разногласятъ съ вымышленными характерами».

Рѣшить споры о Поэмѣ и опредѣлить ея достоинство въ отношеніи эстетическомъ есть дѣло людей опытныхъ въ критикѣ изящнаго; но показать противное послѣднему изъ вышеприведенныхъ мнѣній можетъ всякій, кто съ размышленіемъ читалъ Исторію Малороссіи. Руководствуясь оною, я намѣренъ въ сей статьѣ разобрать главнѣшія возраженія, сдѣланныя критиками противъ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ въ Поэмѣ.

Сначала скажемъ о характерѣ Мазепы, какъ главнаго лица.

Говорятъ: *Мазепа* въ Поэмѣ жестоко обруганъ, но «*не представленъ въ томъ видѣ, какимъ представляетъ его Исторія. Одна дума, сочиненная Мазепою* и напечатанная въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго, *сильнѣе рисуетъ характеръ Мазепы, не-*

*) «Атеней» 1829 г., № 6 (іюнь). «О Поэмѣ Пушкина *Полтава* въ историческомъ отношеніи.» М. Максимовичъ.

жели всѣ эпитеты, данные ему Авторомъ Поэмы». И такъ, по мнѣнію критика, Мазепа былъ Патріотъ. Но развѣ такимъ представляетъ его Исторія? Совсѣмъ нѣтъ! Всѣ его дѣйствія нисколько не показываютъ въ немъ самоотвержительной любви къ Малороссіи; Исторія представляетъ въ немъ хитраго, предпріимчиваго честолюбца и корыстника, который готовъ былъ ничѣмъ не пощадить *для себя*, обличаетъ въ немъ характеръ несовмѣстный съ высокою любовію къ отечеству. Пушкинъ понялъ совершенно и объяснилъ сей характеръ, представивъ оный въ слѣдующихъ стихахъ:

«Кто снидетъ въ глубину морскую», *и т. д.*

кончая стихомъ:

«Что нѣтъ отчизны для него».

Портретъ сей, принадлежащій къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, такъ вѣренъ, что почти на каждый стихъ (если бы было нужно) можно привести подтвердительныя событія. Но довольно указать и на нѣкоторыя, кои представляютъ намъ Мазепу въ настоящемъ его видѣ, и въ противуположность коимъ нѣтъ почти ни единаго добраго дѣла, коимъ хотя нѣсколько просвѣтилась бы темнота души его. Мазепа, выжитый Польскими Панами за волокитство изъ Варшавы, гдѣ получилъ блестящее образованіе, принятъ Самойловичемъ въ домъ и былъ 6 лѣтъ учителемъ его дѣтей. Послѣ того Гетманъ Самойловичъ избавилъ его отъ Сибири, за преданность Дорошенкѣ, вывелъ его въ люди и всегда отличалъ его. Но когда Голицынъ, любимецъ Софіи, такъ неуспѣшно совершилъ безразсудный походъ свой противъ Татаръ, то Мазепа, дабы угодить Голицыну и оправдать его, всю вину неудачи сложилъ на Гетмана Самойловича, оклеветалъ его, сочинилъ доносъ и тѣмъ погубилъ своего благодѣтеля и его семейство; послѣ чего купилъ себѣ у Голицына Гетманство. Но когда упалъ сей вельможа, Мазепа не преминулъ донесть Петру о взяткахъ, кои бралъ съ него Голицынъ, и различными происками, унижая другихъ и выставляя только себя, при помощи Головкина, онъ вкрался въ любовь Государя и пользовался его неограниченною довѣренностью, въ которой Петръ уже поздно раскаявался. Чтобы завладѣть сокровищами удалаго и для него опаснаго Палѣя,

Мазепа зазвалъ его къ себѣ, заключилъ въ темницу, а потомъ сослалъ въ ссылку; чтобъ погубить Миклашевскаго и Мировича*), онъ заставилъ ихъ съ горстью казаковъ защищать крѣпости противъ сильныхъ отрядовъ; требовалъ казни отца своей любовницы — Кочубея и Искры за справедливый на него доносъ. Послѣ того Мазепа соединяется съ Карломъ противъ Петра; но видя неудачу свою, опять обращается къ Петру съ предложеніемъ предать Карла. Напрасно предполагать, чтобы такія преступныя дѣйствія клонились къ освобожденію Малороссіи для ея блага: онъ не имѣлъ того въ виду, и хотѣлъ сдѣлать ее независимою для себя, свою независимость хотѣлъ утвердить онъ, завладѣвъ Малороссіей. Доказательствами послужитъ то, что онъ никогда не соблюдалъ выгодъ Малороссіи и грабилъ ее; что онъ не имѣлъ, да кажется и не старался пріобрѣсть любви народной, и до того былъ нетерпимъ Малороссіянами, что, вступая въ Гетманство, долженъ былъ выговорить стрѣлецкій полкъ для охраненія своей личности и послѣ на своемъ иждивеніи содержалъ гвардію изъ Заднѣпровской вольницы и Волоховъ. Самое *нечестное* сватовство его и связь съ дочерью Кочубея Матреною (Маріею)—своею крестницею, родная сестра коей была за его племянникомъ Обидовскимъ, показываетъ сколько онъ уважалъ мнѣніемъ Малороссіянъ, до чрезвычайности приверженныхъ къ своимъ обычаямъ. Что жъ касается до думы его, то ее равно какъ и другую пѣсню Мазепы*), подъ именемъ *чайки* извѣстную, едва ли можно принимать за чистую монету. Положимъ даже, что въ молодости

Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда судьба его не знала —

Подлинно *утѣшалъ себя* мыслію:

Нехай вѣчна буде слава
Же презъ шаблю маемъ права!

Но коль скоро открылись виды и пути къ его честолюбію, онъ забылъ свою отчизну, если только Малороссія, а не *Польша* была

*) Сей Мировичъ былъ противникъ другихъ преданныхъ Мазепѣ Мировичей, предковъ извѣстнаго мятежника.

**) По преданіямъ болѣе другихъ вѣроятнымъ.

его родиной. Съ большею однакожь справедливостію, кажется, полагать должно, что Мазепа, обладая даромъ стихотворства и *умѣя разгадывать сердца,* слагалъ пѣсни сіи и утѣшалъ сими мыслями вольнолюбивыхъ и недовольныхъ Козаковъ. Такъ и Король Польскій Владиславъ, для возбужденія Козаковъ противъ Польши, писалъ къ нимъ: *Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете, кто же вамъ за себя стать воспрещаетъ?* Здѣсь нѣтъ Патріотизма, но желаніе Владислава усилить Королевскую власть свою, въ то время уже ослабѣвшую въ Польшѣ; и письмомъ симъ воспользовался Хмельницкій для освобожденія Малороссіи отъ Поляковъ.

Для критиковъ страннымъ кажется еще гнѣвъ Мазепы на Петра за то, что онъ схватилъ его за усы — *за эту шутку!* Но это было совсѣмъ не въ шутку, и Петръ схватилъ за усы, или по словамъ другихъ, далъ пощечину Мазепѣ, не просто какъ Ивану Степанычу, но какъ Гетману Малороссійскому, съ угрозой.

Я слово *смѣлое* сказалъ.
Смутились гости молодые;
Царь вспыхнулъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь, въ безсильномъ гнѣвѣ
Отмстить себѣ я клятву далъ...

Такъ говоритъ и Исторія. Мазепа приближеннымъ своимъ открывалъ гнѣвъ свой и ненависть къ Петру; въ возмутительной рѣчи своей къ войскамъ казачьимъ, онъ говорилъ о сей обидѣ, какъ объ оскорбленіи Малороссіи Царемъ даже въ лицѣ Гетмана. Нѣтъ сомнѣнія, что Мазепа, поднявши знамя бунта для другой цѣли, хотѣлъ вмѣстѣ и отмстить Петру за свою личную обиду.

Что касается до Кочубея и Искры, то мука и погибель ихъ за справедливый доносъ конечно возбуждаютъ состраданіе къ нимъ и ненависть къ вѣроломному, неправедно восторжествовавшему тогда Гетману. И кто бы не пожелалъ отвергнуть безпристрастную Исторію, чтобы вмѣстѣ съ критиками, почтить ихъ именами героевъ? Но прочтите въ 3-мъ томѣ Исторіи Бантышъ-Каменскаго доносъ, вопросы и отвѣты, и вы увидите, что только судіи пристрастные къ Мазепѣ, а не собственное величіе Кочубея, возложили на него вѣнецъ страдальческій. Малороссійская Исторія нигдѣ не предста-

вляетъ его своимъ *героемъ*, какіе были и прежде Кочубея и послѣ. Искра также является *не героемъ*, но только страдальцемъ *правоты*.

Исторически извѣстно, что вражда Кочубея съ Мазепою возникла еще болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до заговора Мазепы, до похищенія Матрены, и по всему заключить можно, что жажда мести въ Кочубеѣ была главнымъ побужденіемъ къ доносу. Посему Пушкинъ совершенно правъ, представя въ Кочубеѣ оскорбленнаго отца, а не Патріота.

Обвиняютъ Пушкина въ томъ, что онъ представилъ дочь Кочубея дѣйствительно влюбленною въ Мазепу, не вѣрятъ, да и вѣрить не хотятъ, чтобы она могла влюбиться въ старика, и полагаютъ что она всѣмъ пожертвовала не изъ любви къ Мазепѣ, *но изъ тщеславія, въ надеждѣ быть первою въ Малороссіи— Панею Гетманшею.* Любовь сія есть конечно необыкновенное, нельзя сказать однакожъ небывалое, явленіе, по крайней мѣрѣ въ Матренѣ не подлежащее сомнѣнію. Мы не отрицаемъ любви въ образованной Венеціянкѣ Дездемонѣ къ черному Мавру, плѣнившему ее простодушными разсказами о своихъ подвигахъ. Тѣмъ болѣе влюбленный въ Матрену, образованный, краснорѣчивый, вкрадчивый въ сердца и опытный въ дѣлахъ любви Мазепа, могъ привлечь сердце юной пламенной Украинки и завладѣть имъ. Онъ могъ своею любовью, своими расказами возбудить въ ней участіе къ себѣ, уваженіе, могъ даже пробудить въ ней и честолюбіе; но все это перешло наконецъ въ любовь, которая одна только и могла заставить ее пренебречь всѣмъ, покинуть домъ отцовскій и отдаться Мазепѣ; ибо, что за честь быть наложницею Гетмана, особливо при тогдашнемъ образѣ мыслей? А что ей не представлялась иная доля и не было надежды быть Гетманшею, это видно изъ писемъ Мазепы, который ясно открывалъ ей будущую участь:

«Мое серденько! Опечалился я, услышавъ отъ дѣвки, что ты гнѣваешься на меня за то, что я не оставилъ тебя у себя, а отослалъ домой. Разсуди сама, что бъ изъ того вышло. Первое, родственники твои разгласили бы по всему свѣту: взялъ у насъ ночью насильно дочь и держитъ у себя вмѣсто наложницы! Другая причина, что, державши тебя у себя, я никакъ бы не могъ *вытримати,* да и ты тожъ; мы бъ принуждены были жить какъ супруги, а потомъ пришло бы неблагословеніе и проклятіе отъ Церкви, чтобы намъ не жить съ тобою...»

Въ другомъ письмѣ *) онъ пишетъ:

«Тяжко соболѣзную о томъ, что не могу съ тобою подробно поговорить, какую отраду сдѣлать тебѣ въ теперешней печали; что потребуешь, скажи все этой дѣвкѣ; наконецъ, если они, твои проклятые, тебя отрекаются, иди въ монастырь, а я буду знать, что тогда съ тобою дѣлать...»

Самому вымыслить такую чудную любовь было бы нѣсколько смѣло; но нашедши въ Исторіи, Пушкинъ долженъ былъ воспользоваться ею.

Наконецъ еще одно нападеніе на характеры въ Поэмѣ Пушкина, а именно на слѣдующіе, относящіеся къ Карлу XII-му стихи:

«Ошибся въ этомъ Карлѣ я!» и т. д.

кончая стихомъ:

«Какъ дѣва робкая».

Не знаю, что здѣсь страннаго показалось критикамъ? Отъ себя Пушкинъ говоритъ о Карлѣ иначе; а это слова Мазепы, который, соединясь съ Карломъ, и узнавъ его ближе, увидѣлъ, что онъ *Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ*, перемѣнилъ о немъ свое прежнее мнѣніе; и въ правѣ ли былъ обманувшійся шестидесяти-лѣтній старикъ назвать *мальчикомъ бойкимъ и отважнымъ* юнаго героя въ ту ночь, когда Карлъ въ запальчивости *обмѣнялъ рану на рану*? Извѣстно, что онъ поѣхалъ съ двумя гвардейцами своими на рекогносцировку нашего лагеря, и, наскакавъ на нѣсколькихъ козаковъ, самъ *свалилъ* одного изъ нихъ; козаки стали стрѣлять по немъ, и одинъ гвардеецъ былъ убитъ; а Король тяжело раненъ въ ногу. Это было наканунѣ роковаго сраженія, и какъ же иначе, какъ не хвастовствомъ или удальствомъ (примѣръ коего не разъ видимъ въ Карлѣ), назвать сей запальчивый и безразсудный поступокъ, въ коемъ Карлъ рисковалъ быть убитымъ, и который много отнялъ духу бодрости у Шведскихъ войскъ во время битвы, по признанію какъ Шведскихъ, такъ и другихъ писателей.

Сіи слова, какъ мнѣ кажется, тѣмъ еще естественнѣе, что Мазепа говоритъ ихъ раболѣпной твари своей, Орлику, въ злобѣ на

---

*) Въ приложеніяхъ къ 3 тому Исторіи Бантышъ-Каменскаго напечатаны на Малороссійскомъ языкѣ 12 сихъ любопытныхъ писемъ Мазепы къ своей любовницѣ.

свою неудачу, слагая всю вину оной на Карла, который въ свою очередь также обманулся, слишкомъ положась на помощь, которую обѣщалъ ему Мазепа и, сверхъ чаянія своего, не могъ доставить. Извѣстно, что въ побѣгѣ своемъ послѣ битвы, переправляясь черезъ Днѣпръ на рыбачьихъ лодкахъ и прощаясь съ Левенгауптомъ, Карлъ сказалъ Мазепѣ со вздохомъ: *ты, Мазепа, погубилъ меня и войско мое своими обнадеживаніями!*

Изъ всего сказаннаго, кажется, очевидно, что характеры дѣйствующихъ лицъ въ Поэмѣ Пушкина совершенно таковы, какими представляетъ ихъ Исторія; и если находится противорѣчіе Поэмы съ Исторіею, то не въ характерахъ лицъ, а въ томъ только, по моему мнѣнію, что Украинцы — *друзья кровавой страны,* не желали соединиться съ Шведомъ противъ Россіи *и не ждали нетерпѣливо Карла,* какъ говоритъ Пушкинъ. Малороссіяне, приверженные къ Греческому Исповѣданію, всегда предпочитали единовѣрныхъ Москвитянъ *бусурманамъ* — Шведамъ, не говоря уже о *нехристяхъ* — *Туркахъ* и *жадливыхъ* Ляхахъ. Во время пребыванія Шведскихъ войскъ въ Украйнѣ, Малороссіяне до половины истребили ихъ; а когда Мазепа развивъ знамя бунта, объявилъ, что онъ отлагается отъ Россіи и соединяется съ Шведомъ, то войска оставили его. *)

М. Максимовичъ.

* * *

**) Графъ Нулинъ: *Повѣсть* (въ стихахъ) *Александра Пушкина,* напечатанная вмѣстѣ съ повѣстью *Балъ, Г. Баратынскаго.* СПб. 1828, въ 12 д. л. 32 стр. тип. Департ. Нар. Просвѣщенія.

Дѣло, кажется, самое простое: былъ мужъ, помѣщикъ, собачій охотникъ, какихъ у насъ много; была жена, воспитанница благороднаго пансіона Эмигрантши Фальбала, *Наталья Павловна,* какихъ также у насъ не мало; ѣхалъ, вблизи отъ ихъ дома, незнакомый имъ Графъ *Нулинъ,* какихъ тоже, къ несчастью, у насъ

---

*) Еще о «Полтавѣ» за этотъ годъ см.: «Галатея» ч. 3, № 16, стр. 254—260 (рец.); «Атеней», ч. 2, № 4, стр. 173—169 и «Сѣверный Архивъ».

**) «Бабочка» 1829 г. № 6.

Примѣч. В. Зелинскаго.

еще довольно. У послѣдняго изломалась коляска: онъ нечаянный гость *Натальи Павловны,* когда

«Въ отъѣзжемъ полѣ мужъ гарцуетъ», обѣдаетъ съ нею, говоритъ о Дарленкурѣ и Ламартинѣ, проводитъ съ нею вечеръ неприметно...

Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунну доску сторожъ бьетъ:
Въ гостиной свѣчки догорѣли.
Наталья Павловна встаетъ:
Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!... Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный, нѣжный Графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей, Боже! —
Тихонько Графу руку жметъ.
Наталья Павловна раздѣта;
Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, *вѣсти переноситъ,*
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою барина смѣшитъ,
Порой на барина кричитъ
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О Графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала: полно, надоѣла!
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и вытти вонъ велѣла».

Графъ *Нулинъ* легъ тоже:

«Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится Графу; бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувство».

Онъ мечтаетъ:

... «Теперь
Отворена конечно дверь —

Идетъ, «на все готовый», и — получаетъ *пощечину*...
Что можетъ быть простѣе? Все вещи знакомыя, бывалыя: но великій мастеръ поэтическаго дѣла создалъ изъ нихъ *повѣсть*, у насъ еще *небывалую*.

Въ этой повѣсти все превосходно: живость разсказа, очерки лицъ, изображенія мѣстностей. Она можетъ служить образцомъ *остроумія* и *утонченнаго вкуса*.

Если бы въ наше время жилъ еще *старичекъ Вольтеръ*, то вѣрно онъ не отрекся бы подписать имя свое подъ повѣстью Графъ Нулинъ — *Пушкина молодаго*.

Стиховъ въ образецъ красоты, изъ сей повѣсти, приводить нельзя: ибо мы *перепечатывать* цѣлыхъ сочиненій, безъ позволенія сочинителей, не въ правѣ.

Если бы кто рѣшился *приказать* намъ, въ повѣсти *Графъ Нулинъ*, сыскать *непремѣнно* слабый стихъ, тогда мы, покорствуя только приказу, указали бы, изъ всей повѣсти, на *одинъ* стихъ:

«Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ»,

Что касается до: «*Супруга*,

«Одна въ отсутствіи *Супруга*»

то эти риѳмы, вѣроятно, употреблены здѣсь съ какимъ-нибудь намѣреніемъ.

* * *

*) *Графъ Нулинъ, соч. А. Пушкина.*

Объ анекдотической Повѣсти: *Графъ Нулинъ*, не станемъ распространяться: его многіе уже знаютъ наизусть, и всѣ любители

---

*) «Сынъ Отечества» 1829 г. ч. 123, № 5 (Замѣтка С.).

Словесности давно уже согласились, что бойкость разсказа и живость стиховъ въ ней единственны. Можетъ быть, закоснѣлые любители старины, Критики Словесности и нравовъ, которые находятъ, что Французскія дамы временъ Регента и Лудовика XV очень мило падали съ табуретовъ, — сердятся на Пушкина за пощечину, данную Натальею Павловной Графу Нулину. Но пусть ихъ сердятся! Повѣсть Пушкина нисколько отъ того не потеряетъ, и все-таки останется въ памяти у людей, которые умѣютъ оцѣнивать и любить прелестныя игрушки Поэзіи.

С.

* * *

*) *Графъ Нулинъ* есть произведеніе Корvфея нашей Поезіи. Оно пересажено сюда изъ оранжереи *Сѣверныхъ цвѣтовъ*, гдѣ явилось назадъ тому уже годъ, во всей полнотѣ младенческаго простодушія, утрачивающагося, какъ видно, съ лѣтами. И столь ослѣпительно яркое сіяніе славы Поета, въ лучахъ коея вращается ета милая крошка литтературнаго нашего міра, что еще доселѣ не одинъ дурный глазъ (на недостатокъ коихъ грѣшно бы однако было пожаловаться) не изурочилъ ее внимательнымъ разсматриваніемъ и завистливымъ разборомъ. *Нулинъ... Пушкинъ!...*

Сіе послѣднее имя обдавало невольнымъ благоговѣніемъ всѣхъ и повергало въ безмолвное изумленіе. Честь и слава величію генія! одно имя его есть уже фирма, подъ которою самое ничтожество пропускается безпошлинно въ храмъ безсмертія!...

Его Сіятельство является теперь въ другой разъ на литтературной сценѣ, почти особнякомъ, не безъ нѣкоторой даже перемѣны въ прозрачномъ своемъ костюмѣ противъ перваго дебюта **). Ето показываетъ, что Поетъ не оставляетъ безъ отеческаго вниманія дѣтища, имъ на свѣтъ пущеннаго; что ему хочется продлить, упрочить и всеобщее вниманіе, созываемое имъ на малютку. Будемъ при-

*) «Вѣстникъ Европы», 1829 г., № 3 («Двѣ повѣсти въ стихахъ: Балъ и Графъ Нулинъ»).

**) Въ превосходной епизодической картинѣ *кота*, Поетъ подмѣнилъ нынѣ, если не обманываетъ насъ память, *кошку мышью:* ето переодѣло *жеманнаго* Крысопольскаго Селадона въ старинный обыкновенный костюмъ *Васьки* прожоры, болѣе щадящій чувство приличія, но менѣе оригинальный и не совсѣмъ гармонирующій съ ходомъ цѣлаго. Соч.

знательнѣе къ трудамъ высокомощнаго повелителя въ области нашей Поэзіи: отважимся бросить теперь скромный взглядъ на сіе драгоцѣнное произведеніе, въ которомъ, какъ въ мікрокосмѣ, отпечатлѣвается типъ всего поэтическаго міра, имъ сотвореннаго!

Но съ чего начать обзоръ нашъ?

Дай мнѣ точку! требовалъ нѣкогда мудрецъ, пытавшійся повергнуть вселенную: мы бы удовольствовались теперь и *зватель- цомъ,* чтобъ имѣть по крайней мѣрѣ что-нибудь, къ чему бы можно было прикрѣпиться. Но, по несчастію, для насъ въ *Графѣ Нулинѣ* нѣтъ даже и тѣхъ *точекъ,* коихъ длинные ряды украшаютъ, подобно перламъ, произведенія нынѣшнихъ геніевъ: ето — да проститъ намъ тѣнь великаго Паскаля! — ето есть *кружочикъ,* коего *окружность* — *вездѣ,* и *центръ* — нигдѣ!...

Если имя Поета (ποιητής) должно оставаться всегда вѣрнымъ своей етѵмологіи, по которой означало оно у древнихъ Грековъ *твореніе изъ ничего:* то пѣвецъ *Нулина* есть par excellence Поетъ. Онъ *сотворилъ* чисто *изъ ничего* сію Поему. Но за то и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома Іонійской філософической школы, на которую столь нападали позднѣйшіе креаціоналисты, что *изъ ничего ничего не бываетъ* (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соотвѣтствовало такъ вполнѣ носимому имъ имени *Графъ Нулинъ* есть *нуль,* во всей маѳематической полнотѣ значенія сего слова. Глубокомысленный Кантъ поставлялъ существеннымъ характеромъ *комическаго* то, что ожиданіе, имъ возбуждаемое, превращается въ *нуль.* Нашъ *Нулинъ* не можетъ имѣть и на то претензіи. Онъ не возбуждаетъ никакихъ ожиданій, кромѣ чисто *нульныхъ.* И мы — не безъ сердечнаго конечно раскаянія въ позволяемомъ себѣ кощунствѣ — можемъ сказать языкомъ великаго Галлера: «Взгромождаю *нули* на *нули,* умножаю ихъ, возвышаю въ безчисленныя степени: и ты, *нуль!* остаешься всегда весь, всегда равенъ себѣ — предо мною!»

И такъ—просимъ теперь не прогнѣваться, если мы увольняемъ себя отъ всегда скучной, но всегда и полезной работы: представить содержаніе разбираемой нами Поемы въ анатомическомъ скелетѣ. Чтò тутъ анатомировать?...

Мыльный пузырь, блистающій столь прелестно всѣми радужными цвѣтами, разлетается въ прахъ отъ малѣйшаго дуновенія... Чтò же тогда останется?... Тотъ же *нуль* — но въ добавокъ... безцвѣтный!

А ета *цвѣтность* составляетъ все оптическое бытіе его!... Скажемъ по сему только pro forma: *Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны*; геній Поета переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился — *Нулинымъ*. C' est le mot de l'énigme!...

— «Fi donc!» закричатъ со всѣхъ сторонъ усердные *прихожане* нигилистическаго изящества, коимъ становится дурно отъ всякаго *чтожества:* «что за педантическій тонъ? Что за школьное тѵранство? Какъ будто отъ поетическаго произведенія, назначаемаго единственно для наслажденія, непремѣнно должно требоваться ето несносное *нѣчто,* коимъ прожужжали намъ уши предики и диссертаціи!... A bas le Vandale! à bas le pedant!... Намъ не нужно ничего, кромѣ *картинъ* — однѣхъ *картинъ* и только! Поетъ долженъ быть вѣрнымъ живописцемъ природы; et voilà tout!» — Ваши покорные слуги, mesdames et messieurs! Мы никогда и не думали отнимать у Поезіи ея законнаго родоваго преимущества — живописать природу. И мы можемъ, съ позволенія нѣжнаго слуха вашего, прошепнуть въ оправданіе наше варварское изрѣченіе Горація, почитаемаго Корѵфеемъ педантовъ и идоломъ школъ: ut pictura, poësis!...

Да и что жь иначе могло бы привлечь вниманіе наше на разбираемую теперь нами поемку, если бы мы поетическую живопись считали чисто за *нуль* въ есѳетическомъ мірѣ?... Не одно ли только ето и сообщаетъ ей призракъ литтературной вещественности?... Иначе — намъ пришлось бы ограничиться однимъ аріѳметическимъ дѣйствіемъ вычитанія: *нуль изъ нуля — нуль!* и — концы въ воду! — И такъ — *живопись*... поетическая *живопись!*... A la bonne heure!... Никто не можетъ оспоривать пальму поетическаго живописца у Пѣвца *Нулина*. Его произведенія — и кто не знаетъ ихъ наизусть! — исполнены картинами, схваченными съ Натуры рукою мастерскою, одушевленною и — даже иногда слишкомъ — вѣрною. *Графъ Нулинъ* представляетъ непрерывную галлерею подобныхъ картинъ. Самое начало повѣсти есть образецъ живописи, коей не постыдились бы знаменитѣйшіе мастера Фламандской школы:

Пора! пора, рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужь на коняхъ сидятъ,
Борзыя прыгаютъ на сворахъ.

Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня;
Онъ холку хвать и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: не жди меня!
И выѣзжаетъ на дорогу.

Не правда-ли, что прекрасно?... Но превосходнѣйшее chef d'-oeuvre сей прелестной галлереи есть панорама сельской или лучше *дворовой* Природы, раскинутая магическимъ ковромъ передъ глазами Натальи Павловны, героини повѣсти:

Наталья Павловна сначала
Его *) внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой
И ею *тихо* (?) занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ.
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ...

Ето уже — не первой чета! Здѣсь изображена Природа во всей наготѣ своей — à l'antique! Жаль только, что сія мастерская картина не совсѣмъ дописана. Не уже ли въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора не умѣстились бы двѣ, три хавроньи, кои, разметавшись посултански на пышныхъ диванахъ топучей грязи, въ блаженномъ самодовольствіи и совершенно Епікурейской беззаботности

*) Т.-е. романъ.

о всёмъ окружающемъ ихъ, могли бы даже сообщить нѣчто занимательное изображенному зрѣлищу?... Почему Поетъ, представляя бабу, идущую развѣшивать бѣлье, черезъ грязный дворъ, уклонился нѣсколько отъ вѣрности, позабывъ изобразить, какъ она, со всѣмъ деревенскимъ жеманствомъ, приподнимала выстроченный подолъ своей пестрой понявы,

Чтобы ей воскрылій
Не омочить *усыпленною грязнаго* моря волною?...

Ето едва извинительно въ живописцѣ великомъ и всеобъемлющемъ!... Изображенія внутреннихъ душевныхъ *ситуацій* не менѣе живописны. Кто не закраснѣется хоть немножко при описаніи разстроеннаго положенія сердечныхъ дѣлъ *Графа Нулина,* приготовляющагося къ ночному пилигримству?

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится Графу, бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувство. Пылкой нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій —
Здоровье краше всѣхъ румянъ.
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ точно, точно такъ,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ бы остаться съ нею
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло...

А!... каково! Нельзя, право, не сотворить молитвы! такъ живо изображено бѣсовское навожденіе!... Здѣсь интересъ повѣсти начинаетъ возрастать по законамъ драматическаго искусства.

Опытный читатель вмѣстѣ со *влюбленнымъ* Графомъ

. . . . Въ потемкахъ бродитъ,
Дорогу ощупью находитъ,
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводитъ,
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ

Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ *завѣтной* двери и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ;
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.
Онъ входитъ, *ищетъ* (?), отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она...

гъ не столько милостивъ для читательницъ: онъ проситъ *Пе-бургскихъ дамъ, съ ихъ позволенья,* самимъ

Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны...
И разрѣшить, что̀ дѣлать ей.

не совсѣмъ вѣжливо! Можетъ быть, многія изъ нашихъ Мо-скихъ дамъ, не бывавши въ такихъ случаяхъ, не̇ будутъ и ъ дополнить сами собою етотъ пробѣлъ. Но — тс!... что-то тъ дальше?

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа — нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выписныя
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся...

ıs!...

Но — тутъ опомнилась она;

за Богу!...

Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
Она Тарквинію съ размаха...

!...

Даетъ пощечину, да! да!
Пощечину, да вѣдь какую!...

ь истинно Высокое Поезіи!... Какой безпредѣльный океанъ ывается для взора и слуха читателя!... Здѣсь живопись сли-

вается съ музыкою; краски мѣшаются со звуками... и у меня по сю пору мерещится въ глазахъ етотъ бѣдный Нулинъ, облизнувшійся какъ лысый бѣсъ, и отдается въ ушахъ ета звонкая пощечина, разбудившая даже *Косматаго Шпица* и вѣрную *Парашу*.

Чудаки покачиваютъ головою и говорятъ сквозь зубы: «все ето такъ! все ето правда! все ето вѣрный снимокъ съ натуры!... Да съ какой натуры?... Вотъ тутъ-то и закавычка!... Мало ли въ натурѣ есть вещей, которыя совсѣмъ нейдутъ для показу?... Дай себѣ волю... пожалуй, залетишь и — Богъ вѣсть! — куда! — отъ спальни недалеко до дѣвичьей; отъ дѣвичьей — до передней; отъ передней — до сѣней; отъ сѣней — дальше и дальше!... Мало ли есть мѣстъ и предметовъ, еще болѣе *вдохновительныхъ,* могущихъ представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивыхъ дѣлателей!... Немудрено дождаться, что насъ поведутъ и туда со временемъ! — Чтожъ касается до повѣсничествъ и безпутствъ, то имъ *нѣстъ числа!...* Выставлять ихъ на показъ, значитъ оскорблять человѣческую природу, которая не можетъ никогда выносить равнодушно собственнаго уничиженія. Почему и желательно было бы, чтобъ онѣ не выходили никогда изъ того мрака, въ коемъ обыкновенно и совершаются!» — C'est bon, Messieurs les Camtschadales! C'est bon! — Правду сказать, не льзя не признаться, что ваши опасенія имѣютъ видъ справедливости. Сцена, происшедшая между Графомъ и Натальей Павловной, безъ сомнѣнія, очень смѣшна. Можно легко повѣрить, что ей отъ всего сердца

Смѣялся Лидинъ ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Я и самъ, хоть не помѣщикъ, но завалившись недавно, еще за двадцать три года, не могу не раздѣлить его смѣха, хотя и не имѣю на то особыхъ причинъ, какія вѣроятно имѣлъ онъ. Но каково покажется ето моему почтенному дядюшкѣ, которому стукнуло уже пятьдесятъ, или моей двоюродной сестрѣ, которой невступно еще шестнадцать; если сія послѣдняя (чего Боже упаси!), соблазненная демономъ дѣвическаго любопытства, вытащитъ потихоньку изъ незапирающагося моего бюро ето сокровище?... Грѣха не оберешься!... Съ другой стороны однако должно согласиться, что пѣвецъ *Нулина* не совсѣмъ еще отрѣшился отъ узъ приличія и умѣетъ

ıногда полагать границы своевольному своему генію. Такъ напр., ıри подробномъ описаніи ночныхъ утварей, которыми аккуратный Monsieur Picard снабдилъ отходящаго ко сну Графа:

Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, *будильникъ*...

Кто не чувствуетъ что послѣднее слово есть вставка, замѣнившая другое равное созвучное, но болѣе идущее къ дѣлу, слово, ıринесенное Поетомъ съ истинно героическимъ самоотверженіемъ зъ жертву тиранскому приличію?... То же самое чувство благородной нисходительности къ людскимъ предразсудкамъ выражается въ полуıімическомъ отвѣтѣ Графа на вопросъ Натальи Павловны:

«Какъ тальи носятъ?» — Очень низко,
Почти до... вотъ до етихъ поръ.

Какая любезная скромность!... Поетъ заставилъ героя своего не ;казать, а *показать* то, для выраженія чего языкъ нашъ не имѣетъ книжнаго слова. Grand merci!...

О стихотвореніи *Графа Нулина* и говорить нечего. Оно по зсѣмъ отношеніямъ прекрасно. Стихи гладкіе, плавные, легкіе, какъ бы сами собою сливаются съ языка у Поета. Ето — nugae canorae! Увлекаясь ихъ плѣнительною гармоніею, невольно иногда негодуешь и спрашиваешь: «За чѣмъ ети прекрасные стихи имѣютъ смыслъ? За чѣмъ они дѣйствуютъ не на одинъ только слухъ нашъ?» Истинно завидна участь Графа Нулина! За проглоченную имъ пощечину Его Сіятельство купилъ счастіе быть воспѣтымъ въ прелестныхъ стихахъ, которыми не погнушались бы знаменитѣйшіе герои.

Кончимъ разсмотрѣніе наше общимъ замѣчаніемъ объ обѣихъ ıовѣстяхъ, насъ занимавшихъ. Ето суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литтературы! Они и красны и пухлы и зрѣлы: ıо... che chi ha i duo' occhi il veda...

Съ Патріаршихъ прудовъ.

* * *

*) *О чутьѣ Критика Имярекъ, живущаго на Патріаршихъ Прудахъ.*

Similis simili gaudet.

Подобный подобнымъ и любуется: таковъ, кажется, смыслъ этой Латинской поговорки, оправданной на дѣлѣ Г. Критикомъ *съ Патріаршихъ Прудовъ.* Сей Критикъ жалѣетъ, что «въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора (описаннаго Пушкинымъ въ Повѣсти: Графъ Нулинъ) не умѣстились двѣ, три Хавроньи», и что «баба, идучи развѣшивать бѣлье, не приподымала выстроченный подолъ своей пестрой понявы». Онъ же, Г. Критикъ, говоритъ: «Дай себѣ волю: пожалуй, залетишь и Богъ вѣсть куда! Отъ спальни недалеко до дѣвичьей, отъ дѣвичьей до передней; отъ передней до сѣней; отъ сѣней — дальше и дальше!... Мало ли есть мѣстъ и предметовъ, еще болѣе вдохновительныхъ и проч. и проч.» Видимъ, куда залетѣлъ Г. Критикъ. Оставимъ его тамъ. — Далѣе: онъ же, Г. Критикъ, подозрѣваетъ, что принесенный Нулину слугою его *будильникъ* замѣнилъ другое, *созвучное, но болѣе идущее къ дѣлу слово:* какое тонкое чутье!

Наконецъ, онъ же говоритъ о двухъ Повѣстяхъ, *Балѣ* и *Графѣ Нулинѣ:* «это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей Литературы! Они и красны и пухлы и зрѣлы: но...

«Che chi ha i duo'occhi il veda!»

и весьма кстати подписываетъ подъ этимъ Италіянскимъ стихомъ: «*Съ Патріаршихъ Прудовъ.*

Не правда ли, что у Г. Критика весьма тонкое чутье?... Не правда ли, что онъ кстати выбралъ себѣ мѣсто пребыванія? Не правда ли, что *подобный подобнымъ и любуется?*

Кстати о *Хавроньяхъ:* вспомнимъ, какъ въ Баснѣ Крылова отвѣчаетъ Хавронья пастуху, на вопросъ, что она видѣла въ богатомъ и пышномъ барскомъ домѣ:

«Хавронья хрюкаетъ: ну, право, порютъ вздоръ;
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ, да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ».

*) «Сынъ Отечества» 1829 г., ч. 124, № 12.

Вспомнимъ также и прекрасный стихъ, которымъ Баснописецъ нашъ начинаетъ мѣткое примѣненіе своей Басни.

«Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!» *и пр.*

* * *

*) Г. Критикъ съ Патріаршихъ Прудовъ извѣщаетъ всѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, «что онъ, недавно еще *завалился* за двадцать три года». Слѣдовательно онъ уже вышелъ изъ ребятъ, хотя еще и незамѣтно въ критикахъ его возмужалости. Жаль, что въ эти лѣта онъ или близорукъ или опрометчивъ, и не можетъ различить *кошки* съ *мышью:* иначе онъ не сдѣлалъ бы той грубой ошибки, которую помѣстилъ въ примѣчаніи къ своей критикѣ на Графа Нулина **). Изъ человѣколюбія, совѣтуемъ ему надѣть очки, читать повнимательнѣе, помнить получше прочитанное и писать не наобумъ.

*) «Сынъ Отечества» 1829 г., ч. 124, № 12 (замѣтка, подъ заглав.: «О молодости лѣтъ Г. Критика съ Патріаршихъ Прудовъ»).

**) В. Евр. кн. III, стр. 216. Тамъ сказано: «Въ превосходной эпизодической картинѣ *кота,* поэтъ подмѣнилъ нынѣ, если не обманываетъ насъ память, *кошку мышью.* Это передѣлало жеманнаго крысопольскаго селадона въ старинный обыкновенный костюмъ *Васьки* прожоры, болѣе щадящій чувство приличія, но менѣе оригинальный и не совсѣмъ гармонирующій съ ходомъ цѣлаго». — Здѣсь что слово, то спасибо. *Крысопольскій селадонъ и Васька прожора* — все это очень хорошо и совершенно гармонируетъ съ понятіями, вкусомъ и *чувствомъ приличія* Г. Критика съ *Патріаршихъ Прудовъ.* Жаль только, что построенные имъ городки сами собою разсыпаются: придуманной такъ удачно Г. Критикомъ *кошки* нѣтъ и не бывало ни въ Нулинѣ, помѣщенномъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, ни въ Нулинѣ, напечатанномъ въ особой книжкѣ. Охотники до справокъ и повѣрокъ могутъ взглянуть на 16 страницу стихотвореній въ Сѣверн. Цвѣтахъ 1828, и на 23 стр. Повѣсти: *Графъ Нулинъ,* напечатанной вмѣстѣ съ Повѣстью: *Балъ.*

Оглавленіе 2-й части.

КНИГИ,

СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ:

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Два выпуска. Москва 1884 г. Ц. 4 р. (Въ продажѣ находится только 2-й выпускъ.)

Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго (сборникъ критикъ). Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго. 3 части. Москва, 1885—1886 г. Цѣна 3 р. 25 к. (каждая часть продается отдѣльно: 1-я и 2-я части по 1 р., а 3-я — 1 р. 25 к.).

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Двѣ части. Москва, 1886—1887 г. Ц. 2 р. (3-я часть въ печати.)

Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Москва, 1886 г. Ц. 35 к.

Алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Составленъ по Гроту. Изданіе 2-е. Москва, 1887 г. Ц. 25 к.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. (Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.) Ч. 1-я и 2-я. Москва, 1887 г. Ц. 2 рубля.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Сборникъ критикъ о произведеніяхъ Л. Н. Толстого.
Зрительный диктантъ. (Самодиктованіе и самоисправленіе.)

Складъ изданій В. А. Зелинскаго въ Москвѣ, на Патріаршихъ прудахъ, д. Миролюбовой.

Лица, выписывающія изъ склада книги на сумму менѣе рубля, могутъ прилагать марками.

Цѣна 1 руб.

